Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Ивановский государственный университет

Ю. А. ИЛЬИН

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО
ОКТЯБРЬ 1917 г. — МАРТ 1919 г.

Иваново
Ивановский государственный университет
1998

правых переломить ситуацию — уход со съезда — лишь ускорила принятие оставшимися решения о начале работы Чрезвычайного крестьянского съезда. Председателем съезда была избрана М. А. Спиридонова. Политический подтекст происходившего состоял в следующем: депутатский корпус в основной своей массе осознал необходимость выбора идейных руководителей крестьянства в изменившихся революционных условиях и выбор этот сделал; благодаря признанию левых эсеров своими вождями сознательное крестьянство с доверием отнеслось и к Советской власти. Поэтому сочувственно была встречена собравшимися приветственная речь М. А. Спиридоновой, которая заявила: "Наша революция находится в таком положении, что ее нужно немедленно спасать... Нужно, чтобы крестьянство сказало свое слово в вопросе о создании однородной власти из всех социалистических партий... только крестьянство может помочь, создав новую власть, авторитетную"[12].

Вопрос о власти стал главным и единственным в повестке дня первого представительного форума крестьян России после взятия власти партией большевиков 25 октября 1917 г. Заданный левыми эсерами тон Чрезвычайный крестьянский съезд сохранил до последнего дня своей работы. В зачитанном матросом Киселевым "Наказе военного крестьянства", выступлении делегата крестьян Рязанской губернии, прозвучавших 32 наказах низовых армейских организаций (где наряду с жесткой критикой политики исполкома Советов К. Д. и Временного правительства содержались заявления о полной поддержке инициатив новой власти) угадывались, хотя и слабые, симптомы "ухода" крестьянства из-под опеки эсеров, принятие принципа Советской власти в Центре и на местах как содружества, партнерства левых социалистических партий, и прежде всего большевиков и левых эсеров. 12 ноября произошло знаменательное событие: съезд из трех предлагавшихся резолюций о власти проголосовал за резолюцию левых эсеров: "1. ВЦИК Советов Р. и С. Д. и Советов К. Д. сливаются на паритетных началах. 2. Правительство создается из партий от народных социалистов до большевиков. 3. Власть

[12] *Гайсинский М.* Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г.: Всероссийские съезды Советов К. Д. М., 1933. С. 181—182.

должна быть ответственна перед Советом. 4. В случае несогласия крайних правых и крайних левых власть берут остальные партии, стоящие на платформе II Всероссийского съезда Советов Р. и С. Д." За нее проголосовало 123 человека (для сравнения: за резолюцию большевиков — 45 человек, эсеров-максималистов — 5 человек). Съезд постановил немедленно приступить к переговорам о соглашении. Это был триумф левых эсеров. 14 ноября съезд поддержал доклад М. Натансона (левый эсер) о слиянии ЦИКов Советов К. Д. и Советов Р. и С. Д. и утвердил нормы представительства кандидатов в члены ВЦИКа Советов К., Р. и С. Д. (82 места — левым эсерам, 16 — большевикам, 3 — эсерам-максималистам, 1 — анархистам, 6 — беспартийным). А 15 ноября состоялось совместное заседание ЦИКов Р. и С. Д. и К. Д. Были довольны и большевики: наконец-то оформилась коалиция власти из левых социалистических партий. В частности, Г. Е. Зиновьев заявил: "...состоялась та единственная коалиция, то единственно возможное соглашение, которое должно закрепить факт действительной победы революции, — соглашение рабочих, солдат и революционного крестьянства..." Я. М. Свердлов охарактеризовал слияние ЦИКов как "один из самых выдающихся фактов революции". Речь его прерывалась аплодисментами и криками: "Да здравствует конец гражданской войны!", "Да здравствует единство демократии!" Собравшимися было принято решение считать 15 ноября "днем братского единения русской демократии"[13].

Чрезвычайный съезд неожиданно для большевиков раскрыл тесную связь левых эсеров с трудовыми крестьянскими массами; воочию показал, что левые эсеры стали партией всего класса крестьянства, позитивно встретившего "Октябрь" и первые декреты новой власти. Об этом свидетельствует динамика численности партийных фракций в ходе его работы: 11 ноября насчитывалось 56 левых эсеров, 24 большевика; 13 ноября — соответственно 169 и 43; 18 ноября — 195 и 37. Чрезвычайный крестьянский съезд заставил большевиков считаться с партией левых эсеров. Процитируем выступление

[13] *Любимов И. Н.* Указ. соч. С. 131, 143; *Гайсинский М.* Борьба большевиков за крестьянство... С. 156, 210; Дело народа. 1917. 17 нояб.

В. И. Ленина на съезде 18 ноября: "...Касаясь вопроса о союзе рабочих большевиков с левыми эсерами, которым сейчас доверяют многие крестьяне, я доказывал в своей речи, что союз этот может быть честной коалицией, честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян — нет..."[14] Но заметим, что перелом в настроении, "дрейф" влево касался главным образом так называемого "военного" крестьянства, в среде которого события накануне и после Октябрьского переворота подготовили соответствующие условия. На Чрезвычайном съезде представительство от "штатского" крестьянства (в массах которого влияние партии эсеров оставалось наиболее ощутимо) было ничтожно малым, а без его волеизъявления и выяснения партийных пристрастий говорить о глубинных изменениях в политическом сознании абсолютного большинства населения страны не приходится. Это понимали все силы (большевики, левые и правые эсеры) и спешили заручиться в борьбе за власть мощной поддержкой класса крестьянства, единственно способного радикально изменить течение революционного процесса в России.

Вот почему почти сразу после завершения работы Чрезвычайного крестьянского съезда было объявлено о начале заседаний II Всероссийского съезда Советов К. Д. 26 ноября 1917 г. На нем, наоборот, было представлено главным образом население тыловых районов страны, что и сказалось на партийном составе депутатского корпуса: из 789 делегатов 91 человек считали себя большевиками, 350 — левыми эсерами, 307 — правыми эсерами[15]. Эсеры поняли, что наступил благоприятный момент для политического реванша, идейного разгрома течения левых эсеров в среде крестьянства, взятия руководства данным форумом в свои руки и через него организации всекрестьянского "крестового похода" против большевистской власти. Орудием борьбы против политических конкурентов за влияние на крестьянство партия эсеров избрала не нападки на Советы, а всеобщую приверженность сельского населения России к идее скорейшего созыва Учредительного собрания. По ее мнению, подобная тактика облегчала задачу объединения большинства депутатского корпуса съезда против большевиков и левых эсеров. Эсеровская "атака" на собравшихся была такой мощной, что заколебались даже сторонники левых эсеров. 3 декабря 1917 г. в ходе голосования прошла резолюция о немедленной передаче власти собравшимся в Петрограде депутатам Учредительного собрания, осуждалась развязанная большевистскими Советами кампания травли, арестов членов данного всенародного форума. Последнее требование имело глубокий смысл: неприкосновенность отдельных членов подчеркивала неприкосновенность Учредительного собрания в целом, когда оно соберется и начнет вырабатывать государственные законы, независимо от характера его деятельности и содержания принимаемых им документов. За резолюцию проголосовало 359 человек, против — 321 человек. Большевики и солидаризировавшиеся с ними левые эсеры выступили против результатов голосования и самой резолюции. Правые эсеры и их сторонники в знак протеста покинули зал заседания: всего ушло 347 человек. Остались и продолжили работу 424 делегата с решающим голосом и 60 делегатов с совещательным. Вскоре часть делегатов вернулась и продолжила работу на съезде. Остальные были либо арестованы, либо разъехались по домам.

Так неудачей закончилась попытка эсеров осуществить свои замыслы, данный съезд окончательно развел крестьян — приверженцев Учредительного собрания на правых (не признававших Октябрьский переворот и власть большевиков) и левых (именно в последних событиях видевших залог скорейшего созыва и успешной работы всенародного Собрания). Первые (имевшие социальную базу в деревне в лице зажиточных слоев крестьянства европейской части России, сельского населения Восточного Приуралья и Урала, Сибири, казачьих областей, части середнячества, тесно связанного с этими кругами крестьянского населения) начали "дрейф" в сторону буржуазной демократии; вторые (середняки и деревенская беднота) — в сторону признания Октябрьского переворота, правящей коалиции советских партий (большевики и левые эсеры), принятия созываемым Учредительным собранием на вооружение программы II Всероссийского съезда Советов Р. и С. Д., подкрепленной решениями Чрезвычайного и II Всероссийского крестьянских съездов.

[14] *Гайсинский М.* Борьба большевиков за крестьянство... С. 182—183, 248; *Любимов И. Н.* Указ. соч. С. 138; Дело народа. 1917. 12 нояб.
[15] *Городецкий Е. Н.* Указ. соч. С. 128.

Таким образом, II Всероссийский съезд Советов К. Д. принес победные "лавры" в основном партии большевиков, которая окончательно добилась политической изоляции левых эсеров от других непролетарских партий и "настроила" крестьянство против правых эсеров. Так, съезд принял резолюцию, осуждавшую деятельность эсеровского исполкома Советов К. Д., и воззвание к крестьянству России (кстати, проект его был написан В. И. Лениным). В последнем документе говорилось о правых эсерах как о раскольниках и изменниках "всего учения и программы социалистов-революционеров", перебежавших в лагерь врагов революции; левые эсеры были названы "верными хранителями учения, программы и требований социалистов-революционеров", партией, которая осталась верной интересам трудящегося крестьянства. Воззвание призывало крестьян поддерживать решения II Всероссийского съезда Советов Р. и С. Д. и II Всероссийского съезда Советов К. Д. При выборах во ВЦИК Советов К. Д. партия большевиков была единственной, усилившей свое представительство в данном исполнительном органе (из 108 мандатов 81 достались левым эсерам, 20 — большевикам; для сравнения: на Чрезвычайном съезде — из 108 мандатов — соответственно 82 и 15). II Всероссийский крестьянский съезд, по признанию В. И. Ленина, "дал победу Советской власти". "С Советом К. Д. II созыва, — говорил Ленин, — у нас установился тесный контакт. С ним мы организовали Советскую власть рабочих, солдат и крестьян"[16]. Данный съезд — стратегическая победа большевиков, успехи же левых эсеров (опять-таки благодаря поддержке большевиков) носили скорее тактический характер. Например, прошла кандидатура М. А. Спиридоновой при выборах председателя съезда, победила резолюция левых эсеров (по сути являвшаяся смягченным вариантом большевистской резолюции, на данном съезде проваленной) об Учредительном собрании, увеличилось представительство левых эсеров в Совнаркоме. В речи В. М. Чернова на X Петроградской конференции партии эсеров (15 ноября 1917 г.) прозвучала такая оценка "пирровых побед" левых эсеров: "...другие пошли за большевиками — те самые, которые всегда

[16] *Городецкий Е. Н.* Указ. соч. С. 129.

бегут за колесницей победителя. А большевизм — он переживает свой медовый месяц..."[17]

Политические решения II Всероссийского крестьянского съезда, показавшие лояльность большинства крестьянства России к Советской власти (и даже согласие с тем, что программой действий Учредительного собрания должны быть демократические завоевания "Октября") придали уверенность правящему режиму в выработке ультиматума Учредительному собранию о признании Советов и их политики. Но, с другой стороны, большевикам были известны и результаты выборов в данный представительный орган: за мелкобуржуазные партии (главным образом за эсеров) и большевиков проголосовало соответственно 20,9 млн и 9,02 млн человек (т. е. 62 % и 25 % избирателей, принявших участие в выборах). Причем целые регионы, как правило аграрные, отдавали явное предпочтение эсерам (Центрально-черноземный регион, Поволжье, Восточный Урал и Сибирь, Украина)[18]. Было ясно, что результаты выборов уже не отражают реальные подвижки в политическом сознании крестьянства, зафиксированные (и в значительной степени стимулированные) Чрезвычайным и II Всероссийским крестьянскими съездами. Но кто мог указать большевикам ту грань силового давления на Учредительное собрание, выход за которую грозил шквалом гнева со стороны многочисленных приверженцев данного представительного Совещания из среды крестьянства, еще находившегося в плену парламентских ожиданий. Поэтому правящая партия "подстраховалась": признала возможным складывание "двоевластия", правда, оговариваясь, что Учредительное собрание должно подчиняться Советам и что длительность существования комбинированной формы власти в стране будет зависеть от прочности иллюзий населения и тактики действительного большинства Собрания.

Одновременно на заседании ВЦИК Советов Р. и С. Д. 22 декабря 1917 г. была принята резолюция об Учредительном собрании, в которой, в частности, говорилось: "...ЦИК считает необходимым всей организующей силой Советов поддержать левую половину Учредительного собрания против

[17] Дело народа. 1917. 17 нояб.
[18] *Шавеко Н.* Указ. соч. С. 207, 218.

факты имели место в Чухломском и Макарьевском уездах данной губернии[51]. Собрание граждан Одоевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии ходатайствовало об изменении наименования волостной земской управы по причине того, что "гражданам ненавистны наименования "земство", "земская"; собрание просило "о наименовании управы волостным комитетом". По ходатайству граждан волостное земство преобразуется в волостной Совет, а земская управа в исполком с устранением из этих учреждений буржуазных элементов"[52].

В условиях оторванности губернской власти от мест, отсутствия единства взглядов по текущему моменту у Советов уездного ранга, в частности у Советов Р. и С. Д. и Советов К. Д., "кавалерийская атака" на земства привела к ослаблению местной власти (одна власть заступала на место другой) и даже к дискредитации ее в глазах населения. Начавшиеся продовольственные затруднения, рост преступности и хулиганства среди населения усиливали критический взгляд крестьянства на способность и земств, и новоявленных Советов навести порядок в волостях и селах. Осознание надвигающейся опасности хаоса, смуты и гражданской войны, с одной стороны, и рост негативных настроений по отношению к существующей на местах власти, ставших привычными среди населения со времен Февральской революции, — с другой, привели к феномену реставрации земств николаевского типа (Владимирская губерния) либо земств, избранных на демократической основе и принявших платформу II Всероссийского съезда Советов Р. и С. Д. (Новоузенский уезд Самарской губернии, Рязанский уезд и Калужский уезд одноименных губерний, Елецкий уезд Орловской губернии и т. д.)[53].

В ряде местностей население стихийно отреагировало на междувластие новой полосой выступлений, погромов против оставшихся помещичьих имений, лесными порубками, бойкотом распоряжений уездных и волостных властей, отказами от уплаты налогов, прекращением подвоза хлеба в города. Были и попытки сельского населения учредить подобие суве-

[51] За волю народа. Кострома, 1918. 1 марта.

[52] Советы в Октябре. С. 204.

[53] Год русской революции. С. 147.

ренных республик в границах отдельных волостей со своей деревенской юстицией. На селе сложилась ситуация, которую ярко и в немногих словах воспроизвела резолюция общего собрания Рассказовского Совета Р., С. и К. Д. Тамбовской губернии от 30 января 1918 г.: "Такой образ жизни нашей местности приводит всех граждан в ужас от всевозможных разрух и гибели окончательной жизни в населении..."[54]

Подобный поворот дел заставил Советскую власть всех уровней прервать "красногвардейскую атаку" на земства и в очередной раз занять умеренную линию в процессе замены системы земского самоуправления властью своих контрагентов на местах. Напомним ее суть: создание полнокровной Советской власти не через разрушение, разгром земского аппарата управления, а через овладение этим аппаратом, вовлечение в советскую структуру всего ценного, что имелось в земствах. Тем более что значительное число Советов разного уровня уже имели опыт и навыки конструктивного сотрудничества с аппаратом земств. Нельзя было сбрасывать со счетов и того, что земства еще пользовались поддержкой части крестьянства, а также и того, что ряд земских учреждений к тому времени путем демократических выборов революционизировался и поддерживал мероприятия Совнаркома и ВЦИК. Деловой контакт с Советами установили земства Казанской, Самарской губерний, Красносельского и Новоладожского уездов Петроградской губернии, Холмского уезда Псковской губернии, Новозыбковского уезда Брянского района и т. д.[55]

2. Январь — февраль 1918 г. На этом этапе процесса замены земской системы управления определяющей тенденцией развития стало упрочение уездного звена Советской власти. Проявлялась данная тенденция на местах по-разному.

А. Через развертывание сети и перевыборы ранее существовавших уездных Советов К. Д. и их исполкомов (так, в указанный период, по данным 30 губерний Европейской России, было образовано 47 новых уездных Советов К. Д., что

[54] Советы в Октябре. С. 182.

[55] 10 лет Советской власти в Нижегородской губернии. С. 18—19; Октябрь на Брянщине: Сб. док. и воспоминаний. Брянск, 1957. С. 66—67.

означало установление Советской власти во всех 310 уездах данного региона[56]), признание последними платформы II Всероссийского съезда Советов Р. и С. Д., Чрезвычайного и II Всероссийского крестьянских съездов (уезды Витебской и Псковской губерний, Тверской губернии, Новооскольский и Тимский уезды Курской губернии, Трубчевский уезд Брянского района, Темниковский уезд Тамбовской губернии, уезды Симбирской губернии и т. д.)[57]. Побудительными мотивами для новой "волны" развертывания сети уездных Советов и переизбрания старых, помимо Учредительного собрания, были: нажим со стороны Центра (указания о создании сети Советов на местах от 22 декабря 1917 г. и 5 февраля 1918 г.); слабость среднего звена власти при нарастании проблем экономического, социального и административного характера; массовая демобилизация армии, существенно изменившая состав и настроения сельского населения; отставание старых Советов от веяний дня и т. д.

Б. Через объединение Советов К. Д. с Советами Р. и С. Д. на уездном уровне (по данным 30 губерний Европейской России, до января 1918 г. из 263 Советов К. Д. лишь 113 были объединены с Советами Р. и С. Д., в январе — феврале 1918 г. остальные 150 Советов К. Д. были объединены с Советами Р. и С. Д., а вновь созданные 47 Советов К. Д. сразу же слились с рабочими и солдатскими советскими структурами[58]). Таким образом все уездное звено Советской власти сформировалось на объединенной основе. Причем это объединение осуществлялось по инициативе как самих Советов К. Д. (Бежецкий уезд Тверской губернии, уезды Пензенского края, Темниковский уезд Тамбовской губернии и т. д.)[59], так и Советов Р. и С. Д. (Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии, Новозыбковский уезд Брянского района, уезды Петроградской губернии, Вельский уезд Саратовской губернии, Уржумский

[56] *Ерицян Х. А.* Указ. соч. С. 149.

[57] См., напр.: Советы в Октябре. С. 147, 195, 208—209, 218, 225, 233; *Лутовинов И. С.* Указ. соч. С. 317; Октябрь на Брянщине. С. 238; Установление Советской власти в Мордовии. С. 234—235.

[58] *Ерицян Х. А.* Указ. соч. С. 149.

[59] Советы в Октябре. С. 194; *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 185—186, 190; Октябрь на Брянщине. С. 67.

уезд Вятской губернии, Холмский уезд Псковской губернии, Онежский и Кемский уезды Архангельской губернии, уезды Нижегородской губернии др.)[60]. Причем оговоримся сразу, что и в первом, и во втором случаях объединение шло "цивилизованным" путем: по взаимному согласию уездных Советов на учредительных съездах Советов.

В. "Нецивилизованным" путем: власть в уезде захватывали Советы Р. и С. Д. (Тихвин Новгородской губернии: "Власть у Совета, который не слит с Советом К. Д., т. к. последний идет за правыми эсерами"; Елецкий уезд Орловской губернии: "Вся полнота власти, как в г. Ельце так и в уезде, находится в руках ВРК, созданного Советом Р. и С. Д."; Кинешма Костромской губернии: "Власть в руках районного Совета Р. и С. Д."; Богородицкий уезд Московской губернии: "Ввиду того, что исполком Совета К. Д. в большинстве своем отрицательно относится к существующей Советской власти, последовательно продолжает разрушать работу по организации Советской власти в уезде и укреплению прав трудового народа, исполком Богородицкого уездного Совета Р. Д. постановил: 1. Советскую власть в уезде осуществлять исполкомом Совета Р. Д. совместно с членами исполкома Совета К. Д., стоящими на платформе Советской власти. 2. Исполком Совета К. Д. объявляется распущенным")[61]. В этом случае власть указанных Советов в уездах поддерживалась или силой оружия, или административной "припиской" ближних волостей к городам, фабрично-заводским поселкам[62].

По мере упрочения уездного звена Советской власти усиливался его нажим на соответствующую структуру органов земского самоуправления. Январь — февраль 1918 г. — время ликвидации уездного земства как института власти на местах (в Костромской губернии — Макарьевского, Галичского, Кинешемского, Буйского, Ветлужского; в Курской губернии — Льговского; в Тамбовской губернии — Елатомского; в Симбирской губернии — Ардатовского; в Воронежской губернии —

[60] См., напр.: Советы в Октябре. С. 185, 195; *Лутовинов И. С.* Указ. соч. С. 302; 1917 г. в Саратовской губернии. С. 265, 267—268.

[61] Советы в Октябре. С. 190, 198, 200, 318—319.

[62] Там же. С. 201—202; *Тодоровский А.* Год с винтовкой и плугом. Весьегонск, 1918. С. 10—11.

Землянского)[63]. О том, как шла сама процедура гонений на уездные земства, дает яркое представление событие, произошедшее в г. Макарьеве Костромской губернии и описанное "Русскими ведомостями" в номере за 22 февраля 1918 г.: "Переполнен зал, люди на улице и площади. Около здания вооруженные красногвардейцы. На собрание является в полном составе Совет К. и С. Д. Председатель огласил бумагу Совета о введении членов Совета с правом решающего голоса на собрании. При голосовании требование Совета отвергается. Не успел еще председатель внести резолюцию, как поднимается настоящая свалка. Солдаты вскакивают со своих мест и с криком "долой!" подскакивают к гласным. Гласные, однако, мест не покидают. В зале началась паника и бегство публики. Председатель собрания объявляет перерыв, а председатель Совета С. и К. Д. объявляет собрание распущенным. В здание земства вводится вооруженная сила"[64].

В ряде мест "красногвардейская атака" получила свое продолжение в волостях, против низовых структур земства (Курловская волость Новоузенского уезда Самарской губернии, Миленинская волость Фатежского уезда Курской губернии, волости Мышкинского уезда Ярославской губернии, Корешовская волость Островского уезда Псковской губернии, Рассказовская волость Тамбовской губернии, Панжинская волость Наровчатского уезда и Зыковская волость Саранского уезда Пензенского края, волости Богородицкого уезда Московской губернии, Поповская волость Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, ряд волостей Владимирской губернии, волости Кинешемского, Юрьевецкого, Галичского и Ветлужского уездов Костромской губернии и т. д.[65]).

[63] См., напр.: За волю народа. 1918. 1 марта; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 165—166; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 92; Мысль. Владимир, 1918. 20 февр.; Упрочение Советской власти в Татарии. С. 192.

[64] Русские ведомости. Москва, 1918. 22 февр.

[65] Советы в Октябре. С. 165—166, 182, 230, 318—319; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 149; *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 211; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. С. 168.

Если на данном этапе окрепшее уездное звено Советской власти твердо придерживалось курса на полное вытеснение уездного земства с политической арены, предварительно вобрав в себя здоровые, конструктивные элементы уходящей в прошлое системы управления, то по отношению к волостным земствам Советы пока придерживались тактики сотрудничества с ними. Она позволяла со временем "растворить" низовую структуру земств в недрах существовавших волостных и сельских Советов и даже превратить ее в первооснову, фундамент развертывавшейся по стране сети низовых государственных учреждений (Елатомский уезд Тамбовской губернии, Бежецкий уезд Тверской губернии, Холмский уезд Псковской губернии, Даниловский уезд Ярославской губернии, уезды и волости Нижегородской губернии и др.)[66].

В ряде местностей уездные и волостные Советы "перескакивали" через эту фазу сотрудничества и практиковали включение земств в свою структуру путем простого их переименования. Так случилось с земствами Малашлайской волости Вятской губернии, Одоевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, Коганурской волости Уржумского уезда Вятской губернии, волостей Вольского уезда Саратовской губернии и др.[67] Когда такие действия по отношению к достаточно авторитетным органам самоуправления предпринимались незарекомендовавшими себя (и просто скомпрометированными) Советами, то переход власти из одних рук в другие сопровождался столкновениями и "разборками", в свою очередь усугублявшими политическую и социально-экономическую ситуацию на местах (Рютинская волость Валдайского уезда Новгородской губернии, Орленская волость Севского уезда Орловской губернии, Заевская волость Осташковского уезда Тверской губернии, волости Бузулукского уезда Самарской губернии, Медынского уезда Калужской губернии)[68].

[66] См., напр.: Советы в Октябре. С. 142, 147, 194, 198, 202; Октябрь на Брянщине. С. 66—67; 10 лет Советской власти в Нижегородской губернии. С. 18—19.

[67] См., напр.: Советы в Октябре. С. 159, 201; Установление Советской власти в Марийском крае. С. 48; 1917 г. в Саратовской губернии. С. 268.

[68] Советы в Октябре. С. 226—227, 200—201, 233—234, 363; В борьбе за Октябрь. С. 130.

3. **Февраль — май 1918 г.** Этот этап был ознаменован тремя особенностями прохождения процесса "триумфального шествия Советской власти" в стране.

А. Данное явление "вошло" в самую гущу деревенской жизни. Причем на февраль — март 1918 г. пришлось завершение развертывания сети волостных Советов, март — май 1918 г. — сельских и деревенских Советов. Заметим, что теперь на темпы складывания сети волостных Советов оказывали воздействие не столько уездные представительные форумы, сколько наказы и решения деревенских сходов. Зачастую на таких сходах принимались параллельные решения: об учреждении волостных и сельских Советов взамен упраздняемых волостных земств. Так, в приговоре граждан с. Азаново Петриковской волости от 8 апреля 1918 г. отмечалось: "1. Советскую власть, как отвечающую и защищающую интересы трудового крестьянства, признать для себя законным и подходящим для нас правлением, а потому настоящим нашим постановлением выражаем свое согласие организовать волостной и тому подобные Советы посредством выборов в Советы трудового народа. 2. Волостное же земство, как остаток буржуазного правления, упразднить". Аналогичные приговоры шли из Отарской и Вараксинской волостей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, волостей Богородицкого уезда Московской губернии, волостей Симбирской губернии и др.[69]

Б. Одновременно пришли в действие "механизмы" по дальнейшему упрочению уездного звена Советской власти: "палитра" взаимоотношений с земствами суживалась до весьма жесткого варианта — полного слияния земской системы управления с Советами, превращения первых в отделы и секции полномочной Советской власти. Такая постановка дела в уездах ускорила процесс оформления сети волостных Советов и ликвидации соответствующих земств. Так, по данным 28 губерний Европейской России, в феврале — марте 1918 г. появилось 49,4 % общего количества образовавшихся впоследствии волостных Советов, а с учетом данных за январь 1918 г. — 80 %, в т. ч. в губерниях Центрально-промышленного района — соответственно 38,6 % и 84,5 %, Центрально-черноземного региона — 55,5 % и 87,7 %, Средней Волги — 73,1 % и 91,7 %, Севера — 86,8 % и 98,2 %, Северо-Запада — 62—81 % (за период январь — март 1918 г.)[70].

В. Происходил окончательный отход сельского населения от идеи парламентаризма, разочарование в земстве как источнике местной власти. На этот шаг крестьянство толкнул исторический опыт функционирования органов земского самоуправления николаевского и февральского типов. Отход крестьянства от земской формы правления наглядно проявился в финансовом кризисе последней. Из отчета Малмыжского уездного исполкома (Вятская губерния): "...от земства было принято около 400 рублей денег, причем земство имело 500 тысяч долга и не выдавало жалованье за несколько месяцев всем служащим, в т. ч. и учительскому, и младшему персоналу уезда..."[71] Из газеты "Петроградское эхо" за 23 декабря 1917 г.: "Кассы земств пусты. Никто из земских плательщиков не платит ни одного гроша земских повинностей". Вряд ли финансовое положение земств улучшилось после разгона Учредительного собрания, есть все основания считать (в частности, исходя из выступлений председателей земских управ на совещании в Москве 21 января 1918 г.), что оно постоянно ухудшалось.

Идеологическая "смерть" земств (в сознании крестьянских масс они ассоциировались с буржуазной "корниловщиной" в деле государственного устройства страны), ускоренная их финансовым кризисом, предопределила юридический и административный конец данной формы управления деревенской жизнью. Образовавшийся политический "вакуум" в сознании крестьянства по этому вопросу заполнялся "советскими иллюзиями", уверенностью в том, что только советский режим способен удовлетворить все его чаяния и надежды, воплотить мечты о "деревенском социализме" в жизнь.

Таким образом, Октябрьский переворот в столицах, осуществленный большевиками и их сторонниками, перехватил инициативу в деле политического обустройства страны у крестьянства — оплота отечественной демократии. Событие

[69] Установление Советской власти в Марийском крае. С. 108, 119—122; Упрочение Советской власти в Татарии. С. 254—255.

[70] История советского крестьянства. Т. 1. С. 43; *Лутовинов И. С.* Указ. соч. С. 341.

[71] Советы в Октябре. С. 337—338.

стало мощным фактором раскола сил демократии на сторонников и противников новоявленной власти. Крестьянство, нацеленное в начале своего политического движения на скорейший созыв Учредительного собрания, прошло в эти месяцы путь от настороженно-выжидательного (даже негативного) отношения к факту установления власти Советов, последующего признания последних как переходных органов правления с передачей их программы действий созываемому всенародному форуму к усвоению "советских иллюзий" в сфере политики и прямому участию в "триумфальном шествии Советской власти" в деревне с момента роспуска Учредительного собрания.

Что касается правящей коалиции, то на пике триумфа Советской власти в городе и деревне внутри ее создавались предпосылки для идейно-политического размежевания коллективных субъектов параллельно развивавшихся революционных процессов в стране (партии большевиков — "двигателя" пролетарско-социалистического движения и партии левых эсеров — "застрельщика" народно-трудовой революции), а затем и их фактического противостояния в марте — июне 1918 г., закончившегося вооруженной "разборкой" сторон в дни работы V Всероссийского съезда Советов Р., С. и К. Д. Пройдя фазу "триумфального шествия Советской власти", русская революция неизбежно приближалась к историческому "Рубикону": или совершить форсированный скачок к авторитарно-социалистическому строю (с соответствующим режимом власти) или идти умеренно-естественными шагами (при демократическом правлении) по пути углубления "октябрьских" завоеваний в рамках народно-трудовой революции. Причем в обоих случаях ставка делалась на советскую форму государственности.

Глава II

"КОМБЕДОВСКИЙ " ПЕРИОД ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА И КРЕСТЬЯНСТВА (лето 1918 г. — март 1919 г.)

§ 1. Наступление пролетарского государства на общедемократические Советы. Опора режима на беднейшие и люмпен-пролетарские элементы деревни. Коррективы взятого курса на "осереднячивание" чрезвычайных и конституционных органов власти на селе (11 июня — рубеж октября-ноября 1918 г.)

Обострившийся в стране к лету 1918 г. продовольственный кризис и неспособность большевистского режима справиться с ним породили у части рабочих и крестьян разочарование во власти и укрепили решимость добиваться средств существования силой, зачастую идя против распоряжений центральной и местной властей. Ответом Советов явилось вооруженное подавление выступлений голодающих во Владимире, Ярославле, Кинешме, на станции Волхов Николаевской железной дороги, в селах Бобровского уезда Воронежской губернии, волостях Уфимской губернии, Перемышльского и Медынского уездов Калужской губернии и др.[1]

Нередким явлением стало выражение недоверия существующей Советской власти на представительных форумах крестьян (Казанская губерния, Петроградский уезд одноименной губернии, Чертановская волость Сенгилеевского уезда Симбирской губернии)[2].

[1] Наш век. 1918. 31 марта, 5 апр.; Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1918. 11 апр.; За волю народа. 1918. 14 марта; *Романенко В. В.* В борьбе с контрреволюцией. Саратов, 1985. С. 25.

[2] Вечерние огни. 1918. 4 апр.; Мысль. 1918. 19 февр.

Деревня поднималась до осознания необходимости вооруженной борьбы с правящим режимом. По неполным официальным данным, в центральной России было зафиксировано 120 выступлений крестьян. Особым упорством отличались восстания крестьян поволжских и приуральских губерний. Здесь их антисоветское движение слилось с выступлениями "Союзов фронтовиков", солдатскими бунтами и мятежами анархистов и максималистов[3].

Поднимавшаяся волна народного гнева и усиленная агитация левых эсеров привели на очередных выборах в местные Советы в мае — июне к росту представительства в последних членов данной партии и беспартийных крестьян. Так, в Советах Пензенской губернии доля левых эсеров увеличилась с 1 до 57 % их общего состава, Саратовской губернии — с 20 до 74 %, Астраханской губернии — до 50 %. Выросло представительство левых эсеров и в губернских Советах: в Костромском — с 25 до 49 %, Тверском — с 16 до 31 %, Саратовском — с 20 до 28 %, Смоленском — с 9 до 20 % состава. Под контроль левых эсеров переходили крупные провинциальные центры страны (Казанская губерния)[4].

Правящий режим ответил на растущее недовольство трудящихся масс города и деревни новыми репрессиями. Перечислим их: 1) развертывание сети и расширение полномочий ВЧК на местах (декрет от 22 марта 1918 г.); 2) ужесточение цензуры печати, фактически ставившей газеты неправительственного направления вне закона; 3) осуществление политического террора в отношении инакомыслящих; 4) изгнание из ВЦИКа и местных Советов правых эсеров и меньшевиков (постановление ВЦИК от 14 июня); 5) учреждение "продовольственной диктатуры" (серия декретов и постановлений СНК и ВЦИК в мае — июне 1918 г.)[5].

[3] *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России, 1918—1922. Казань, 1995. С. 64, 74—75; *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918—1921. Иерусалим, 1987. С. 82; *Романенко В. В.* Указ. соч. С. 63—64; *Кубанин М.* Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны // На аграрном фронте. 1920. № 2. С. 58.

[4] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 69; *Рачков В. П.* На внутреннем фронте. Ярославль, 1982. С. 20—21.

[5] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 245; Протоколы заседаний ВЦИК IV-го созыва: Стеногр. отчет. М., 1920. С. 419.

Левые эсеры на заседаниях ВЦИК выступали против "сползания" к диктатуре (заседание 27 мая), обессиливавшей советский принцип власти, за централизованные начала в деятельности местных Советов (заседание 4 июня). Принятие же ВЦИКом законопроекта СНК об образовании комбедов левые эсеры восприняли как начало организованной против них политической войны. На заседании ВЦИК 11 июня левые эсеры приняли вызов, брошенный им властями, и заявили: "...мы поэтому легко отнеслись к моменту формального утверждения декрета и ко всем его чертам, характерным для нашего правительства и его политики, которую оно усвоило с момента Брестской капитуляции. Мы считаем, что борьба против этого ведется не здесь в зале, а на всем пространстве страны, во всех органах, где торжествует принцип Советской власти... мы будем вести решительную борьбу с теми вредными мерами, которые сегодня приняты ВЦИКом"[6].

Этим заявлением левые эсеры дали понять, что они начинают бескомпромиссную парламентскую борьбу внутри Советов против существовавшего режима власти и его диктаторских замашек. Так правящая коалиция советских партий на рубеже весны — лета 1918 г. вступила в фазу политического кризиса, логика разрешения которого лежала на грани альтернатив: создание либо однородно-большевистской власти, либо однородно-социалистического режима правления. Судьба государственного обустройства России зависела от политической реакции провинции. Именно последняя путем выборов полномочных представителей на очередной всероссийский съезд Советов должна была сказать свое веское слово в споре двух советских партий в пользу той или иной альтернативы исторического развития страны.

V Всероссийский съезд Советов собрался 4 июля 1918 г. Подавляющий перевес сил большевиков на нем (66,4 % состава депутатов) позволил им начать беспрецедентную за время существования правящего блока советских партий "красногвардейскую атаку" на идеологические позиции левых эсеров, взять курс на политическую дискредитацию данной партии в глазах крестьянства. Фактически это означало конец сотрудничества большевиков и левых эсеров на условиях "Октября",

[6] Протоколы заседаний ВЦИК IV-го созыва. С. 412.

ревизию соглашений, подписанных ими на II и III Всероссийских крестьянских съездах, III объединенном съезде Советов Р., С. и К. Д.

В ответ левые эсеры публично обвинили большевиков в "отступничестве" от идеалов Октябрьской революции. Из речи М. А. Спиридоновой 6 июля: "...когда началась политика старой социал-демократии... началась диктатура теории, диктатура отдельных лиц, влюбленных в свою теорию, в свою схему и в свои искания... тогда мы стали отходить от большевиков и стали защищать крестьянство... они крестьянству сейчас изменяют. Крестьянство, как класс, партию большевиков не поддерживает. Крестьяне большевиками используются, как средство, согласно их книгам, их теории, согласно тому, что пишет Ленин... Я считаю, что партия большевиков по отношению к крестьянам начинает становиться на путь гибельной политики, который крестьянство, поддерживающее всю социальную революцию, отгонит от политической борьбы. Эта политика убьет у крестьян любовь к Советской власти. Это загонит крестьян в такой тупик политического переживания, из которого нам будет трудно их вытащить..." Обращаясь к депутатам от крестьянства, М. А. Спиридонова заявила: "В процессе исторической борьбы вы будете находиться, согласно диктатуре, только навозом, а не творящей личностью". В заключительной части речи лидер левых эсеров сказала: "Мы говорим: диктатура пролетариата и крестьянства, и за это мы будем биться на всех путях нашего продвижения к социалистической революции; мы считаем, что крестьянство так же жизнеустойчиво и имеет право на историческое будущее, и оно берет его, оно его заслуживает, завоевывает... в этом вопросе, в отношении крестьян, в вопросе о политике по отношению к крестьянам, мы будем давать бой при всяком декрете... как партия левого революционного социализма, мы ни на какие соглашательства не пойдем и не войдем в соглашение в том или ином виде..."[7]

Левые эсеры ознакомили съезд с декларацией, в которой, в частности, говорилось: "В области внутренней работы деморализующее влияние капитуляции с каждым днем сказы-

[7] V Всероссийский съезд Советов Р., С., К. и Каз. Деп.; Стеногр. отчет. М., 1918. С. 55—56, 58—59.

вается все определеннее. Правительство стало на путь соглашательства, что обуславливает отказ от решительного и безоговорочного проведения главных задач революции... Безудержная централизация, увенчавшая систему бюрократических органов диктатуры, применение реквизиционных отрядов, действующих вне контроля и руководства местных Советов, культивирование комитетов бедноты, от участия в которых могут быть отстранены элементы трудового крестьянства... все эти меры создают поход на Советы К. Д., дезорганизуют рабочие Советы, вносят путаницу в классовые отношения деревни, создавая гибельный фронт города и деревни..."[8]

Как мы знаем, левые эсеры начали восстание против большевистского режима и обрекли тем самым себя на политическую смерть, их партия лишилась статуса "советской". Так завершилась история сотрудничества двух представительных партий страны, в свое время заложивших фундамент явления "триумфальное шествие Советской власти" в стране.

V Всероссийский съезд Советов поставил точку в вопросе окончательного сосредоточения, централизации власти в руках застрельщиков Октябрьского переворота, завершил политический "дрейф" власти на данном этапе революции (октябрь 1917 г. — июнь — начало июля 1918 г.) в направлении от советской государственности с примесью парламентаризма к авторитарной модели радикально-социалистического режима. Последняя существенно повысила шансы большевиков на политическое "выживание" в условиях вхождения страны в полосу широкомасштабной гражданской войны и интервенции.

Реакция местных большевистских организаций и их фракций в Советах на июльские события была на редкость однозначной: с их стороны началась массированная "кавалерийская атака" на позиции левых эсеров в Советах, преследовавшая цель — добиться тотальной "большевизации" органов местного самоуправления. Различия в ходе этого наступления все же на местах были — в темпах и методах осуществления. Мы условно выделили в действиях местных большевиков "революционные" и "умеренно-реформистские" подходы к достижению поставленной цели. Ярким проявлением революционного подхода большевиков к левым эсерам стало изгнание последних с ответственных должностей в Советах (и даже полное изгнание из Советов) и превращение как исполнительных, так и представительных структур в коммунистические — по духу и составу — органы власти. Первый и самый мощный удар был нанесен левым эсерам в губернском звене власти: полностью коммунистическими стали губисполкомы Казани, Нижнего Новгорода, Тамбова, Рязани, Петрозаводска, Орла, Твери и т. д.[9] Второй удар, не менее сильный, был нанесен по уездным структурам власти: факты повсеместного удаления левых эсеров из составов уездных исполкомов имели место во Владимире, Новгороде, Боброве Воронежской губернии, Медынске Калужской губернии, Твери, Ельце Орловской губернии, Холме Псковской губернии, Орше Витебской губернии, Касимове Рязанской губернии и т. д.[10] При осуществлении данной "хирургической" операции случались и перегибы, так что приходилось Центру порой вмешиваться и одергивать местных большевиков путем отдачи прямых указаний и присылки рекомендаций, как вести борьбу с левыми эсерами. Так, Центр осудил действия местных большевиков по преследованию лояльно настроенных левых эсеров Елецкого уезда Орловской губернии. В Орше и Петрозаводске фракции коммунистов в Советах пошли в борьбе с левыми эсерами даже на ликвидацию советской формы правления и создание чрезвычайных органов власти из коммунистов; в одном из уездов Смоленской губернии из исполкома были уволены все беспартийные, их места заняли коммунисты[11].

Для умеренно-реформистского подхода ряда провинциальных Советов к левым эсерам была характерна осторожность, какая-то предупредительность в действиях. Они были явно встревожены, как бы очередная "разборка" между советскими партиями не усугубила и без того кризисное положение дел на местах (Калачевский уездный исполком, Астраханский

[8] Там же. С. 99.

[9] Упрочение Советской власти в Татарии. С. 595; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 430. Л. 24 об.—25; Вестник наркомата торговли и промышленности. 1919. № 5/6. С. 49.

[10] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 95 об., 102, 178; Д. 430. Л. 15, 20; Д. 739. Л. 7, 9, 16, 22; *Рачков В. П.* Указ. соч. С. 28.

[11] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 102; Д. 430. Л. 21; Д. 739. Л. 9, 16.

губисполком, Почепский уездный исполком и т. д.)[12]. В линии поведения ряда местных Советов прослеживалась даже скрытая оппозиция курсу Центра на отстранение левых эсеров от политики (Воронежская, Саратовская, Вятская, Пензенская и др. губернии)[13].

"Июльский переворот" во взаимоотношениях бывших партнеров по правящей коалиции в корне изменил внутриполитическую ситуацию: партия коммунистов получила стратегическую инициативу и добилась ощутимых успехов на губернском и уездном уровнях в утверждении монополии своей власти в стране. Авангард пролетарской власти взял под свой контроль высшие территориальные (губерния, уезд) управленческие структуры, которым непосредственно подчинялась деревня. Центр получил реальные рычаги для форсированного и массированного воздействия на общедемократические сельские органы власти, причем не столько напрямую (по ведомственной вертикали), сколько опосредованно — через насаждение комитетов бедноты, последним уготовлялась роль коллективных политических комиссаров при местных Советах К. Д. Таким образом, специфика течения процесса "большевизации" в низшем звене Советской власти заключалась не в замене левоэсеровских и беспартийных составов членами партии, а в насаждении комитетов деревенской бедноты (сказывалась немногочисленность коммунистических ячеек в волостях, неопытность, разобщенность и пассивность их членов).

И вот тут-то правящий режим подстерегали первые неудачи и разочарования: "триумфальное шествие" коммунистической партии по вертикали советских органов власти "споткнулось" о многочисленные препятствия субъективного порядка. Рассмотрим лишь главные из них.

1. Непонимание и неприятие волостными и сельскими Советами данного политического процесса в российской государственности. Вот сообщение из Вятки в СНК от 19 сентября 1918 г.: "...организация комитетов бедноты замедлялась

[12] Там же. Д. 739. Л. 12—13; Октябрь на Брянщине. С. 176—177.

[13] Советы в эпоху "военного коммунизма": В 2 ч. М., 1928. Ч. 1. С. 409—410, 419; 1917 г. в Саратовской губернии. С. 447, 452; *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 260.

тем, что декрет по организации и снабжению деревенской бедноты долгое время не был определенно уяснен населением. Было неясно, кого отнести к категории бедняков..."[14] Из-за отсутствия ясной общей инструкции "в одних местах комбеды организуются по типу государственных органов власти со всеми присущими последним функциями (параллельно волостным Советам), в других же являются только подсобными органами продовольственных организаций и носят профессиональный характер..."[15]

Недостаток ясных и подробных инструкций Центра восполнялся "творчеством" местных властей. К примеру, на собрании крестьян Кукинской волости Ефремовского уезда Тульской губернии один из членов волостного Совета так "разъяснял" декрет ВЦИК от 11 июня 1918 г.: "В первую партию зачисляются лица, внесшие в комитет пай в 100 рублей, во вторую — внесшие пай в 200 рублей, и в третью — 300 рублей. На собранные деньги комитет закупает необходимые продовольственные продукты и распределяет между пайщиками, соответственно внесенной ими сумме..." Коммунисты Спасского и Липецкого уездов Тамбовской губернии вместо комбедов пошли на создание пролетарских Советов, коммунисты Усманского уезда выдвинули идею вместо комбедов назначать уездным исполкомом коммунистов на посты председателей волостных Советов[16].

Значительная часть сельского населения, наряду с непониманием политического смысла декрета ВЦИК от 11 июня, выразила осознанное его неприятие. Так, 13 июля граждане Архангельского общества Кучкинской волости под угрозой убийства заставили немедленно удалиться из с. Кучки Пензенской губернии приехавших из Пензы двух инструкторов по организации комбедов[17]. А вот сообщение из Ухотской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии от 26 августа 1918 г.: "Декрет об организации комитетов деревенской бед-

[14] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 198 об.

[15] Вестник по продовольствию. Курск, 1918. № 6/7. С. 14.

[16] Комбеды РСФСР: Сб. док. М., 1933. С. 20; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 185, 181—182.

[17] Комитеты бедноты: Т. 1. М., 1933. С. 118.

ноты от 11 июня с. г. сразу же после его получения был оглашен по волостным и сельским сходам и подвергся строгому обсуждению со стороны крестьян. Зажиточная часть населения нашла его для себя безусловно неприемлемым и вредным для интересов всего крестьянства, а потому и выразила свое нежелание подчиняться декрету. Малоимущие же крестьяне и вовсе бедняки по своей темноте не могли разобраться в задачах, преследуемых декретом, и в вопросе об организации комитетов не обнаружили достаточной заинтересованности. Так как в это время на местах была получена резолюция левых эсеров, принятая на губернском съезде делегатов населения 25 июня, отрицательно относящаяся к декрету 11 июня, то у нас вопрос об организации комитетов деревенской бедноты был вовсе отвергнут..."[18] Аналогичные сообщения приходили в Центр из Ярославской, Вологодской, Пермской, Тверской и других губерний[19].

2. Кризис власти на местах по причине продовольственных затруднений, многочисленных поборов и мобилизаций. Из Малоярославца Калужской губернии сообщали 15 августа 1918 г.: "...сельское население на почве голода и агитации кулаков выражает недовольство Советской властью. Почти во всех волостях уезда... комитеты бедноты не организованы". Из записок организатора комбедов в Тульской губернии: "13 августа 1918 г. С. Спасское-Чалищево Болотовской волости. Общее собрание в большинстве высказалось против организации комитета, а также выразило недоверие к Советской власти..." Из протокола VI Каширского уездного съезда Советов К. и Р. Д. 17 августа 1918 г.: "Почти все доклады представителей волостей имели общий характер, из которых можно вывести следующее заключение. Усталость масс и их индифферентное отношение ко всем начинаниям Советской власти"[20].

Другим проявлением кризиса власти стала "вспышка" ностальгических настроений, тяга части сельского населения страны к дореволюционной системе местного самоуправления (Вязниковский уезд Владимирской губернии, Копорская волость Псковской губернии, волости Самарской и Орловской губерний и т. д.)[21].

[18] Комитеты бедноты Северной области. Л., 1947. С. 55.

[19] Комбеды РСФСР. С. 19.

[20] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 128 об., 133; Д. 430. Л. 43.

3. Коммунистические "перегибы" в действиях губернского, уездного, волостного чиновничества; бесчинства присылаемых в деревню реквизиционных отрядов. Из путевых записок организатора комбедов в Тульской губернии А. П. Демидовой: "9 июля 1918 г. Приехал отряд красноармейцев. На ночевку отправился в с. Дубики. Народ в страхе... Что я узнаю!? В Дубиках отряд, специально для реквизиции оставленный, ничего не сделал, реквизиции не произвел. В довершение всего я вижу пьяного армейца. Армейцы отнимают телегу и пропивают ее. Рука отказывается писать, сознание не хочет работать..."[22] В Уржумский и Малмыжский уезды Вятской губернии для заготовки хлеба прибыл I-й Московский продовольственный полк (командир — Степанов, комиссар — Хомак). Начались массовые грабежи и насилия над сельскими жителями, не щадили даже бедняцкие хозяйства и кооперативы. Попытка окрестного населения оказать сопротивление была расценена комиссаром Хомаком как начало вооруженного восстания против Советской власти. Он объявил себя "диктатором", а в уездах — "пролетарскую диктатуру". Последняя "свелась" к грабежам уездных казначейств и касс местных Советов, арестам советских работников и т. д. Все это сопровождалось пьяным разгулом и развратом[23].

Были и такие "перегибы": полное отстранение крестьянства от выборов в комбеды, переименование волостных Советов в комитеты деревенской бедноты на местах, активное использование в данной кампании представителей репрессивных органов власти[24].

[21] Там же. Д. 429. Л. 183; Пламя борьбы. Кострома, 1918. 2 авг.; Вестник продовольствия. Курск, 1918. № 5/6. С. 50.

[22] *Демидова А. П.* Из истории организации комитетов бедноты в Тульской губернии (июль—август 1918 г.) // Исторический архив. 1956. № 4. С. 178—179, 181.

[23] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 443. Л. 102—102 об.; Ф. 393. Оп. 3. Д. 105. Л. 237—237 об.

[24] Советы в эпоху "военного коммунизма". С. 379, 394; Комбеды Воронежской и Курской областей. Воронеж, 1935. С. 47, 324.

4. Агитация левых эсеров против декрета ВЦИК от 11 июня 1918 г. Из отчета Орловского губернского совещания председателей уездных бюро по организации комитетов бедноты от 22 августа 1918 г.: Елецкий уезд: "...тормозили всячески дело священники, чиновники, буржуа и гимназисты своей агитацией"; Малоархангельский уезд: "...многие левоэсеровские волостные Советы задерживали декрет об организации комитетов бедноты"[25]. Из путевых заметок А. П. Демидовой, д. Вязовка Болотовской волости Богородицкого уезда: "...я узнала, что здесь уже было общее собрание, на котором постановили подписаться всем обществом в комитет бедноты. Следовательно, правые "революционеры" не дремлют. Очевидно, они ведут самую широкую агитацию и на места поспевают прежде нас. Вот почему я и была против предварительного созыва представителей в Совет, созыва, который имеет целью известить деревни об организации, а между тем волостной кулацкий Совет пояснил представителям суть организации, и там в больших деревнях показывают кукиш..."[26] Точно подмеченная тактика действий левых эсеров (и эсеров, и меньшевиков вообще) была характерна для всей Тульской губернии, уездов Орловской губернии, волостей Лужского уезда Петроградской губернии и Моршанского уезда Тамбовской губернии[27].

Под влиянием агитации левых эсеров среди крестьянства росло сопротивление курсу Центра на насильственный — и довольно предвзятый — раскол деревни на богатых и бедных. Волостной комитет Нижне-Деревенской волости Льговского уезда Курской губернии 17 августа 1918 г. постановил комитет бедноты не организовывать, мотивируя это тем, что "все население получило одинаковую трудовую норму земли и стремится в вопросе обеспечения прийти к уравнительным началам, где бы не было бедноты, а все имели возможность жить". Ново-Акшинский волостной Совет Саранского уезда Пензенской губернии 14 июля 1918 г. заявил, что между

[25] Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 287—288.

[26] *Демидова А. П.* Указ. соч. С. 186.

[27] Комитеты деревенской бедноты Московской области: Сб. док. М., 1938. С. 190; Комитеты бедноты Северной области. С. 87—88; Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 178, 288—289.

крестьянами "никаких классовых различий не может быть. Раскалывая деревню на два враждующих лагеря — на бедняков и кулаков, тем самым Советская власть разоряет страну, так как этим размножает лодырей, т. е. таких людей, которые... с помощью Советской власти, как например, организации деревенской бедноты, будут великолепно кормиться со своими семьями за счет тех, кто день и ночь работает..."[28] Аналогичные сообщения шли из Тамбовской, Иваново-Вознесенской, Тульской, Пензенской и других губерний[29].

5. Крестьянские выступления и даже восстания против политики "завинчивания гаек" в политической и социально-экономической сферах взаимоотношений города и деревни (Вятская, Пензенская, Симбирская губернии, Верхневолжье, Новоладожский и Тихвинский уезды Новгородской губернии и др.). Сопротивление крестьянства летом 1918 г. привело к падению Советской власти в Сибири, на Урале и в Поволжье; а на остальной части России в июле — августе 1918 г. произошло 73 восстания, 154 столкновения с продотрядами и 130 выступлений против местных Советов. Активными действиями сельского населения было охвачено 124 уезда Центра России. По данным М. Френкина, в 22 губерниях европейской части России в эти месяцы было убито 4 480 советских и партийных работников, активистов комбедовского движения[30].

Каков же был общий итог кампании организации комбедов летом 1918 г.? По данным Т. В. Осиповой, комбеды оформились в 10 % волостей Советской России. Самой беднотой в аграрных губерниях Центра было создано от 9 до 30 % волостных и сельских комбедов[31].

Как расценить первые усилия правящего режима по насаждению чрезвычайных органов власти в деревне? С практической точки зрения они дали результаты ничтожно малые, в силу чего комбеды периода июня — сер. августа 1918 г. не

[28] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 105; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 122.

[29] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 91, 105, 111—112, 121, 128, 142; *Демидова А. П.* Указ. соч. С. 183—184.

[30] *Френкин М.* Указ. соч. С. 59; *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. Кн. 1. С. 104.

[31] *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне. С. 104.

выполнили возложенную на них Центром (и главное, понятную голодающему населению российской деревни) первоначальную миссию: произвести изъятие и перераспределение излишков хлеба от держателей к потребителям, что, в свою очередь, стало бы социально-экономическим обоснованием необходимости дальнейшего существования комбедов и объективно привело бы к углублению Октябрьского переворота в деревне. Но правящий режим получил возможность "обкатать" на практике свой комбедовский курс среди крестьянства, увидеть в нем узкие места и скорректировать их. Широкомасштабная гражданская война дала повод властям заявить о необходимости введения чрезвычайного режима правления (в частности, в деревне с помощью комбедов) якобы для упрочения самой Советской власти, защиты беднейшей части населения от голода и реставрации старых порядков, предотвращения развала экономики, а государства — от распада. Введенные меры позволили Центру добиться раскола крестьянства, противопоставить значительную часть сельского населения (кроме пролетарских и полупролетарских элементов, уже и часть середнячества) остальной части деревни, "выкрасить" последнюю в политические "красно-белые" тона. Это была величайшая победа большевиков, которую по своей значимости можно сравнить лишь с явлением триумфального шествия Советской власти. Можно считать, что с данного момента завершился процесс строительства "сверху" "военно-коммунистической" модели советской государственности в стране.

"Продовольственная диктатура" с ее продотрядами и комбедами была, конечно, важным составляющим компонентом "военно-коммунистической" государственности, но все же не выражавшим всей сущности последней. Уместно заметить, что период с июня по октябрь 1918 г. был знаменателен прохождением целого ряда радикальных процессов в сфере политического обустройства общества, в совокупности давших знакомый нам образ Советской власти периода гражданской войны.

А. После IV Всероссийского съезда Советов начался и завершился в связи с июльскими событиями 1918 г. процесс развала коалиции власти (последовательное удаление из Советов всех уровней партий правых эсеров, меньшевиков, левых

эсеров, эсеров-максималистов), утвердился однородно-коммунистический режим в исполнительной и законодательной структурах управления.

Б. Замена режимов Советской власти произошла через принятие Конституции РСФСР 1918 г. Последняя фактически узаконивала комбеды, им была уготована миссия заступить на место общедемократических Советов К. Д., но уже в форме Советов батрацких депутатов без изменения своей первоначальной сущности. Основной Закон по властным полномочиям поднимал ВЦИК до уровня съезда Советов, а Совнарком — до уровня ВЦИК[32]. Таким образом, Конституция возвышала исполнительную власть до уровня законодательной и даже предоставляла первой инициативу в решении неотложных задач текущего момента (а следовательно, всю власть в стране, причем на неопределенное время).

В. Принятая Конституция 1918 г. породила на местах процесс "перелива" власти из деревни в город, причем сконцентрировала властные полномочия в руках Советов крупнейших промышленных центров. Для ясности дадим пример распределения власти на условной территории с населением в 1 млн человек имеющих право голоса при соотношении городского и сельского населения 1 : 3 (750 тыс. чел. сельских жителей и 250 тыс. городских)* (см. табл. 2).

Т. е. при численности городского и рабочего населения в 4 раза меньшей по сравнению с численностью сельского населения за горожанами обеспечивалось равенство мест с крестьянами в высших территориальных органах власти (губернском и областном звене), а на всероссийском уровне — даже абсолютное большинство мандатов. Причем избранники от рабочих (города с населением до 10 000 жителей) сразу становились депутатами уездных съездов Советов, а от рабочих крупных городов (свыше 10 000 жителей) — депутатами губернских съездов Советов. Избраннику от крестьян, чтобы стать депутатом губернского съезда, предстояло пройти

---

[32] Съезды Советов в документах (1917—1936 гг.). С. 72—73, 75—78.

* Такая пропорция городского и сельского населения была характерна для местностей Центрально-промышленного района и Северо-Запада России, т. е. ядра территории Советской Республики на всем протяжении гражданской войны.

Таблица 2

Нормы представительства от городского и сельского населения в Советы всех уровней по Конституции РСФСР 1918 г.

	Число депутатов в Советах и на съездах	
	От сельского населения	От городского населения
Сельские и городские Советы	7500	250
Съезды:		
волостные	750	
уездные	750	
губернские	75	75
областные	30	30
всероссийские	6	10

"чистилище" волостных и уездных съездов (лишь 1 из 10 представителей сельских Советов мог стать делегатом волостного или уездного съездов Советов, и 1 из 100 — делегатом губернского съезда Советов). У рабочих же каждый 10-й депутат городского Совета автоматически становился делегатом губернского съезда Советов, дополнительно к этому от каждых 2 000 избирателей выбирался 1 делегат на этот представительный форум, что обеспечивало численное равенство и даже перевес в голосах промышленного населения над сельским.

При выборах на областные съезды Советов лишь 1 из 250 представителей сельских Советов мог стать депутатом, в городе же — 1 из 10 представителей городских Советов, дополнительно к этому от каждых 5000 городских избирателей выбирался представитель на съезд данного уровня, что опять-таки обеспечивало численное равенство и даже перевес в голосах не просто городского населения, а жителей крупных промышленных центров над сельским населением.

Нельзя не отметить всю важность для правящего режима решения вопроса: кто будет представлять его интересы на губернском и областном уровнях власти? Частично он решался в пользу Центра многостепенностью выборов в данные структуры власти, лишением ряда категорий граждан избирательных прав и явной дискриминацией сельского избирателя в плане ущемления его прав выбирать и быть избранным в высшие провинциальные органы власти. Однако подобные

меры срабатывали в тех регионах, где фабрично-заводское население было значительным. В районах же с абсолютным преобладанием сельского населения эти "избирательные факторы" давали сбои. Вот тут мы и подходим к начатой Центром весной и интенсивно развернувшейся летом 1918 г. административно-территориальной "перетряске" регионов страны с целью создания сети пролетарско-административных центров власти из старорежимных территориальных формирований.

По Конституции 1918 г. узаконивалось промежуточное звено власти между губернией и Центром: областные съезды Советов и их исполнительные органы (Разд. II. Гл. 5, п. II). Эта властная структура позволяла Центру и провинциальным партийным силам нивелировать, сглаживать возникавшие в силу стечения ряда обстоятельств перекосы в выборных кампаниях губернской власти, "подчищать" их явно прокрестьянский характер, т. е. выполнять своеобразную роль комбедов в высших эшелонах провинциальной власти. Не случайно создание и упразднение областных структур совпадает с аналогичным временным промежутком существования деревенских комбедов, да и взаимоотношения между губисполкомами и областным центром уж очень напоминали отношения комбедов и сельских Советов (напряженно-обостренные, на грани конфронтации). Как правило, административными центрами новоявленных государственных образований были крупнейшие пролетарские центры Советской Республики: в Северной области (Петроградская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Череповецкая и Северо-Двинская губернии) — Петроград; в Московской области (Тверская, Нижегородская, Московская, Тамбовская, Костромская, Орловская, Курская, Владимирская, Воронежская, Рязанская, Иваново-Вознесенская и Калужская губернии) — Москва[33]. Таким образом, два крупных промышленных центра Советской Республики курировали весь Центр европейской части России.

---

[33] Борьба рабочих и крестьян под предводительством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 211; Комитеты бедноты Северной области. С. 12—13.

В данном случае Центр сознательно пошел на ущемление своих прав ради окончательного упрочения пролетарской власти на местах, победы социалистической альтернативы развития страны. "Расходящиеся круги" от сознательно брошенного Центром "камня" децентрализации на областном уровне "задели" и нижестоящие звенья власти, а порой и "раскачивали" административно-территориальные границы подведомственных им территорий (губерний, уездов и волостей). Столица смотрела на это благосклонно, ибо данный процесс имел ту же цель: падение старых административных центров для возвышения их бывших пролетарских "задворок" до статуса уездных и даже губернских центров. Так, летом 1918 г. от Костромской и Владимирской губерний отпочковалась Иваново-Вознесенская губерния; от Вологодской губернии ("епархии" эсеров) — Череповецкая и Северо-Двинская губернии; от Пермской и Уфимской губерний — Екатеринбургская губерния; от Орловской и Калужской губерний — Брянский район и т. д. Возникавшие на местах перекосы заданного курса вовремя выправлялись Центром (например, в случае идеи создания на базе Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии Прикамской Республики и т. д.). Аналогичные явления уездного и волостного масштаба наблюдались в Казанской, Иваново-Вознесенской губерниях, Центрально-черноземном регионе[34].

Г. К новому административно-территориальному делению страны "подстраивалось" и соотношение властных полномочий Советов на местах, начиная с областных и кончая сельскими. Приведем цитату из Конституции РСФСР 1918 г. (Разд. III. Гл. XII, п. 62): "Съездам Советов и их исполнительным комитетам принадлежит право контроля над деятельностью местных Советов (т. е. областным — право контроля над всеми Советами данной области; губернским — над всеми Советами данной губернии, кроме городских, не входящих в состав уездных съездов Советов и т. д.), а областным и губернским съездам Советов и их исполкомам, — кроме того, право отмены решений действующих в их районе Советов..."[35]

---

[34] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 78; Д. 430. Л. 47; Рабочий край. 1918. 28 июня.

[35] Съезды Советов в документах (1917—1936 гг.). С. 80—81.

Как видим, областное звено власти по полномочиям было на порядок выше губернского: имело возможность контролировать и отменять любые решения и любых Советов на подведомственной ему территории; в то же время губернские власти не распространяли свои полномочия на города и фабрично-заводские поселки с числом жителей свыше 10 000.

Д. "Перелив" властных полномочий "вверх" по административной "пирамиде" управления привел к изменению внутренней структуры самой Советской власти как в Центре, так и на местах. Июльские события 1918 г. способствовали упразднению Крестьянской секции ВЦИК. В провинции данное событие по инициативе советско-партийных работников трансформировалось в открытое наступление против местных крестьянских секций с целью их изгнания из составов исполкомов Советов. В одних районах крестьянские секции переименовывались в отделы исполкомов по работе с деревней (Нижегородская, Саратовская губернии), в других — просто распускались парламентским путем (Казанская губерния) или насильственно (Самарская губерния)[36].

Угроза "реставрации" былой силы и влияния крестьянских секций в регионах с абсолютным преобладанием сельского населения и авторитетными левоэсеровскими (а с июля 1918 г. "беспартийными") организациями пресекалась путем применения антиконституционных, чрезвычайных мер в отношении политических оппонентов. Практиковались: 1) разгон неугодных режиму крестьянских съездов Советов и прекращение их созыва на местах (Малмыжский уезд Вятской губернии, июль 1918 г.; Бобровский уезд Воронежской губернии и Казанская губерния, август 1918 г.)[37]; 2) объявление определенных местностей на военном положении с передачей власти силовым структурам (Казанская и Тамбовская губернии); 3) передача неограниченных полномочий в руки чрезвычайных органов власти и без объявления военного положения в ряде мест[38].

---

[36] Наша Родина. 1918. 7 июня; 1917 г. в Саратовской губернии. С. 432, 444; Упрочение Советской власти в Татарии. С. 587.

[37] Советы в Октябре. С. 338; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 85.

[38] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 67; *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 16; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской пар-

Е. Концентрация власти и жестко централизованная структура управления диктовали аппарату в условиях гражданской войны широкое применение администрирования при ведении дел и даже террора с целью физического истребления реальных оппозиционеров и устрашения лиц, потенциально склонявшихся к борьбе с установившейся моделью авторитарной власти. В июне 1918 г. был опубликован приказ ВЧК об организации в уездах ЧК по борьбе со спекуляцией, мешочничеством[39].

На местах власти подхватили и развернули эти меры Центра. Так, в протоколе Тамбовской губконференции РКП(б) (1—5 августа 1918 г.) говорилось: "...1. Организация ЧК необходима в каждом уезде, городе, на узловых станциях, а где надо, то и в волостях и селениях. Также необходимо формирование вооруженных отрядов при ЧК для открытой борьбы с контрреволюцией. 2. В ЧК должны назначаться наиболее сознательные и ответственные работники из товарищей коммунистов..."[40] Более того, местные представители репрессивного аппарата со своей стороны выходили в Центр с инициативами по "закручиванию гаек" в политической жизни страны (Орел, Пенза, Лиски Воронежской губернии и т. д.)[41].

Советский аппарат не только "заражается бациллой" повсеместного увлечения террором, психологией видеть в последнем панацею от всех проблем; внутри его происходит "смещение" власти в сторону карательных учреждений. Летом 1918 г. складывается альянс сил: партии, ЧК и комбедовских структур. Из сообщения Ядринской ЧК (Вятская губерния): "Завязана связь с волостными комитетами, представляющими в комиссию ежедневные доклады о положении кулаков, контрреволюционной агитации, спекуляции, варке самогона и пр. Комбеды для нас — лучшая опора..."[42] Перед данным

тии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 162.

[39] Пламя борьбы. 1918. 26 июня; Анархия: Орган московской федерации анархистских групп. 1918. 26 июня.

[40] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 193.

[41] Наша Родина. 1918. 15, 28 июня.

[42] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 108, 114—115.

"сгустком" власти открывались на фоне начавшейся гражданской войны безбрежные горизонты деятельности по устрашению, подавлению и физическому уничтожению инакомыслящих (да и не особо рвущихся поддерживать правящий режим). Уже на ранних этапах разворачивания маховика репрессий в стране Советской власти в лице исполнительных и законодательных органов приходилось предпринимать меры по упорядочению осуществлявшихся и намеченных к осуществлению репрессий на местах. Из приказа президиума исполкома Петровского уездного Совета Р., С. и К. Д. о правах отделов исполкома от 2 июля 1918 г.: "Для упорядочения вопроса о правах ареста, реквизиции, конфискации и о праве издавать приказы руководствоваться следующим положением: 1. Отдельный комиссариат или отдел имеет право издавать приказы лишь подведомственным учреждениям, ко всему же населению самостоятельно отделы могут обращаться лишь с обращениями и предложениями... 2. Ни один комиссариат, ни одно лицо, кроме особоуполномоченных и перечисленных ниже, не имеют права ареста и отправления в тюрьму, может лишь задерживать и отправлять в соответствующий отдел. 3. Право ареста и отправления в тюрьму принадлежит: а) Совету, б) исполкому, в) президиуму, г) ЧК, д) суду, е) милиции. 4. Право реквизиции и конфискации: а) Совету, б) исполкому, в) президиуму, г) ЧК, д) милиции, е) контрольно-ревизионной комиссии..."[43].

Подводя итоги, отметим, что осуществление весной — летом 1918 г. вышеназванных манипуляций позволило советскому режиму, образно выражаясь, на ходу и довольно лихо "перескочить с демократической клячи" российской государственности, "запаленной" на парламентских иллюзиях и ностальгирующей временами по земской структуре самоуправления, на пролетарского "конька" "военно-коммунистической" системы власти, безудержно устремленного на революционный "штурм неба".

Как реагировало крестьянство на смену режимов в рамках советской государственности? Зажиточные слои деревни и близкие к ним круги среднего крестьянства в своих настрое-

[43] 1917 г. в Саратовской губернии. С. 443—444; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 38.

ниях и действиях выходили за рамки конструктивной оппозиции Советам: их политические симпатии все более склонялись (и насаждались в деревне вооруженной борьбой) в сторону буржуазного парламентаризма. К середине августа 1918 г. военно-политическое и продовольственное положение Республики было близко к катастрофическому. Выступление белочехов, поддержанное значительными слоями сельского населения, привело к свержению большевистского режима в Сибири, на Урале, в Приуралье, на левобережье Волжского бассейна; к восстаниям на Дону и Урале. Наконец, в прифронтовой полосе и в центральных районах страны ширились выступления крестьян против политики реквизиций продовольствия, скота, лошадей, мобилизаций людей в Красную Армию, диктаторских замашек представителей центральной и местной власти. По данным М. Френкина, в августе 1918 г. сельское население 20 губерний центра России поднималось против Советов с оружием в руках 107 раз; помимо этого ВЧК было зафиксировано 154 вооруженных столкновения с продотрядами[44]. Источники отмечают особенно упорный характер борьбы и высокую степень организованности восставших в Уренском крае (Костромская губерния), Ижевско-Воткинском районе, Ливенском и Дмитриевском уездах Орловской губернии, на линии железной дороги Петроград — Псков и в окрестностях г. Луги, в Тульской, Владимирской, Пермской, Калужской и других губерниях[45].

Данные обстоятельства вызывали крайнюю обеспокоенность советского режима. Все зримее намечалась тенденция объединения усилий антисоветских партийных сил (от кадетов до левых эсеров и эсеров-максималистов) по созданию мощной рабоче-крестьянской "Вандеи" против Советской Республики. Так, организаторами уренского восстания крестьян были представители правых партий и офицерства; Пошехонского и Ижевско-Воткинского восстаний — представители

[44] *Френкин М.* Указ. соч. С. 59, 84.

[45] См., напр.: ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 199; Ф. 393. Оп. 3. Д. 177. Л. 403 об.; Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 181; *Конокотин А.* Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927. С. 32—39; Комитеты деревенской бедноты Московской области. С. 35.

правых эсеров и меньшевиков; вождями крестьян черноземных губерний — левые эсеры; в Поволжье — левые эсеры и эсеры-максималисты и т. д. Уровень организованности восставших крестьян проявлялся в координации, согласованности выступлений сельского населения целых волостей и даже уездов; наступательной тактике восставших; активной пропагандистской работе среди неохваченных выступлением крестьян; наличии военной организации у участников движения; выработке программы действий по обустройству отдельных регионов и страны в целом; тесной связи с единомышленниками в других районах страны.

Другая часть сельского населения, и весьма значительная, выражала свое недовольство ужесточением режима власти в деревне парламентским путем — на волостных сходах, уездных съездах, заседаниях сельских, волостных и уездных Советов Р. и К. Д. Так, делегаты губернского крестьянского съезда в Смоленске 25 августа 1918 г. выразили протест против постановлений, принятых на V Всероссийском съезде Советов; делегаты II Рузаевского уездного съезда Советов (Пензенская губерния) 28 августа 1918 г. высказались против "продовольственной диктатуры"; II Воронежский уездный крестьянский съезд Советов 25 августа подверг критике режим В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого и послал приветственную телеграмму в Центр на имя М. А. Спиридоновой. Против террора и за отмену мобилизаций и уничтожение комбедов высказался III съезд Советов Бобровского уезда Воронежской губернии 3 мая 1918 г. Игринский волостной Совет Глазовского уезда Вятской губернии 10 сентября 1918 г. постановил: "...поддерживать Советскую власть только в том случае, если будет осуществлено полное равноправие всех граждан без различия классов, вероисповеданий и состояний, а также требуем созыва Учредительного собрания на основах, выработанных Временным правительством..." Из послания Псковского губисполкома всем Советам Великолукского уезда: отдельные волостные Советы "выступают против предписаний уездного и губернского Совдепов... и даже заявляют о своем несогласии и неподчинении декретам СНК и ВЦИК Советов..."[46].

[46] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 428 об. Л. 189; Д. 429. Л. 189; Комитеты бедноты. Т. 2. С. 133—134; Советы в эпоху "военного

Сообщения об аналогичных действиях сельских органов власти шли из Богородицкого уезда Московской губернии, Воронежского уезда одноименной губернии, Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии, уездов Орловской, Брянской, Вятской, Петроградской и других губерний[47]. На местах часто практиковались перевыборы сельских Советов, что фактически парализовывало деятельность последних и вело к неисполнению указаний Центра (Болховский уезд Орловской губернии). Из отделов местного управления при губисполкомах в НКВД поступали сообщения о регрессировании советской системы власти в сторону земской системы самоуправления (Вязниковский уезд Владимирской губернии)[48].

Однако большинство крестьянского населения — потенциальные участники демократической оппозиции правящему режиму — или находилось в состоянии политической растерянности, смятения, или заняло выжидательную позицию, не выступая открыто против Советов, боясь этим способствовать приходу старого режима. Из записок Ж. Садуля 31 мая 1918 г.: "...в последние месяцы большевики решительно и вдохновенно возвращаются к централизации. Множатся различные регламентации, ограничения и запрещающие декреты. И все же, несмотря на испытываемую горечь, крестьянин, похоже, еще не намерен свергать Советы, которые по-прежнему представляются ему властью..." Речь мужика с Украины: "У Советской власти, конечно, есть недостатки, что правда, то правда, но зато это по-настоящему наше правительство. Оно дало нам мир. Оно дало землю. Если Советы сбросят, царь выйдет из тюрьмы, снова сядет на трон, будет опять война, землю у нас отберут и помещики станут нас пороть..."[49].

События лета 1918 г. (рост авторитаризма пролетарского города по отношению к деревне, занятие бывшими союзни-

коммунизма". Ч. 2. С. 413; Ч. 1. С. 422; *Френкин М.* Указ. соч. С. 67—68.

[47] Комбеды РСФСР. С. 190; Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 2. С. 354—355, 422; 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1930. С. 295—297; *Френкин М.* Указ. соч. С. 56—57.

[48] Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 297; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 64. Л. 155—155 об.

[49] *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 298.

ками по Антанте обширных северных и восточных районов страны, широкомасштабные боевые действия между соотечественниками, оперировавшими близкими и понятными крестьянам лозунгами; состояние разочарования в правящем режиме и первые "опыты" сопротивления ему, при одновременном органическом неприятии иных, кроме советской, форм власти; наконец, бессилие определиться в выборе исторических альтернатив развития России) в целом не изменили подхода российского крестьянства к Советской власти, но еще более озаботили и сбили его с толка. В среде крестьянства развился духовный "синдром похмелья" от "испитой" им в октябрьские дни 1917 г. революционной эйфории. Впадение широких слоев крестьянства в состояние политической "прострации", занятие ими позиции "нейтралитета" в историческом споре альтернатив развития России — буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической — означали для правящего режима не меньшую опасность, нежели открытое сопротивление ему с оружием в руках. При сохранении политического "статус-кво" в обществе крестьянство превратилось бы в неисчерпаемый "резервуар" для социальных пополнений рядов демократической оппозиции большевистской власти. В этих условиях требовались экстренные и радикальные меры для придания правящему режиму большей военно-политической "устойчивости".

Что же было предпринято властями в августе — октябре 1918 г. для упрочения своего положения в стране и, главное, продолжения курса на осуществление пролетарского "Октября" в деревне? Ими были проведены радикальные меры по стабилизации политической ситуации в Советской Республике: на внешних фронтах, особенно на Восточном, развернулись наступательные боевые действия, на внутреннем фронте борьбы с оппозицией был провозглашен террор и возведен в ранг важнейших и наиболее убедительных методов государственного воздействия на общественность. "Проба" "большого" террора как раз пришлась на подавление контрреволюционных выступлений рабочих и крестьян в августе — сентябре 1918 г. Применялись следующие приемы расправы над инакомыслящими: расстрел, изоляция в концлагерях, конфискация имущества, институт заложничества.

С особым пристрастием карательный механизм "военно-коммунистической" государственности подходил к активной демократической оппозиции, участвовавшей в вооруженной борьбе против Советов. На нее распространялись принятые наркомом Л. Д. Троцким в г. Свияжске "драконовские" меры воздействия против войск противника. Мера физического уничтожения лиц, застигнутых с оружием в руках, стала повсеместно применяться во время подавления восстаний крестьян. Так, в связи с ростом антисоветских выступлений крестьян Верхневолжья в августе 1918 г. окружной комиссар Ярославского военного округа (ЯВО) издал приказ от 2 сентября 1918 г. В нем объявлялось о введении на всей территории округа военного положения, кроме Костромской губернии, где уже было введено осадное положение. Параграф 4 данного приказа гласил: "За убийство одного товарища мы ответим массовым красным террором. Грабителей, воров, погромщиков, поджигателей, бандитов, взяточников, агитаторов, подстрекателей к свержению Советской власти, а также уличенных в умышленном обрыве или порче телеграфных и телефонных проводов, порче столбов, мостов и пр. — беспощадно расстреливать"[50]. Затем были расстрелы сотрудниками ЧК участников крестьянских восстаний в Ветлужском и Варнавинском уездах Костромской губернии, в Покровском уезде Владимирской губернии, уездах Казанской губернии, Псковском и Опочецком уездах Псковской губернии, Симбирской и Северо-Двинской губерниях и т. д.[51] Те, кому все же сохраняли жизнь в ходе проведения карательных экспедиций, проходили "чистилище" ревтрибуналов. По данным 32 ревтрибуналов РСФСР на 6 ноября 1918 г., из общей массы 12 223 дел дела о контрреволюционных выступлениях составляли всего 35 % (?!), но именно они давали львиную долю вынесенных данными судебными инстанциями смертных приговоров (12 из каждых 14)[52]. Зачастую карательные учреждения Советской власти преследовали и наказывали невинных граж-

[50] Рабочий край. 1918. 5 окт.

[51] См., напр.: *Карр Э.* История Советской России: В 14 т. М., 1990. Кн. 1. С. 145; Комитеты деревенской бедноты Московской области. С. 206; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 177. Л. 406.

[52] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 40.

дан. В докладе председателя Вятского губисполкома Центру осенью 1918 г. отмечалось, что население недовольно и даже озлоблено на Советскую власть за "некоторые бесцельные аресты и преследования отдельных граждан из непонятных и неизвестных побуждений. Подобные отрицательные явления носят далеко не единичный характер и распространяются на всю губернию..."[53].

К сельскому населению, выражавшему пассивное сопротивление местным властям, правящий режим применял иные меры наказания: денежные контрибуции, реквизиции хлеба и скота, принудительные общественные работы, арест руководителей крестьян и препровождение их в судебно-следственную комиссию Совета, прекращение выдачи продовольствия селениям и волостям (Иваново-Вознесенская, Новгородская, Калужская, Московская и другие губернии)[54]. Навязанный российской деревне террор имел цель — изолировать (а лучше уничтожить физически) "головку" антисоветского движения крестьян от основной массы сельского населения; ядро недовольных частично ликвидировать или сосредоточить в концлагерях; остальное население — запугать, сделать более податливым и терпимым к пролетарским "экспериментам" правящего режима; наконец, принять под страхом наказания идею повсеместного создания в сельских районах страны комитетов деревенской бедноты.

Агитация репрессиями органично сочеталась с агитацией словом: именно в эти месяцы НКП и РКП(б) развернули мощную пропагандистскую кампанию среди крестьянства в пользу комбедов, видя в последних идеальное средство для отъединения середняцких масс от верхушки деревни, для смычки середняков с сельской беднотой.

Из обращения ЦК РКП(б) от 21 сентября 1918 г. к комитетам РКП, всем членам партии: "...до сих пор наши партийные организации сделали слишком мало в области партийного строительства в деревне. ЦК предлагает всем партийным комитетам выделить кадры членов партии для распределения

[53] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 105. Л. 167 об.

[54] Там же. Оп. 2. Д. 429. Л. 204 об.; 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. С. 245—247, 303; Комитеты деревенской бедноты Московской области. С. 35, 200—201.

их между отдельными деревенскими поселениями, установить тесную организационную связь с каждой волостью и закрепить влияние нашей партии в самых широких кругах деревенской бедноты..."[55]

О масштабах пропагандистской кампании среди крестьян дают представление данные по губерниям Северной области. За сентябрь — декабрь 1918 г. только из Петрограда для проведения массовых митингов выехали в сельские районы области 710 агитаторов; в сентябре — октябре 1918 г. в данном регионе было проведено 227 митингов; среди населения распределялась политическая литература в августе, сентябре и октябре 1918 г. — соответственно 759 719, 1 682 349 и 1 590 899 экземпляров (для сравнения, весной 1918 г. — 429 587 экземпляров, в июне — июле — 712 000 экземпляров)[56]. Председатель Тверского губкома партии А. И. Криницкий так вспоминал о том времени: "...опыт агитационных недель удался прекрасно... только системой агитационных недель было возможно в 2,5 месяца покрыть губернию на 95 % комитетами бедноты, волостными и сельскими, и создать в большинстве волостей исполкомы с большинством коммунистов или сочувствующих..." Из отчета Московского областного бюро в ЦК партии о деятельности за период с 20 мая по 15 сентября 1918 г.: "...положение в Области представляется в таком виде: лучшими губерниями партийной, агитационно-организационной работы являются — Тверская, Нижегородская, Московская и Тамбовская. Средние губернии — Калужская, Орловская, Курская и Владимирская. Последние места занимают Воронежская и Рязанская..."[57].

На местах большевистские агитаторы вступали в настоящие словесные баталии с представителями несоветских партий, последние решили дать в волостях и селениях решительный бой за сохранение своего влияния в середняцко-бедняцких массах крестьянства. В пылу полемики коммунисты обращали внимание крестьян не только на свои былые заслуги перед российской деревней (декреты о земле и мире), но и на успешную борьбу с белочехами, якобы пытавшимися поднять зарево гражданской войны в стране, защиту интересов сельской бедноты от кулаков весной — летом 1918 г. Успеху их деятельности сопутствовали публикация фактов о положении крестьянства во временно оккупированных противником районах страны, повышение в 3 раза твердых цен на хлеб и переход СНК к распределению товаров промышленного производства среди сельского населения по твердым ценам; наконец, корректировка государственного курса на "окомбедование" деревенских органов самоуправления (борьба с "военно-коммунистическими" перехлестами, в частности с разложившимися советскими работниками на местах, допуск середняка к участию в выборах и работе комбедов). Крестьянство, как правило, с удовлетворением встречало эти шаги советской администрации и принимало резолюции об одобрении действий Советской власти и создании комбедов в своих селениях (Иваново-Вознесенская, Тамбовская, Вятская и др. губернии)[58]. Из отчета агитатора иногороднего отдела комиссариата внутренних дел Союза Коммун Северной области о поездке в Турскую и Подмонастырскую волости Лужского уезда Петроградской губернии (6 октября 1918 г.): "...везде встречал со стороны тружеников-крестьян радушный прием, и после разъяснения не вполне точно или неясно понятых отдельных моментов из текущей жизни или с намерением злостно объясненных со стороны спекулянтов и негодяев-кулаков с целью подорвать быстро развивающееся доверие в крестьянской бедноте к Советской власти, как-то: продовольственный вопрос, земельный вопрос, народное образование, а главное — отделение церкви от государства — престиж Советской власти среди крестьян увеличивался... В Турской волости замечалась некоторая вражда к образованию комитетов бедноты, после же разъяснений и это отпало..." Аналогичное сообщение прислал в Центр агитатор, член Василеостровского районного Совета г. Петрограда, командированный в Порховский уезд Псковской губернии[59]. Из резолюции митинга граж-

[55] Комитеты бедноты Московской области. С. 155—156.
[56] Комитеты бедноты Северной области. С. 116, 291—293.
[57] *Витковский В. А.* Развитие общественно-политической активности тверского крестьянства в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Калинин, 1990. С. 14.

[58] *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 100; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 141—144; Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 46—47.
[59] Комитеты бедноты Северной области. С. 266—267.

дан с. Петровское Троицкой волости 6 октября 1918 г.: "Мы, граждане с. Петровского и окрестных деревень, собравшись на митинге 6 октября и заслушав доклады максималистов, в которых они призывали к свержению партийной диктатуры, к разрыву Брестского мира и ликвидации комитетов бедноты, выслушав затем доклады товарищей-коммунистов, в которых они ясно охарактеризовали преступность выставленных максималистами лозунгов, постановили: поддержать Советскую власть всеми имеющимися силами и средствами... Комитеты бедноты, как необходимый орган для поддержания продовольственного дела России, необходимо поддерживать..."[60] Кстати, агитируя за комбеды, приезжие и местные представители власти поясняли крестьянству, что данные организации "создаются не для борьбы, а для совместной работы со средним крестьянством и борьбы с помещиками и кулаками". Трудовое население волостей, памятуя о пережитом голоде весны — лета 1918 г., склонно было видеть в комбедах ЧК по борьбе с продовольственным кризисом, служащие целям социальной справедливости, перераспределения продовольствия между всеми нуждающимися; силу, способную "нажать" на крупных держателей хлеба и вынудить их поделиться с голодающими[61].

Были, конечно, и неудачи в пропагандистской деятельности агитаторов и организаторов комбедов, но общий настрой многочисленных резолюций волостных и сельских сходов, протоколов волостных и сельских Советов, даже представительных форумов крестьян уездного уровня свидетельствовал о том, что "среднее крестьянство, имеющее хлеб, но без излишков, начинает понимать, что Советская власть не стремится к их разорению... и уже начинает брезгливо смотреть в сторону кулаков..." В среде крестьянства пробуждался интерес к политической жизни страны (сообщения из Краснококшайского уезда Казанской губернии, Дьяконовской волости Курского уезда, волостей Порховского уезда Псковской губернии, уездов Петроградской, Нижегородской, Новгородской, Вологодской, Саратовской, Симбирской и других губерний)[62].

[60] Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 46—47.
[61] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 142—144.
[62] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 428. Л. 192; Комитеты бедноты Северной области. С. 49—51.

Особо следует сказать о настроениях сельской бедноты в эти месяцы. Она чувствовала себя теперь более уверенно при организации комбедов в деревне, смелее заявляла о своих классовых интересах. На позицию сельской бедноты повлияли и подавление антисоветских выступлений зажиточных слоев деревни, и начавшийся отход середнячества от последних. Были и другие факторы придания действиям пролетарских и полупролетарских элементов в деревне наступательно-агрессивного духа: шефство карательных органов власти и активность аппарата РКП(б) на местах (в уездах Новгородской, Псковской, Петроградской, Иваново-Вознесенской, Симбирской и других губерний)[63]. Одним словом, "беднота подбодрилась", как выразился современник описываемых событий А. Тодорский в книге "Год с винтовкой и плугом", изданной в Весьегонске в 1918 г.

Как же конкретно шла организация комитетов бедноты, и в чем проявилась специфика данного процесса в те дни? Допуск (после телеграммы СНК и НКП от 17 августа 1918 г.) средних слоев деревни к процессу организации комбедов привел к демократизации самой этой процедуры. Выборы членов сельских и волостных комбедов осуществлялись на общекрестьянских сходах открытым или тайным голосованием, имело место и назначение общим собранием крестьян кандидатур в этот орган по очереди или жребию (Якиманская, Быковская и Семеновская волости Шуйского уезда, Георгиевская волость Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии; Егорьевская волость Ковровского уезда Владимирской губернии, Серманская волость Городищенского уезда и Елизаветинская волость Мокшанского уезда Пензенской губернии, Клинская волость Торопецкого уезда Псковской губернии, Новоселищская волость Боровичского уезда Новгородской губернии, Турская волость Балашовского уезда Саратовской губернии, Коряковская волость Костромского уезда, волости Орловской, Курской, Тамбовской, Вологодской и Тверской губерний и др.)[64]. Такое вольное толкование декре-

[63] *Розенбек К. К.* Комитеты деревенской бедноты в Псковской губернии в 1918 г. // Красная летопись. Ленинград, 1929. № 6. С. 215.
[64] См., напр.: Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 342—343, 348—349; Комитеты бедноты РСФСР. С. 82—83; ГАРФ.

та от 11 июня 1918 г. позволяло верхушке деревни сохранить свое влияние в чрезвычайных органах власти через своих представителей или сторонников из числа середняков и зависимой бедноты. Процесс "пролезания" имущих слоев деревни в комбеды зашел так далеко, что местным советско-партийным работникам пришлось решительно вмешаться и начать осуществлять неоднократные "чистки" составов выбранных комбедов. Процесс "хирургического вмешательства" правящего режима в составы комбедов затянулся, ибо совместить демократические выборы и процесс "осереднячивания" чрезвычайных властных структур с пролетарскими задачами последних было весьма сложным делом. Выход был найден: через усиление пролетарского влияния на данные структуры (задействование рабочих из промышленных районов и сознательной сельской бедноты в работе комбедов), через "большевизацию" членов комитетов и постановку их под жесткий контроль партии. Но на постижение этих уроков и нахождение эффективных средств для "исцеления" составов комбедов ушел весь рассматриваемый нами период (конец августа — начало ноября 1918 г.).

Таким образом, на стадии организации комбедов летом — осенью 1918 г. четко прослеживаются специфически-целеустремленные действия двух субъектов рассматриваемого нами процесса. Летом 1918 г. правящий режим пытался обеспечить победу пролетарской революции в деревне через неукоснительное осуществление узкопролетарского подхода к составам образуемых комбедов при кураторстве НКП. Ответный ход демократической оппозиции — восстания и саботаж решений Центра. Итог — провал кампании по насаждению чрезвычайных органов власти в деревне, в политическом плане — "пробуксовка" "триумфального шествия" социалистической революции в сельских районах страны. Тогда Центр пошел на допуск середняка (что, разумеется, весьма ощутимо "разбавило пролетарскую кровь мелкобуржуазной водицей") в обмен на возвращение политического доверия последнего к Советской власти. Но исподволь составы осередняченных

Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 223 об.; Комитеты бедноты Северной области. С. 49, 64, 69; Комитеты деревенской бедноты Московской области. С. 240—243.

комбедов ставились уже под контроль чрезвычайных силовых структур (ВЧК, НКВД; НКП) и большевистской партии. Реакция демократической оппозиции — задействование механизма демократических выборов и назначенчества, приведение его в перманентное состояние. Такая оборонительная тактика демократически настроенного крестьянства в перспективе была проигрышной, но имела одно тактическое достоинство: позволяла "тянуть" время (ведь это был период сбора урожая 1918 г., и крестьянство стремилось им в полной мере воспользоваться в своих интересах); с другой стороны, в победах Красной Армии над белочехами и под Царицыным не без "подсказки" большевистских агитаторов крестьянство склонно было видеть близкий и позитивный для себя исход гражданской войны, из-за которой якобы и создавались комбедовские структуры власти. Приход мира, по мнению крестьян, сделал бы ненужным дальнейшее существование комбедов, изменил курс режима, ввел его в конституционные рамки, т. е. вернул к привычным общедемократическим Советам с их полнотой власти в деревне.

Кампания выборов в комбеды на демократической основе шла довольно интенсивно. Имеются лишь разрозненные сведения о темпах образования чрезвычайных структур власти на селе, но и они позволяют судить о том, что на конец августа — октябрь 1918 г. пришлась львиная доля образовавшихся комбедов. На темпы организации последних оказывали существенное воздействие удельный вес зажиточно-середняцких слоев деревни и влияние левоэсеровской партии. Левые эсеры изменили тактику: теперь они выступали за образование комбедов, преследуя цель через своих сторонников среди середнячества завоевать большинство в данных структурах, а через них — и изменить сам правящий режим. Так, в губерниях Северной области в сентябре — октябре 1918 г. было сформировано более 72 % всех комбедов периода с февраля по ноябрь 1918 г.; в Кирсановском и Лебедянском уездах Тамбовской губернии — соответственно 76 % и 29,1 % (а за период с сер. августа до 1 ноября 1918 г. — соответственно 90,7 % и 61,5 %); в Саранском, Рузаевском, Инсарском и Краснослободском уездах Пензенской губернии — 88,2 % волостных и 54,3 % сельских комбедов; в Саратовской губернии — после августа 1918 г. — 86 % комбедов; в Шуйском

уезде Иваново-Вознесенской губернии — 40,4 % комбедов (а с сер. августа по 1 ноября 1918 г. — 76,2 %) и т. д.[65]

Обвальный характер прохождения данного процесса одновременно на всей территории Советской России правящему режиму трудно было в полной мере проконтролировать, тем более в мелких селениях, составлявших большинство сельских населенных пунктов страны (так, по данным сводки иногороднего отдела НКВД Союза Коммун Северной области на декабрь 1918 г., более 63 % всех комбедов насчитывали в своем составе до 5 человек, т. е. они были образованы в небольших селениях)[66]. О том, как нередко проходили выборы повествует селькор из Иваново-Вознесенской губернии: "Процедура избрания комитета бедноты: "Зачем нужен комбед, без него жили, а с ним живем все хуже и хуже". Прения: упреки друг друга в хозяйственных промахах, семейных неурядицах, телесных недостатках. Брань, крики. Наконец, выбирают горлопанов, самых зажиточных..."[67] Анализируя сообщения с мест — официальные и неофициальные, приходишь к выводу: августовско-октябрьский набор в составы волостных и сельских комбедов не вызывал восторга у властей. Из циркулярного письма Северного областного комитета РКП(б) от 3 октября 1918 г. о проверке состава и о роспуске засоренных кулаками комитетов деревенской бедноты: "Необходимо вам провести точную проверку состава комитетов бедноты в деревнях, т. к., несомненно, они далеко не соответствуют своему назначению и часто имеют в своей среде и даже в качестве председателя или заведомого кулака, или очень зажиточного крестьянина и, следовательно, совершенно не могут считаться действительными представителями бедноты. Всякий такого рода комитет должен быть вами распущен, и должны быть произведены выборы от действительно неимущих крестьян..."[68]

Известный исследователь проблемы комбедов А. Чернобаев также утверждал, что в Московской губернии первые составы данных чрезвычайных структур власти были кулацкими

[65] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 15; Комитеты бедноты Северной области. С. 106; *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 260.

[66] Рабочий край. 1918. 8 нояб.

[67] Комитеты бедноты Северной области. С. 106.

[68] Там же. С. 77.

или прокулацкими[69]. Засоренность составов комбедов официально признавали власти Иваново-Вознесенской и Ярославской губерний[70]. Из протокола II Курской губконференции РКП(б) от 25—27 октября 1918 г.: представитель из Корчевского уезда: "...комитеты бедноты кое-как состряпаны, по преимуществу из кулаков..."; аналогичные факты признали и делегаты Ново-Оскольского, Обоянского и Льговского уездов. Из резолюции губконференции РКП(б) о работе комбедов от 26 октября 1918 г.: "1. Реорганизовать все комитеты бедноты по декрету. 2. Образовать во всех органах бедноты ячейки коммунистов и в комитеты бедноты проводить только коммунистов..."[71] Из постановления Одоевского уездного съезда комитетов бедноты 15 сентября 1918 г.: "...всем комитетам бедноты предлагается организовать партийные ячейки коммунистов, и все члены комитетов бедноты должны быть коммунистами-большевиками..."[72] Наконец, приведем горькое признание Н. Подвойского, сделанное им в статье "Работа в деревне": "...во многих случаях комбеды являются таковыми лишь по наименованию, на самом деле они состоят не из бедноты, а из крепких мужичков, частью даже из кулаков..."[73]

Понадобились титанические усилия РКП(б) и силовых структур Советской власти, чтобы путем неоднократных чисток выбираемых и функционировавших комбедов создать надежные кадры исполнителей указаний вышестоящих властных инстанций. Произошло это знаменательное событие на рубеже октября — ноября 1918 г.: в Северной области среди членов комбедов насчитывалось 35,5 % коммунистов и 33,5 % сочувствующих; в Тамбовской губернии — соответственно 33 % и 48 %; в Пензенской губернии: Керенском уезде — 39,8 % и 37,9 %, Пензенском — 24,5 % и 58,1 %, Рузаевском — 24,4 % и 62,2 %, Спасском — 96,0 % и 3,9 %, Темниковском — 44,9 %

[69] *Чернобаев А.* Комбед. М., 1978. С. 37—38.

[70] 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. С. 304—305; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 23; Известия. Ярославль, 1918. 24 окт.

[71] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 433—435, 437.

[72] *Богданов А. М.* Борьба тульских большевиков за ленинскую аграрную программу (1917—1918 гг.). Тула, 1957. С. 99.

[73] Вестник по продовольствию. 1918. № 4/5. С. 8.

и 28,6 %, Чембарском — 56,5 % и 8,5 %; из Инсарского уезда сообщали, что "все председатели... и члены комитетов бедноты принадлежат коммунистам-большевикам..."[74].

Добиться таких поразительных успехов РКП(б) удалось за счет трех источников: а) направления членов партии на работу в комбеды (по данным анкеты участников I областного съезда комбедов Северной области 3—6 ноября 1918 г., их насчитывалось 220 человек (6,3 % общего состава депутатского корпуса); возвращение из города на родину рабочих-коммунистов — еще 727 человек, или 18,6 %; в целом, по Северной области этот источник дал 25 % депутатов)[75]; б) задействования местных кадров партии; в) выращивания "скороспелых" членов РКП(б) из сорганизованной сельской бедноты и сознательной части середнячества. Можно составить некоторое представление о темпах партийной "селекции" членов комбедов, приводя данные из анкет делегатов I областного съезда комбедов Северной области 3—6 ноября 1918 г.: 1/3 членов большевистской фракции составляли лица с партийным стажем 1—3 месяца, т. е. это были люди, вступившие в партию именно в августе — октябре 1918 г.[76] А вот сообщение из Курской губернии: "...идет запись в партию. В волостях созываются партийные съезды. Но надо сказать, что впечатление от съездов получается скверное. Хоть сколько-нибудь разбирающихся в событиях людей очень мало..."[77]

По мнению РКП(б) и курируемых ею Советов, эти отдельные "шероховатости" в процессе напряженной будничной работы комбедов (а задачи перед ними ставились масштабные) "снимутся", "сотрутся" и деревня наконец-то получит своих признанных и авторитетных вождей, а Центр — грамотных и точных исполнителей его указаний на местах. Удалось ли сбыться этим надеждам? Однозначно — нет. Побуждают так говорить многочисленные свидетельства источников и высказывания современников о трудностях финансового, кадрового, материально-технического, военно-политического, агитационно-пропагандистского, культурного и психологического порядка, подстерегавших чрезвычайные структуры власти на селе с момента издания декрета от 11 июня 1918 г.[78] Конечно, вышеуказанные трудности способствовали краху комбедовского движения в стране, но главные причины неудач правящего режима лежали глубже.

1. В крестьянско-трудовом характере составов данных чрезвычайных структур власти, члены которых в большинстве являлись носителями мелкособственнической психологии крестьянства и, естественно, тяготели к отстаиванию интересов индивидуальной формы хозяйствования. По данным анкет депутатов I съезда комбедов Северной области (3—6 ноября 1918 г.), из 3900 человек 2333 были крестьянами-хлебопашцами, 2256 имели дом, землю и скот, а 987 — дом и землю[79]. В Тамбовской губернии на должностях председателей волостных и сельских комбедов находились соответственно 42,7 % и 55,3 % крестьян, среди рядовых членов волостных и сельских комбедов — соответственно 57,2 % и 77,3 % крестьян[80]. Необходимо отметить, что параллельно процессу насаждения комбедов "сверху" шел процесс осереднячивания российской деревни "снизу". Зачастую бедняк, избранный в состав комбеда в июне — июле 1918 г., к осени того же года был по социально-имущественному статусу ближе к середняцким слоям деревни и как бы заражался "бациллой" мелкособственничества. "Вялотекущая" деятельность комбедов по сути была осторожно-выжидательной тактикой действий середняцких составов данных структур, характеризовалась стремлением нанесения зла широким слоям индивидуального крестьянства, с положением которого тогдашние составы комбедов еще связывали текущее и будущее материальное положение собственных хозяйств. Нельзя не учитывать и "дамоклов меч" пере-

---

[74] *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 262; *Суслов Ю. П.* Социалистические партии и крестьянство Поволжья (октябрь 1917—1920 г.). Саратов, 1994. С. 50; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 34; Комитеты бедноты Северной области. С. 106.

[75] Комитеты бедноты Северной области. С. 425, 428.

[76] Там же.

[77] Вестник по продовольствию. 1918. № 6/7. С. 51.

[78] См., напр.: Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 241—242, 299; Комитеты бедноты Северной области. С. 424, 427, 429—430; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 122, 138, 180—183; Т. 2. С. 153—154.

[79] Комитеты бедноты Северной области. С. 425—426, 428—429.

[80] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 176—179.

избрания сельским обществом членов комбедов в случае вступления их на путь неукоснительного выполнения воли Центра, а также факты воздействия родственных отношений и кумовства на деятельность комбедов (Фатежский и Старооскольский уезды Курской губернии, Кинешемский уезд Иваново-Вознесенской губернии и др.)[81].

Центру же, да и уездным властям, было легче все списать на кулацкий элемент, якобы засоривший составы комбедов. В итоге, сначала следовала критика их деятельности, затем навешивание ярлыков; наконец, изгнание и перевыборы и даже аресты некоторых членов чрезвычайных структур власти на селе. Н. И. Подвойский писал, что комбеды "состоят не из бедноты, а из крепких мужичков, частью даже из кулаков. Реорганизация таких комбедов должна быть произведена немедленно. Комбеды во многих местах понимают свои функции довольно своеобразно: они берут на строгий учет хлеб, инвентарь и прочее имущество у кулаков, но не с целью предоставления излишков городу, государству, а для разделения всего этого между бедняками, которые, в свою очередь, нередко сбывают эти излишки по спекулятивным ценам в город..."[82] Сложилась парадоксальная ситуация: Центр, способствуя осередняччиванию комбедов, в то же время сковывал их "середняцкую" линию поведения в деревне навешиванием ярлыка "кулацкая" или "левоэсеровская". Последние тоже не оставались в долгу: явно, но чаще подпольно, саботировали пролетарский курс государства в деревне (особенно в продовольственном и земельном вопросах, по поводу наложения контрибуций, мобилизаций людей и скота в Красную Армию). Все вышесказанное имеет отношение к весьма значительным группам комбедов, деятельностью которых Центр был крайне недоволен (Тейковский и Кинешемский уезды Иваново-Вознесенской губернии; Суджанский, Фатежский, Мценский, Старооскольский, Льговский уезды Курской губернии; Алексеевский и Задонский уезды Воронежской губернии; Елатомский и Кирсановский уезды Тамбовской губернии, уезды Вятской губернии и т. д.)[83].

[81] 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. С. 296; Вестник по продовольствию. 1918. № 6/7. С. 51.

[82] Вестник по продовольствию. 1918. № 4/5. С. 7—8.

[83] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 217; Т. 2. С. 85; Комитеты бедноты Воронежской и Курской областей. С. 241—242, 329—330; Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 351, 358; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 105. Л. 167.

Но была ведь и значительная часть комбедов, отличавшаяся активностью, напористостью в деятельности. Не противоречит ли это признание вышеизложенному тезису? На наш взгляд, не противоречит. В ряде хлебных районов страны к осени 1918 г. причудливо переплелись следующие обстоятельства: усиленный нажим государства с целью изъятия продовольственных излишков, "компрометация" в глазах общественного мнения и местных управленческих структур широких слоев зажиточно-середняцкого населения за участие в антисоветских выступлениях; близость прифронтовой полосы при наличии в последней мощного агитационного и репрессивного аппарата тыловых и армейских организаций; увлечение процессом "большевизации" чрезвычайных структур власти и идеей конституирования последних на местах, — приведшие к "вымыванию" на деле уступок середнячеству, объявленных СНК и НКП в телеграмме от 17 августа 1918 г., к возвращению комбедов к исходному состоянию на день принятия декрета от 11 июня 1918 г. Так, в Елатомском уезде Тамбовской губернии крестьяне составляли лишь 31,8 % состава волостных комбедов, зато все другие категории населения, не связанные с сельским хозяйством — 68,2 %; в Спасском уезде — соответственно 17,6 % и 82,4 %; в Лебедянском уезде в волкомбедах насчитывалось 28 % крестьян и 72 % прочих; в Шацком уезде — соответственно 33,3 % и 66,7 %; в Тамбовском уезде в волостных и сельских комбедах насчитывалось соответственно 50,8 % и 22,2 % крестьян; в Моршанском уезде — 19,4 % и 33,3 % крестьян. Таким образом, по данным уездов Тамбовской губернии, получаем долю крестьян: в волкомбедах — 17,6—50,8 % состава, в сельских комбедах — 22,2—33,3 % состава; в целом же по губернии — соответственно 34,4 % и 52,7 % состава[84]. Заметим, что среди крестьян-делегатов весьма значительным был процент сельских пролетариев. Таким образом, трудовое крестьянство этих регионов было в своем большинстве либо отстранено ("грехи" перед Советской властью), либо само устранилось от участия в создании комбедов. Создавались т. н. "подвешенные в воздухе"

[84] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 176—179.

чрезвычайные структуры власти, не имевшие широкой социальной базы в деревне; следовательно, чтобы выжить и оправдать возложенные на них задачи, эта категория комбедов органично интегрировалась с вертикальными ветвями власти. Можно считать хрестоматийным факт сращивания и координации действий партийного и репрессивного аппаратов с комбедами на местах. Здесь правящий режим достиг заметных успехов в разрушении сети общедемократических Советов и создании коммунистических (по составу и сути деятельности) органов власти. Из сведений Кирсановского уездного исполкома (Тамбовская губерния) в НКВД о составе исполкомов уезда от 6 ноября 1918 г.: из 43 волостей в 21 волости местные волисполкомы состояли исключительно из коммунистов, в 5 волостях — их было абсолютное большинство, в 9 волостях — членами волисполкомов являлись только большевики и сочувствующие идеям коммунизма, в 6 волостях — только сочувствующие партии большевиков, в 4 волостях в состав волисполкомов входили беспартийные и лишь в 1 волости — левые эсеры (1 депутат)[85]. По данным Тверской губернии, на IV губернском съезде Советов (ноябрь 1918 г.) 95,5 % депутатского корпуса составляли коммунисты и им сочувствующие, 3,3 % — беспартийные и 1,2 % — члены других партий. В губернии доля коммунистов и сочувствующих в уездном звене власти выросла во 2-й пол. 1918 г. по сравнению с 1-м полугодием с 40—60 % до 83—86 % общего состава; "кадровую революцию" испытало и волостное звено власти: доля коммунистов и сочувствующих здесь поднялась с 38 % до 72 % членов волисполкомов[86]. Отмеченная нами тенденция коммунистической "нивелировки" депутатского корпуса представительных и исполнительных структур власти была характерна прежде всего для губернского и уездного уровней. Так, если в 1-й пол. 1918 г. существовало известное равенство сил коммунистов и сочувствующих, с одной стороны, и беспартийных и представителей иных партий — с другой (т. е. многое зависело от линии поведения беспартийных), то во 2-м полугодии этого года ситуация изменилась: доля представителей несоветских партий и беспартийных сократилась среди депутатов губернских съездов Советов РСФСР соответственно с 24,5 % до 4 % и с 23,1 % до 5,7 %; коммунисты и сочувствующие получили подавляющее большинство мест (в т. ч. и в губисполкомах) — до 90,3 % (прежде — 52,4 %). Аналогичная ситуация складывалась в уездном звене власти: доля представителей несоветских партий и беспартийных сократилась среди депутатов уездных съездов Советов и уездных исполкомов во 2-м полугодии по сравнению с первым соответственно с 19,5 % до 8,9 % и с 32,1 % до 18,3 % общего состава; коммунисты и сочувствующие увеличили свое представительство в данном звене власти с 48,4 % до 72,8 %[87]. Это была крупная политическая победа правящей партии.

[85] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 236—238.

[86] *Витковский В. А.* Указ. соч. С. 85—86.

В силу принадлежности комбедов к вышеуказанному альянсу сил (внутри которого, между прочим, существовало четкое разделение функций: комбеды являлись главными соглядатаями, доносчиками на местах; отделы управлений и ЧК — карателями; партия — идеологом, "освящавшим" совершавшиеся над крестьянами "деяния"), остроты переживавшегося политического момента (широкомасштабная гражданская война) и радикального поворота в развитии российского революционного процесса (на свершение "Октября" в деревне) историческая миссия первых проявилась не в урегулировании продовольственного вопроса, а в политике "удушения" "бастиона" мелкобуржуазной демократии в деревне — общекрестьянских Советов. Из выступления члена коллегии НКП Л. Рузера на заседании межведомственной комиссии по вопросу о комитетах бедноты (13—14 октября 1918 г.): "...в общем и целом комитеты бедноты дали незначительные результаты в области практической продовольственной работы... но сыграли роль "временных революционных комитетов", имевших почти решающее значение в том надломе кулацкого засилья, который наблюдается сейчас в деревне..."[88]

Попытка таких комбедов выйти за рамки разрушительной деятельности и приступить к созиданию в соответствии с канонами пролетарского подхода государства к текущим

[87] Советы, съезды Советов и исполкомы. М., 1924. С. 30, 35.

[88] Комбеды РСФСР. С. 226.

проблемам деревни (земля, продовольствие, финансы и т. д.) встречала возросшее непонимание и сопротивление крестьянской массы. Возникавший конфликт обычно "гасился" карательными экспедициями из уезда. Демократические силы российской деревни "пробуксовывали" мероприятия властей по "окоммунариванию" крестьянства, ими (не без помощи комбедов и стоявших за их спиной авторитарных управленческих структур) заготавливался впрок "хворост и горючий материал" для новой вспышки вооруженного противодействия режиму. В "очагах" функционирования "воинствующих" комбедов задачи ликвидации общедемократических Советов К. Д. решались дорогой ценой: политическим "дрейфом" широких масс середнячества в сторону зажиточных слоев деревни, политической изоляцией и даже расколом самой сельской бедноты на сторонников и противников правящего режима.

Единению имущих и середняцких слоев деревни против комбедов способствовал не только сам авторитарный курс и методы его осуществления, но и вскрывшаяся вскоре неподготовленность, неумение организованной сельской бедноты элементарно поддерживать нормальный ритм жизни в подвластных им селениях и волостях. Правда, "воинствующие" комбеды и тут находили себе оправдание: происки кулаков и левых эсеров. Из протокола I объединенного съезда комбедов и коммунистических ячеек Дмитровского уезда Орловской губернии 8 декабря 1918 г., доклад Кондакова: "...благодаря преступной деятельности деревенских кулаков, сельские комбеды не всегда исполняли распоряжения волостных Советов". Но ряд делегатов с мест "не могли совсем согласиться с доводами докладчика. Они указывали, что если нет той продуктивной работы, которую ждали от сельских комбедов, то виною этого явления вовсе не деревенские кулаки, ибо их или уже нет совсем, или если есть, то ничтожная горсть на весь уезд. Вся причина кроется в неумении сельской бедноты соединяться в прочные организации и разбираться в сложности наваленных задач..."[89]

Подтверждением мнения крестьян Орловской губернии о деятельности "воинствующих" комбедов могут служить данные о чрезвычайно низком образовательном уровне их составов и полном отсутствии у них организаторских навыков. Так, в Елатомском уезде 36,4 % членов волостных комбедов имели низшее и 59,1 % — домашнее образование, в Спасском уезде — 18,4 % имели низшее образование, 62,8 % — домашнее образование, 4,6 % — были неграмотными; в Лебедянском уезде — соответственно 46,7 %, 46,7 % и 3,3 %; в Тамбовском уезде — 65,7 %, 31,4 % и 2,9 %; в Моршанском уезде — 57,4 %, 34,7 % и 1,8 %[90]. Из анкеты делегатов I съезда комбедов Северной области: члены комбедов в возрасте до 30 лет составили 47 % участников данного съезда; 80 % делегатов ранее никуда не избирались, т. е. совершенно не имели навыков руководства людьми и опыта решения организационных и хозяйственных вопросов[91].

2. Вторая глубинная причина неоправдавшихся надежд правящего режима в отношении комбедов — жесткое соперничество между конституционными и чрезвычайными структурами управления (как по горизонтали, так и по вертикали) за властные полномочия. Такому положению дел способствовал как сам Центр, так и губернско-уездные власти. Последние, стремясь "свалить" непокорные волостные и сельские Советы, санкционировали усиление комбедовских структур на местах.

В итоге в политической системе управления страной сложилась ситуация, когда сам принцип Советской власти стал подвергаться ревизии (т. е. переходить в открытую форму власти меньшинства над большинством в виде пролетарских Советов, Советов крестьянской бедноты и т. д.). Это явление имело место в Бельской волости Порховского уезда Псковской губернии; Корьевской волости Гжатского уезда Смоленской губернии; Узморской, Терновской и Квасниковской волостях Новоузенского уезда и волостях Петровского уезда Саратовской губернии, Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии и т. д.[92] Либо принцип Советской власти стал вырождаться по сути в безвластную, парадно-декоративную

[89] Там же. С. 242; Комитеты бедноты. Т. 2. С. 123—124.

[90] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 180—183.

[91] Комитеты бедноты Северной области. С. 425, 429.

[92] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 204 об.; Д. 428. Л. 192; *Розенбек К. К.* Указ. соч. С. 216; Комитеты бедноты Северной области. С. 92; Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 372—373.

"ширму" представительства интересов большинства населения при одновременной концентрации реальной власти в руках большевистской партии (Курский и Петроградский уезды одноименных губерний; Угличский уезд Ярославской губернии; Борисоглебский, Моршанский и Козловский уезды Тамбовской губернии; Сердобский и Аткарский уезды Саратовской губернии; Брянский уезд; уезды Нижегородской и Симбирской губерний и т. д.)[93]; либо власть Советов уничтожалась вообще с передачей полномочий в руки комбедов и других чрезвычайных органов, строивших иерархию власти по вертикали с соответствующим прямым подчинением партийным организациям. Тогда бы ЦК РКП(б) должен был осуществлять контроль над страной не через диктатуру пролетариата, а через его авангард, т. е. саму партию. Так, III съезд Советов Тамбовской губернии 11 сентября 1918 г. постановил: "1. Обнародовать в пределах Тамбовской губернии верховную диктатуру РКП(б)... 3. Непосредственное подчинение всех советских учреждений и представителей директивам и инструкциям партийных комитетов РКП. 4. Под руководством сельских и волостных организаций РКП вся полнота власти комитетов бедноты во всех селениях и деревнях губернии. 5. Войти с ходатайством во ВЦИК и VI Всероссийский съезд об объявлении верховной диктатуры РКП по всей территории РСФСР"[94]. Из выступления Я. М. Свердлова на заседании межведомственной комиссии по комбедам (13—14 октября 1918 г.): "После тамбовского съезда волостных и сельских комбедов, которые заявили: "Вся власть нашей партии", — тенденция в этом направлении намечается всюду и приходится ее сдерживать и обуздывать"[95].

Известная некомпетентность комбедов в делах управления и их явная тяга к разрушению и распределению, уравнению всех по имущественному положению при создавшемся параличе аппарата Советской власти на местах и общей неустроенности последней (отдельные звенья и "винтики" ее еще "притирались" друг к другу), причем застигнутой на этапе

[93] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 429. Л. 178; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 201.

[94] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 412—413.

[95] Комбеды РСФСР. С. 247—248.

трансформации в модель "военно-коммунистического" режима, мучительнейшим образом отразились на повседневной жизни единоличной деревни.

"Колесница власти" как бы "придавила" и "поволокла" за собой крестьянство, превращая его в "серую бесформенную массу", уготовила ему роль политического "статиста" в широкомасштабных революционных представлениях, даваемых стране чрезвычайным советским режимом майско-июньской формации. Демократическая оппозиция допустить такое "кощунство" над трудовым крестьянством не могла: находила и извлекала из текущей политики властей убедительные аргументы для "подвижки" сельского населения страны к вооруженной борьбе с авторитарным режимом, чтобы "вернуть последний в лоно так милой сердцу крестьян" Советской власти поры Октябрьского переворота.

Такой радикализм государственного подхода правящего режима к принципу Советской власти и пренебрежение к ностальгии российского крестьянства по советской государственности без примеси "чрезвычайщины" не могли не взволновать ряд политиков как в Центре, так и в провинции. Сам факт созыва межведомственной комиссии по вопросу о комбедах (13—14 октября 1918 г.) свидетельствовал об этом. Я. М. Свердлов заявил на заседании комиссии: "В деревне три органа: открытый орган власти — волостной Совет, в качестве контроля — дающий ему директивы комбед, и над ними стоит партийный комитет. В общем, все друг друга контролируют и мало работают... Нужно положить этому конец"[96].

Еще отчетливее осознавали опасность текущей политической ситуации советско-партийные работники на местах. Тревогой за судьбу Советской власти и одновременно требованиями к Центру быстрее завершить "отладку" советского механизма власти был насыщен "Наказ" руководства крестьянского по составу Яранского уезда Вятской губернии делегатам VI Всероссийского съезда Советов: "...деревня не может разобраться в вопросах не только интернационала социализма, но и непосредственно касающихся ее вопросах. Приезжие агитаторы в большинстве мало подготовлены и не умеют подойти к крестьянской массе, почему приносят мало пользы.

[96] Там же. С. 246—247, 249—250.

Планомерной организации и работе на местах мешает отсутствие строго проведенной централизации... Зачастую распоряжения области совершенно не согласованы с распоряжениями центральной власти. Это создает путаницу на местах и даже дезорганизацию. Между тем те и другие распоряжения категоричны, но категоричность одна, согласованность должна быть проведена столь же категорично, чтобы достичь соответствующих результатов. Выплывший в печати вопрос о взаимоотношениях ЧК с исполкомами требует самым настоятельным образом урегулирования, так как ЧК не только автономна, но и является верховным органом, а исполком играет подчиненную роль. И идея Советской власти нарушается. Необходимо, чтобы ЧК являлась не самостоятельным отделом, а подотделом, включенным в отдел управления"[97].

Провинция видела в "бесхребетной чрезвычайщине" тогдашнего правящего режима угрозу рецидивов (и они действительно вспыхивали на местах) сепаратизма действий советско-партийной номенклатуры по всей вертикали, отката в "земщину" и даже ухода сельского населения в первозданные общинные представления о праве и справедливости, терявшие силу на границах отдельных селений, реже волостей. Из выступления представителя Шапкинского волостного Совета на съезде председателей и секретарей сельских Советов Борисоглебского уезда Тамбовской губернии 1 ноября 1918 г.: "...народные массы совершенно не разбираются в том, что означает "власть народа", и под этим лозунгом имел место случай: сельским сходом был арестован председатель волостного Совета Ледовский за то, что он вылил отобранный самогон без ведома всего народа. И содержался под арестом около двух недель, и благодаря только прибывшему реквизиционному отряду был освобожден из-под ареста..."[98] Здесь прецедент завершился без человеческих жертв, а сколько их было во время устраивавшихся крестьянами самосудов!

Однако вышеуказанные симптомы тревоги, сомнений, поисков путей и даже начинаний в сфере государственного обустройства Советской власти, причем на конституционной

[97] VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. М., 1919. С. 104—105.

[98] Комитеты бедноты. Т. 1. С. 204—205.

основе, с соподчинением последней многочисленных чрезвычайных управленческих структур, тонули в общей массе победных реляций с мест в Центр о политических победах комбедов и их силовых партнеров в борьбе с "кулацкими" Советами, о переломе настроения крестьянства в пользу принятия идей коммунизма и т. д. Из них Центр учел лишь то, что социалистическая революция пришла в деревню и ее необходимо закрепить соответствующими преобразованиями в социально-экономической сфере. Осуществить последние должна была созданная режимом чрезвычайная государственная машина. Ею был произведен "залп" декретов по социально-экономическим и нравственным устоям индивидуальной деревни (чрезвычайный революционный налог, мобилизации людей, реквизиции лошадей и скота в армию; учет и изъятие продовольственных излишков, отделение церкви от государства и школы, насаждение коммун — антитеза декрета о земле и Закона о социализации земли).

Эта пролетарская атака на мелкотоварное крестьянство пришлась на рубеж октября-ноября 1918 г. В ответ широкие слои сельского населения (зажиточные, середняки, часть бедноты) сплотились воедино и поднялись организованно (как мог данный класс в тех условиях) на "бунт" против большевистской "коммунии" за Советскую власть (в крестьянском понимании этого термина). По данным Т. В. Осиповой, в ноябре — декабре 1918 г. крестьянскими восстаниями было охвачено 47,7 % уездов Центра России[99]. А начали их еще до созыва VI Всероссийского съезда Советов крестьяне Тамбовской, Калужской, Пензенской, Рязанской и Ярославской губерний[100].

Партийное "обезглавливание" демократического движения в стране (в связи с июньско-июльскими событиями 1918 г.),

[99] *Осипова Т. В.* Крестьянство в гражданской войне // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всерос. науч. конф. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 112.

[100] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 229; *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 275—277; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 160. Л. 311; Комитеты деревенской бедноты Московской области. С. 301; Известия. Ярославль, 1918. 29 нояб.

взятие "штурмом" губернского и уездного звеньев власти, конституционное "освящение" процесса замены правления Советов октябрьской поры "военно-коммунистическим" режимом большевистских Советов, "комбедовщина" в деревне — все эти моменты политической жизни лета 1918 г. — октября 1918 г. не смогли "сломать" крестьянство, лишить его статуса субъекта революционных событий в стране. Оно, уступив стратегическое "поле" борьбы альтернатив политического обустройства России, активно противостояло установившемуся диктаторскому режиму тактически (не только осереднячивание процедуры выборов и составов комбедов, но и включение в политическую жизнь села зажиточных слоев населения; практика перманентных переизбраний органов самоуправления, задействование института сельских и волостных сходов, бойкот решений вышестоящих Советов, выступления против них и прибывших в деревню продотрядов, восстания и т. д.). Вследствие чего спускаемые из Центра на места распоряжения как бы "повисали в воздухе", увязали в недрах самого аппарата. Политические же "импровизации" Советов, ЧК и особенно комбедов на местах лишь отталкивали широкие массы сельского населения от существующей власти, способствовали сплочению их на платформе демократической оппозиции правящему режиму. Властям грозило "второе издание" крестьянского восстания "Октября" 1917 г.

Вот тут-то и для Центра стала очевидной вся искусственность, надуманность наиболее одиозного элемента построенной им "военно-коммунистической" модели советской государственности, "кровавым рубцом" отложившегося на "теле" российской деревни, — комбедовской структуры власти; ее неспособность к созиданию, неумение идти на конструктивные контакты с населением. Это понимание побудило власти энергично взяться за "выправление" левацкого уклона в строительстве чрезвычайной структуры управления в деревне, принять меры, способные вернуть политическое доверие масс и одновременно закрепить "военно-коммунистические" начала государственности на местах.

§ 2. Курс Центра на продолжение "комбедовской" политики в деревне руками "обновленных" Советов К. Д. Реакция крестьянства на политические маневры центральной и местной власти (ноябрь 1918 г. — март 1919 г.)

Слишком громоздким был "груз" политических проблем и слишком опасными для правящего режима последствия с промедлением их позитивного разрешения, чтобы можно было ограничиться принятием очередного декрета или постановления, пускай даже на уровне правительства и ВЦИКа. Для воздействия на широкие круги общественности, а главное, управленческие структуры страны необходимы были решения авторитетнейшего и наивысшего органа Советской власти — Всероссийского съезда Советов (в данном случае — VI Чрезвычайного съезда Советов Р., С., К. и Каз. Деп.).

Данный съезд приступил к работе 6 ноября 1918 г. Сам характер созванного форума ("чрезвычайный") и состав депутатского корпуса (по партийности — поголовно коммунистический: 946 коммунистов из 963 делегатов с решающим голосом и 314 коммунистов из 333 делегатов с совещательным голосом; по ведомственной принадлежности — исключительно от большевистских фракций Советов и их исполнительных структур, от комбедов лишь 65 представителей)[101] говорили в пользу серьезных и решительных намерений Центра "выправить" левацкий уклон в деятельности и структуре "военно-коммунистической" государственной машины.

Съезд был прекрасно организован Центром с точки зрения очередности постановки вопросов и принятия по ним решений. В первый день работы форума — 6 ноября — депутаты проголосовали за резолюцию "Об амнистии". Этот документ иезуитски сочетал в себе "реверансы" одновременно и в сторону крестьянства, и в сторону репрессивного механизма власти. А по сути исправлял грубые ошибки и "перекосы" в действиях чрезвычайных структур на местах в отношении сельского населения, особенно осужденных по политическим делам или находившихся под следствием крестьян, а также заложников из числа мир-

[101] Съезды Советов в документах (1917—1918 гг.). С. 87; VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 180.

ных сельских обывателей. В то же время данный документ не подрывал авторитет власти и не ставил под сомнение правильность производимых карательных операций в деревне. Так, провозглашалась амнистия (?!) для лиц, чья вина не была доказана следствием; процедура освобождения заложников и участников антисоветских выступлений оговаривалась рядом условий, что, естественно, бросало на них тень в обществе, и осуществлялась теми же органами задержания, дознания и осуждения; последнее говорило о сохраняющемся доверии к ним со стороны Центра[102].

8 ноября 1918 г. съезд принял постановление "О революционной законности". В нем сочетались "флирт" правящего режима с законом и преклонение перед "чрезвычайщиной" "военного коммунизма", популистский жест в сторону конституционных прав граждан и широкая легализация в карательной деятельности государства принципа революционной целесообразности. Вот что вкладывалось в понятие революционной законности.

В целом, правящий режим, решившись на данные меры, в тех условиях — условиях поднимавшегося крестьянского восстания по всей Республике — дошел до максимально возможной границы уступок в проводимой им большой политике "красного" террора.

Главное место среди решений VI Всероссийского чрезвычайного съезда занимало постановление " "О строительстве Советской власти в центре, комитетах бедноты и Советах на местах" от 9 ноября 1918 г. Значимость его нельзя сводить к простой замене комитетов бедноты на советскую систему управления деревней. Данное решение в целом ставило проблему государственного обустройства страны применительно к условиям гражданской войны на внешних и внутренних фронтах, причем переводило ее из сферы суждений и рекомендаций в плоскость практических преобразований ("...Диктатура Пролетариата рабочих и беднейших крестьян должна быть проведена последовательно от высших органов Советской власти до низу... Комитеты бедноты, объединившие на деле беднейшее крестьянство, должны принять самое актив-

[102] Съезды Советов в документах (1917—1936 гг.). С. 87; VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 89.

ное участие в преобразовании волостных и сельских Советов в истинные органы Советской власти и коммунистического строительства... Съезд предлагает всем губернским и уездным Советам незамедлительно приступить к перевыборам всех волостных и сельских Советов, возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на комитеты деревенской бедноты..."[103]).

Таким образом, реформирование государственной машины понималось как процесс возврата к единообразной советской форме власти, но с иным содержанием последней: чрезвычайная сущность полномочий, методов и принципов деятельности. Слияние неконституционных и конституционных структур шло либо по указанному пути (на волостном, уездном и даже губернском уровнях), либо по пути "цивилизованного сговора" о границах полномочий в управлении страной (центральных ведомств друг с другом и последних с провинцией). Общее руководство по "переналадке" государственной машины в заданном направлении возлагалось на ВЦИК, функции негласного "политического комиссара" при нем (судя по партийному составу депутатского корпуса съезда) возлагались на аппарат РКП.

На пути реализации решений съезда стояли большие трудности: значительная часть Советской Республики была охвачена крестьянскими волнениями, имевшими тенденцию к дальнейшему росту. Широкие массы крестьянства активно "бродили" под воздействием пропаганды профессиональных агитаторов из лагеря оппозиции. Так, на заседании Московского областного Совета партии левых эсеров 2 ноября 1918 г. был взят курс на задействование агитационного аппарата организации для работы среди крестьян Центра страны под лозунгами: "Долой комиссародержавие!", "Долой чрезвычайки!" На декабрьском (1918 г.) Совете партии была принята резолюция: "Крестьянство смело объявило святой бунт, крестьянство дерзко восстало по всей Республике... Долой олигархов-большевиков... В целях борьбы с голодом: упразднение системы реквизиций... упразднение всех учреждений по выкачиванию хлеба..."[104]

[103] VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 18—19.

[104] *Владимиров В.* Левые эсеры в 1917—1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 137—138.

Будоражили крестьянство и "речи" доморощенных распространителей нелепых слухов и домыслов в отношении Советской власти. Так, в это время в Рязанской губернии среди крестьян упорно циркулировали слухи о свержении Советской власти в Москве, Петрограде и других городах. Губернский инструктор Эштейн сообщал после командировки в Масальский уезд Калужской губернии 1 ноября 1918 г.: "...в политическом отношении в уезде неблагополучно. Под влиянием агитации темных личностей настроение в массах крестьян тяжелое. Идут самые невероятные слухи, якобы скоро власть падет и приступят вешать большевиков, в Москве и Петрограде власти большевистской уже нет и т. д. ..."[105] Результаты такой агитации не замедлили сказаться. В Петрово-Городищенской и Кибергинской волостях Тейковского уезда Иваново-Вознесенской губернии в ноябре 1918 г. приезжим агитаторам не давали говорить, крестьянство засыпало их вопросами о причинах многочисленных притеснений со стороны Советской власти, выражало протест против поставок лошадей и мобилизаций. В Блазновской волости Нерехтского уезда Костромской губернии 29 октября 1918 г. толпа встретила агитатора криками: "Ты приехал травить нас друг на друга, нам при буржуазном правительстве жилось лучше, давай нам сюда икону, не нужно нам председателей и секретарей, нам нужно старшину и писаря". Пришлось агитатору ретироваться обратно в уезд[106].

Кроме того, часть крестьянства уже втягивалась в созданные эсерами "Союзы черного орла и земледельца" (разновидность будущих "Союзов трудового крестьянства"), рассматривавшие себя организационным ядром восставшего народа, поднимавшегося на "третью крестьянскую всенародную революцию против белой реакции и большевистского комиссародержавия"[107]. Определенную лепту в разжигание антисоветских настроений среди крестьянства прифронтовой полосы вносил пропагандистский аппарат армий противника. Политработник

[105] Комитеты деревенской бедноты Московской области. С. 30; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 160. Л. 327.

[106] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 154. Л. 210—210 об.; *Конокотин А.* Указ. соч. С. 28.

[107] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 162.

Северо-Западного фронта И. Хромов вспоминал: "Население, распропагандированное враждебными нам силами и неимоверно голодавшее, ориентировалось или на английский, или на белофинский хлеб и в массе своей к нам было настроено враждебно, в лучшем случае — недоверчиво. Контрреволюционная агитация, особенно русских белогвардейцев, состоявших на учете у англичан, была организована превосходно. Почти каждой серьезной военной операции, имевшей целью захват новой территории, предшествовала усиленная работа среди прифронтового населения, организовывались кулацкие восстания..." Аналогичная деятельность противника наблюдалась в полосе Южного фронта[108].

Для "расчистки" идеологических завалов, построенных демократической оппозицией в сознании крестьянства, правящий режим мобилизовал агитационный аппарат Центра и провинции. Так, в Северной области в ноябре 1918 г. на местах вели работу 146 агитаторов (для сравнения, в октябре — 89 человек); среди населения было распространено политической литературы в ноябре и декабре 1918 г. соответственно 1,5 млн и 2,2 млн экземпляров[109]. На местах принимались "профилактические" меры по предупреждению вспышек антисоветских выступлений. Из протокола волостного съезда Горельской волости Тамбовской губернии от 13 ноября 1918 г.: "Немедленно созвать по селам общие собрания, на которых подробно разъяснить о вреде и последствиях восстания и, кроме того, предложить организовать коммунистические ячейки, которые бы строго следили, чтобы не было никаких агитаций и распространений заведомо ложных слухов и наводящих панику и подрывающих доверие к Советской власти, немедленно арестовывать и препровождать в распоряжение чрезвычайной следственной комиссии"[110].

Такая деятельность властей давала определенные позитивные результаты в деле "успокоения" крестьянства ряда уездов и волостей страны (Никольская волость Землянского уезда Воронежской губернии, Тешинская волость Порховско-

[108] *Хромов Ив.* На подступах к Красному Петрограду // Красная летопись. М., 1929. № 5. С. 62; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 133 об.

[109] Комитеты бедноты Северной области. С. 291—293.

[110] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 401.

го уезда Псковской губернии и т. д.)[111]. Но все же в те дни режим больше полагался на террор (при "военном коммунизме" своеобразная форма "агитации" за Советскую власть). С помощью такой "агитации" им решалась триединая задача: социальная база восставших отсекалась от ядра движения, последнее от своих руководителей и, наконец, полевые командиры и их идеологические советники (из числа представителей оппозиционных партий) ставились вне закона, что объясняло и оправдывало их физическое уничтожение. Вдобавок к этому карательный механизм власти получал статус "спасителя" и весомый аргумент в пользу сохранения своих чрезвычайных полномочий в рамках советской государственности. Тем более, что сложившаяся в стране обстановка не ставила под сомнение у Центра и его сторонников из числа рабочих и крестьян необходимость ужесточения подходов к непокорным слоям сельского населения страны.

Речь идет о том, что режим впервые за время своего существования столкнулся с мощным выступлением крестьян с ярко выраженными чертами крестьянской войны против навязанной деревне "военно-коммунистической" модели Советской власти. Не ставя цели детального исследования данного вопроса, все же позволим себе выделить особенности нового "похода" крестьянско-трудовой демократии против пролетарско-социалистического города.

1. Обширная территория антисоветских выступлений крестьян (вся территория Советской Республики конца 1918 г., кроме губерний Поволжья, Прикамья и Приуралья. Последние в силу ряда объективных причин заняли позицию "постороннего зрителя" в данном противостоянии сторон: в Прикамье лишь в начале ноября 1918 г. было подавлено ижевско-воткинское восстание местных рабочих и крестьян, этот район был наводнен войсками; сельское население Поволжья (Правобережье) было нейтрализовано "красным" террором карательных структур Советской власти, имевших в прифронтовой полосе диктаторские полномочия, и фактами о

[111] Комитеты бедноты Северной области. С. 283; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 252—253; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 133 об.

еще более зверском по характеру белом режиме на временно оккупированных противником советских территориях; крестьяне Поволжья (Левобережье) и Приуралья, испытав на себе власть белочехов и белогвардейцев, склонялись на сторону Советской власти).

2. Задействование широких масс крестьянства в восстаниях, выступлениях, беспорядках, кампаниях неповиновения и других формах сопротивления правящему режиму (общедемократический состав участников движения: зажиточно-середняцкие слои и часть сельской бедноты; общерелигиозный характер движения: единство верующих без социально-имущественных различий за православную веру, нравственные постулаты которой составляли духовный мир российского крестьянина начала XX в.; "национальная гордость великороссов" как питательная почва для вспышки антисемитских настроений в среде крестьянства. Своеобразный намек на национальную принадлежность большинства правящей элиты Советской власти).

3. Небывало высокий для крестьянских движений уровень военной организации и идеологической подготовки. Прежде всего, выделим географические контуры повстанческого движения: единый пространственный массив, охватывавший полукольцом Москву с северо-запада, юго-запада и юга и вбиравший в себя тыловые и прифронтовые зоны Центра России (т. е. произошел эффект смыкания, наложения внешних и внутренних фронтов против "военно-коммунистического" режима власти).

Отметим также согласованность временных рамок движения — ноябрь 1918 г.; наличие элементов военной организации восстания (штабы из специалистов, попытки создания военно-мобилизационного и интендантского аппаратов движения, сельско-территориальная система комплектования боевых соединений армейского типа); профессионализм руководителей крестьян (задействование пришлых и местных офицерских кадров из интеллигенции и крестьян, бывших военных руководителей Советов и организаторов всеобщего военного обучения сельского населения); многочисленный штат агитаторов и пропагандистов, умело приспособившихся к мироощущению рядовых крестьян (приезжие и местные представители оппозиционных партий, духовенство, сельская интелли-

генция); наступательную тактику действий восставших (признак продуманности и разработанности планов в штабах повстанцев, причем согласованных с действиями антисоветских сил на внешних фронтах): походы на уездные центры, блокирование железнодорожных путей, нападения на стратегически важные объекты и т. д.; особое внимание к разработке программ движения (аморфные при определении будущей модели российской государственности — от Учредительного собрания до возврата к Советам "октябрьской" поры, но единые по текущим задачам борьбы — против власти коммунистов и комиссаров, развязанной последними гражданской войны, против Брестского мира, за народовластие, верховенство закона над тиранией, за свободу торговли и т. д.); высокий моральный дух повстанцев, их удивительное упорство в боях с карательными силами режима (что вело к большим жертвам с обеих сторон).

Все эти особенности антисоветского движения нашли полное отражение в действиях крестьян Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Смоленской, Воронежской и Тамбовской губерний. В качестве иллюстрации приведем выдержки из доклада в НКВД руководителей карательных сил, подавивших восстание крестьян Медынского уезда Калужской губернии, от 24 ноября 1918 г. Из допроса пленных установлено: "1) организация белогвардейцев происходила вожаками и организаторами в каждой волости, где с первых дней образовался штаб их; 2) каждая волость должна была составить полк и сверх того иметь резерв в лице невооруженных; 3) мобилизация была объявлена от 18 до 45 лет, а в некоторых волостях до 55 лет; 4) организаторы имели своих врачей, которые свидетельствовали мобилизованных; 5) перед выступлением во многих селах священниками служились напутственные молебны и панихиды по Николаю Кровавому; 6) сбор в волостях производился набатным звоном; 7) во всех волостях были свои агитаторы; 8) расклеивались и разбрасывались "летучки"*; 9) по соединении волостей намечались боевые участки, во главе которых становились отдельные командиры..."[112] Кстати, восстание крестьян Медынского уезда (в нем участвовало 17 волостей из 22) было поддержано сельским населением Малоярославского и Боровичского уездов той же Калужской губернии, а также Гжатского и Юхновского уездов Смоленской губернии. Восставшие совершали походы на свои уездные центры, ими был захвачен даже г. Гжатск, разбирали железнодорожные пути, захватывали оружие, предназначенное для военного обучения и т. д. Выступление крестьян подавлялось пулеметами и артиллерией. Так, штаб карательных войск 13 ноября 1918 г. издал приказ № 1 о сметении с лица земли артиллерийским огнем "белогвардейских" деревень. По данным штаба советских войск на 20 ноября 1918 г., было расстреляно 159 мятежников и 17 заложников. Самостоятельно действовавшим отрядом Прокопчика было еще расстреляно 23 пленных[113]. Итого, по официальным данным (?!), — 199 жертв данного выступления.

При подавлении восстания в Осташковском и Ржевском уездах Тверской губернии крестьяне потеряли 200 человек убитыми. В Епифанском уезде Тульской губернии в ходе восстания было арестовано свыше 300 заложников, из них 12

---

* Вот приведенный в документе список заголовков "летучек" участников восстания: 1. Свободному — Ленин враг. 2. Последний год тирана. 3. Не пейте кровь. 4. Комиссар съест за сотню. 5. Вы не выбирали Ленина. 6. В России Ленин — в Германии хлеб. 7. Не довольно ли голодным быть? 8. Большевик протянул руку Германии, и на ней появились кольца золотые. 9. И льется кровь братская. 10. Где право? 11. Партия — не весь народ, а власть должна быть народной. 12. Боже, сколько крови и слов. 13. Советом не накормишь. 14. Ленин уничтожил деньги. 15. Оглянись, сзади шпион комиссара. 16. Довольны только комиссары. 17. Народу власть, а не германскому шпиону, и т. д. (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 160. Л. 320). А вот и образец содержания одной из "летучек" антисемитского направления: "Кто они? Иоффе, Кац, Леон-Бронштейн, Розенфельд, Минор и Дан, Гоц, Накомхес, Унштейн, Цейтлин, Блейхман и Прошьян, Штейнер, Либер и Коган, Абрамович, Цедербаум, Шнейдер, Залкинд, Карахан. Кто они? Зачем так много семитических имен? Может быть, то синагога, может быть — синедрион? Нет: то Русского Народа Вседержавцы судеб. Правят нами уже более года. В грядущий час его борьбы. На Украине есть свой гетман, у поляков есть свой Круль, а у Русского народа не то Янкель, не то Сруль..." (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 160. Л. 321).

[112] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 160. Л. 315 об.—316, 320 об.

[113] Там же. Л. 312 об., 314, 318—319 об.

расстреляно; а всего в уезде погибло 150 человек. Обратимся к Рязанской губернии. В Спасском уезде наблюдались массовые расстрелы и наложение контрибуций — в среднем на двор по 600 рублей, в Пронском, Раненбургском и Касимовском уездах число жертв составило соответственно 300, 300 и 150 человек. В Тверской губернии в 13 волостях за 7 дней погибло 200 крестьян. Массовые расстрелы были произведены в волостях Велижского уезда Смоленской губернии. В Воронежской, Костромской и Орловской губерниях общее число жертв достигло 1000 человек[114]. В целом, за 2-ю пол. 1918 г. только органами ВЧК было расстреляно свыше 6000 человек (для сравнения, в 1-й пол. 1918 г. — 22 человека). По данным А. Л. Литвина, в начальный период "красного" террора было расстреляно 6 185 человек, посажено в тюрьму 14 829 человек, в концлагеря — 6 407 человек, стали заложниками 4 068 человек[115].

Можно ли говорить о прямой причастности партии эсеров к вооруженному противостоянию широких масс крестьянства Центра России и правящего режима? Вероятно, да. И не только потому, что это всячески подчеркивали в своих донесениях в Центр сами участники подавления крестьянских выступлений. Из доклада председателя исполкома Чубукова (Дмитровский уезд Курской губернии, 18 декабря 1918 г.): "...выступление отличается главной ролью эсеровского контрреволюционного засилья..." Из доклада губернского отдела управления IV съезду Советов Тамбовской губернии (26 февраля — 1 марта 1919 г.): "...беспорядки прошли везде почти одновременно и, в общем, по одному и тому же плану. Все указывало, что крестьянские восстания — не случайное явление, а хорошо организованный, заранее обдуманный, всесторонне разработанный новый поход контрреволюционеров всех рангов, от правых эсеров до деревенских попов и кулаков включительно, против ненавистной им рабоче-крестьянской власти. Какая-то неведомая рука, и, надо сказать, не без умения, руководила подпольно крестьянскими массами, пре-

[114] Комитеты бедноты Московской области. С. 37; *Френкин М.* Указ. соч. С. 92—93.

[115] *Лацис С.* ЧК по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 10; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 64.

следуя одну главную цель — восстановить крестьян против власти Советов..."[116] В восставших Варнавинском и Костромском уездах крестьяне принимали проэсеровские резолюции. Так, IV Варнавинский уездный крестьянский съезд (Костромская губерния) ответил на телеграмму М. А. Спиридоновой благодарственным письмом, в котором назвал ее "борцом за трудовое крестьянство"[117].

Можно сказать, что антисоветские выступления крестьян конца 1918 г. были последней попыткой эсеров дать решительный бой авторитарному режиму Советской власти. Поражение крестьянского восстания стало крахом партии эсеров как политического течения в русской революции; своим полнокровным участием в указанных событиях она истощила себя физически и идейно, лишилась массовой поддержки и доверия (как сила, способная привести массы к победе) со стороны крестьянства данных регионов страны.

Если для одной партии организованный ею массовый террор против власти был финалом политической карьеры, то для правящего режима репрессии, осуществлявшиеся карательным механизмом, стали эффективным средством для упрочения своих позиций в стране, и в частности в среде самого крестьянства. Карающая "десница" Советской власти получила свободу действий в отношении как участников вооруженных выступлений, так и советско-партийного чиновничества, подтолкнувшего широкие массы крестьян к противоправным действиям. Режим использовал благовидный предлог (крестьянские восстания конца 1918 г.), чтобы, по мере подавления выступлений в волостях и уездах, перенести центр тяжести в работе карательных учреждений на сам государственный аппарат. Цель — наконец-то перевести в плоскость практических дел процедуру "чистки" государственной машины и "переналадки" последней в соответствии с требованиями проводимой политики "военного коммунизма". "Красный" террор переживал свой "звездный час": из рук самой правящей элиты карательные учреждения получали чрезвычайные полномочия в сфере надзора и наказания представителей

[116] Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 187; Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 151.

[117] *Рачков В. П.* Указ. соч. С. 36.

конституционных структур власти. Среди репрессивных организаций на особом месте находилась ВЧК, ее руководитель Ф. Э. Дзержинский неизменно пользовался поддержкой В. И. Ленина. Данное партнерство имело своим следствием принятие ЦК РКП(б) и ВЧК практической инструкции: "Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Районы определяют, кого брать в заложники. Устроить в районах мелкие концлагеря..."[118]

II Всероссийская конференция чекистов 26 ноября 1918 г. потребовала сохранить за местными отделами ВЧК право расстреливать без суда. 4 декабря 1918 г. ВЧК рекомендовала местным сотрудникам излишне не терроризировать мирных обывателей и в то же время предоставила им право объявлять военное положение и развертывать сеть негласных осведомителей. На губернских съездах в среде общественности и местных властей чекисты упорно насаждали мысль, что именно они являются наивернейшей опорой правящего режима. Возникавшие конфликты чекистов и конституционных органов власти "гасились" Центром в пользу первых. Так, 19 декабря 1918 г. ЦК РКП постановил запретить критику ВЧК в прессе, ибо работа комиссии "протекает в особо тяжелых условиях". Такая "хартия вольности" приводила в провинции к диким эксцессам с участием местных отделений данного ведомства. Из протокола № 34 заседания президиума Вятского губисполкома от 10 декабря 1918 г. узнаем о факте избиения арестованных и тюремных чинов представителями губчека, так что первых пришлось даже отправить из тюрьмы в больницу. Попытка губисполкома поставить губчека на место не возымела успеха, последняя прислала депешу: "ГЧК просит губисполком в дальнейшем не предписывать по делам непринципиального характера, касающиеся текущей работы ЧК и противоречащие инструкциям ВЧК..."[119]

Одновременно наращивались мощности аппарата ВЧК: к концу 1918 г. насчитывалось до 365 уездных ЧК (на 28 августа 1918 г. — 75) при штате УЧК в 28 человек и роте содействия в 188 бойцов. Попытка Наркомюста "обуздать" ВЧК

[118] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 63—64.
[119] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 105. Л. 26.

разрешилась компромиссом, по сути не менявшим статуса карательного ведомства: постановлением ВЦИК от 17 февраля 1919 г. ВЧК сохраняла право выносить приговоры о расстреле в местах, объявленных на военном положении, "для пресечения контрреволюционных и иных выступлений"[120]. Так, победой закончилась "разборка" карательных учреждений страны с конституционными органами власти, что создавало объективные условия для перманентного возвышения первых над государственной машиной управления, а на данном этапе истории гражданской войны стало гарантией успешной реализации возложенной на них Центром "очистительной миссии" в сфере государственного строительства.

Карательное ведомство предполагало начать борьбу с явлениями внутри государственного аппарата, по сути дискредитировавшими Советскую власть. Об их распространенности во всероссийском масштабе говорят многочисленные документы конца 1918 г. — начала 1919 г. Приведем отдельные выдержки из них. В докладе губотдела управления на IV съезде Советов Тамбовской губернии (26 февраля — 1 марта 1919 г.), в частности, отмечалось: "Восстания крестьян... возможно и неумышленно, постепенно подготовляла в отдельных случаях сама местная власть... во многих местах были обложены налогами, наряду с кулаками и спекулянтами, т. н. "середняки", т. е. трудовое крестьянство... Удаление из учреждений икон и других предметов религиозного культа... было осуществлено не только без всякой осторожности, но во многих случаях умышленно грубо... введенные во многих волостях в систему штрафы и реквизиции опять без всякой осторожности... Нередкие случаи растраты отдельными должностными лицами народных денег, требования подачи бесплатных подвод для поездок, нетрезвость, кулачная расправа и пр. ..." Из доклада Президиуму ВЦИК Советов о деятельности Вятского губернского ВРК (от 19 января 1919 г.): "...местные волостные деятели грязностью своих поступков внушили населению мнение, что коммунисты и советские работники не чисты на руку..." Далее приводятся сведения о неправильном обложении чрезвычайным налогом, который всей своей тяжестью обрушился на бедняка, о чудовищных мерах изымания его: "Целые

[120] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 47, 51, 65—66.

семьи красноармейцев, защитников Советской Республики, лишались последнего, путем продажи всего имущества на удовлетворение требуемого налога, и превращались в советских нищих..." Но главное заключалось даже не в этом, а в том, что "взысканный таким порядком налог в большинстве не поступал в казну, а оставался в карманах и на эти деньги устраивались советскими работниками выпивки..."[121]

В докладе ГЧК на V съезде Советов Иваново-Вознесенской губернии 17 февраля 1919 г. назывались причины, вызвавшие волнения среди крестьян: "Личные счеты отдельных советских работников с крестьянами, сумбурно-уродливое понятие этими работниками своих обязанностей; узурпация власти, доходящая иногда до диктаторства; "хамство", позорящее советские учреждения напоминанием о полицейском участке; мелочная конфискация и реквизиция всего того, что попадет под руку; политическое озорство некоторых "ретивых не по разуму"; излюбленные и усвоенные в практике так опошленные слова: "не рассуждать", "расстреляю" и т. д.; бесчинства и буквальное безобразие заградительно-реквизиционных отрядов; бестактность волостных исполкомов при проведении в жизнь декрета об изъятии икон из советских учреждений, вынесение этих икон в арестантские и другие оскорбляющие чувства верующих места..." В телеграмме наркома финансов Н. Н. Крестинского на места в январе 1919 г., опубликованной в иваново-вознесенской газете "Рабочий край" 16 января 1919 г., говорится о многочисленных фактах взимания чрезвычайного революционного налога путем репрессий (содержание в неотапливаемых помещениях с выбитыми окнами, побои, порки, угрозы расстрела, продажа необходимого крестьянину скота и инвентаря).

В циркуляре наркома НКВД Г. И. Петровского губернским исполкомам (февраль 1919 г.) констатировалось, что в докладах с мест (Медынский, Льговский, Суджанский уезды, Коренево, Рыльск, Себеж, Пенза, Орел, Калуга, Ярославль и др.) содержатся факты бесчинств коммунистов и ропота сельского населения ("кушают не сеявши, не жавши, пьют самогонку, водят к себе девушек..."; "при большевиках было лучше, а при коммунистах хуже, чем при царе", и т. д.). Болезнь "тиранства" в отношении сельского населения охватила многих представителей Советов и коммунистических организаций, зашла слишком далеко: начала "захватывать" и органы ВЧК (Вятка, В. Устюг, Владимир, Шуя и т. д.)[122].

[121] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 151—152, 313—316.

В борьбе с противоправными действиями представителей Советской власти карательные инстанции изначально настраивались на сотрудничество с широкими крестьянскими массами, даже с той частью сельского населения, которая еще недавно участвовала в вооруженных акциях против правящего режима. С одной стороны, такая массированная атака "сверху" и "снизу" на загнивающие части советской формы правления давала инициаторам новые гарантии форсированного и довольно успешного "излечения" Советской власти. С другой — подобная "хирургическая операция" снимала многие проблемы на пути сближения власти и крестьян, делала последних более сговорчивыми (ибо они получали от режима своеобразную "компенсацию" в форме "расчета" со своими мучителями — мелкими "советскими феодалами", виновниками многочисленных бед российской деревни), а власти — более привлекательными в глазах общественности (в середняцких массах рождалась иллюзия о возможности "договориться" и с "военно-коммунистическим" режимом, придать последнему через конструктивное сотрудничество с ним "народный" характер).

В связи с "прилипчивостью" данной "болезни" и тревожными проявлениями ее в среде чекистов и партийцев в процесс "лечения" и "профилактики" органов Советской власти и их большевистских фракций активно включился ЦК РКП(б). В "упряжке" со "здоровыми" частями репрессивного аппарата он добивался физического и духовного "очищения" "авгиевых конюшен" советской формы государственности начального периода "военного коммунизма".

Началось активное выявление и преследование карательными учреждениями Республики советских чиновников и обладателей партбилетов, преступивших закон и моральные

[122] *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 92; *Сорокин П.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 286—287; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 64. Л. 169—170, 208, 284, 286.

принципы революции. Из доклада Президиуму ВЦИК Советов о деятельности Вятского губернского ВРК (от 19 января 1919 г.): "...преступными являлись иногда целые уездные организации (Вятский и Уржумский уездные исполкомы)... контроль, хотя за массой работы довольно спешный, но во всяком случае самый обстоятельный, дал ряд вопиющих картин. Вместе с реорганизацией изобличенных преступных организаций нужно было раз навсегда отбить аппетит наживы лиц, стоящих у власти... Обыкновенные способы борьбы через суд, в силу его при таких обстоятельствах малой авторитетности, не давали ощутимых результатов, и Ревком прибегнул к ряду чисто революционных мер, вплоть до расстрела чересчур зарвавшихся дельцов... Вообще, Ревкому 2/3 своей деятельности пришлось употребить на борьбу с преступностью должностных лиц и этим самым население из контрреволюционного превратить в советское..."[123] По данным на 1 января 1919 г., Иваново-Вознесенская ГЧК возбудила 106 дел по должностным преступлениям (для сравнения, по контрреволюционным — 125), арестовала: за спекуляцию — 46 человек, за контрреволюционные действия — 85, за должностные преступления — 40[124]. Ведя "чистку" государственного аппарата, ВЧК одновременно "очищалась" от элементов, дискредитировавших и это ведомство, а через него и всю Советскую власть. Так, в декабре 1918 г. были отстранены от должности и арестованы все сотрудники Гороховецкой уездной ЧК, Владимирской и Вятской ГЧК и т. д.[125]

Указанное направление в деятельности карательного ведомства, РКП(б) и в целом Советской власти в совокупности с уступками пролетарского государства, усиленной агитацией и подробным разъяснением населению последних решений Центра оказало благотворное воздействие на настроение крестьянства: оно стало проявлять желание сотрудничества с правящим режимом. Из доклада губернского отдела IV съезду Советов Тамбовской губернии: в многочисленных резолюциях волостных Советов "тех местностей, где произошли кулацко-

[123] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 316—317.

[124] Рабочий край. 1919. 1 марта.

[125] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 64. Л. 208, 284—286; *Рябухин И. Е.* Указ. соч. С. 92.

черносотенные восстания... подчеркивается одно, что крестьяне были обмануты, что они горько раскаиваются в случившемся и клянутся не повторять впредь допущенной ошибки. Каждое дело имеет, как известно, две стороны, и про ноябрьские восстания одно можно сказать, что наряду с отрицательной, они имели и сторону положительную: население деревни на опыте лишний раз убедилось — кто его враги и друзья и насколько сильна и грозна, когда это нужно, Советская власть, стоящая на защите завоеваний Октябрьской революции..."[126] Из информационной сводки Вятского губисполкома и уездных исполкомов (октябрь — декабрь 1918 г.): Малмыжский уезд: "...в политической жизни среднего крестьянства замечается резкий перелом в противоположность прошедшему времени, Советская власть и все ее распоряжения находят горячее сочувствие..."; Глазовский уезд: "...в настроении масс произошел заметный перелом в пользу Советов... среднее крестьянство переменило свои взгляды, благодаря широкой агитации, ведущейся по волостям, и последним победам, одержанным над чехословаками..."[127] Из резолюции крестьян Елецкой волости Ржевского уезда Тверской губернии (ноябрь 1918 г.): "Мы не отдадим нашу завоеванную свободу и власть тем, кто сотни лет угнетал нас..." Из решения схода крестьян д. Бор Толмачевской волости Бежецкого уезда той же губернии (кстати, принимавших в декабре 1918 г. участие в антисоветском выступлении): "...большинство из них было введено в заблуждение кучкой кулаков. В настоящее время они осознают свою вину и считают, что никакой иной власти не должно быть, кроме власти Советов..."[128] Что касается регионов, освобожденных Красной Армией на рубеже 1918/1919 гг. от белочехов и белогвардейцев, то их население, испытав все "прелести" буржуазно-помещичьих режимов, с восторгом и ликованием восстанавливало Советскую власть, проявляло к ней горячее сочувствие (левобережье Волги, Прикамье, прифронтовые уезды Курской, Воронежской, Петроградской, Псковской и др. губерний)[129].

[126] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 151—152.

[127] *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 100.

[128] *Витковский В. А.* Указ. соч. С. 40.

[129] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 134, 318; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской

Правящий режим понимал, что недостаточно склонить широкие массы крестьянства к сотрудничеству, важнее обеспечить данное партнерство на долговременной договорной основе. Практическая реализация решений VI Съезда Советов в сфере государственного строительства рассматривалась Центром как политическая гарантия складывания этого "союза" сторон: Советов и крестьянства (причем главным образом "середняков", т. е. трудовых слоев сельского населения). Начало процессу дальнейшего обустройства Советской власти в стране положило постановление ВЦИК "О порядке перевыборов волостных и сельских Советов (инструкция)" от 2/4 декабря 1918 г., в котором говорилось: "...надо переизбрать Советы, причем комитеты бедноты должны руководить выборами. По окончании таких перевыборов комитеты бедноты распускаются, а Советы, превратившиеся в организации бедноты и трудящихся, остаются единственным органом власти..." Губернские и уездные центры обязаны были тщательно отфильтровывать составы избирательных комиссий на местах и строго следить за самой процедурой выборов[130].

В некоторых районах к решению задачи ликвидации "двоевластия" подошли упрощенно: через упразднение существовавших исполнительных комитетов Советов и смену "вывески". Так, Звенигородский уездный исполком (Московская губерния) протоколом от 18 ноября 1918 г. постановил упразднить сельские Советы, передав их функции комбедам. Аналогичные решения принимались съездом председателей и секретарей волисполкомов Ново-Оскольского уезда Курской губернии (25 ноября 1918 г.), президиумом Петровского уездного Совета (Саратовская губерния, 14 ноября 1918 г.), I объединенным съездом комбедов и коммунистических ячеек Дмитровского уезда Орловской губернии (6 декабря 1918 г.), властями Новоладожского уезда Петроградской губернии, Ардатовского, Арзамасского, Княгининского, Сергачского

губернии. С. 240—241, 244—245; Огненные годы: Сб. ст. и воспоминаний о революционных событиях на территории Липецкой области в 1917—1920 гг. Воронеж, 1967. С. 28; *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 99—100; *Зубарева Л. А.* Хлеб Прикамья (Борьба трудящихся Прикамья за хлеб в годы иностранной интервенции и гражданской войны). Ижевск, 1967. С. 30—33; *Ветошкин М. К.* Указ. соч. С. 118; Комитеты бедноты Северной области. С. 445—446.

[130] СУ. 1918. Ст. 901. С. 1095—1097.

уездов Нижегородской губернии и т. д.[131] "Поправка" сельским населением действий уездных властей (через подъем ноябрьских выступлений против своеволия местных советско-партийных работников) вынудила последних скорректировать уже принятые решения в соответствии с положениями Центра. К примеру, появился приказ № 85 президиума исполкома Петровского уездного Совета от 25 декабря 1918 г., в котором констатировалось: в ноябре 1918 г. власть в уезде была передана в руки деревенской бедноты, процедура эта производилась "так, что вопреки точному смыслу советской Конституции среднее крестьянство в некоторых районах уезда к выборам допущено не было. И незначительные иногда численно группы деревенской бедноты, образовав свой Совет, противопоставили себя всему остальному трудовому населению, что иногда приводило к явным злоупотреблениям, узурпации власти. Помимо этого сама организация и конституция Советов вылилась в неправильные формы в смысле представительства масс, что совершенно недопустимо... Президиум Петровского уездного Совета приказывает: 1. Немедленно приступить к переизбранию всех сельских и волостных Советов в уезде... 3. Точно руководствоваться положениями Советской Конституции и инструкцией о перевыборах волостных и сельских Советов..."[132] Следует отметить, что всю вину за указанные нарушения уездный центр свалил на местную власть, хотя именно он был инициатором упрощенного варианта ликвидации "двоевластия" в уезде.

Выборы в Центре и на местах мыслились либо как простое слияние составов существовавших комбедов и Советов (в последние предварительно кооптировали членов комбедов и местной партийной ячейки), либо как голосование населения "только по кандидатским спискам комбедов и партии". При этом кандидатские списки комбедов должны были "заключать

[131] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 430. Л. 2 об.; 1917 г. в Саратовской губернии. С. 524; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 398; Комбеды РСФСР. С. 242, 434; Комитеты бедноты Северной области. С. 443; *Толстова Н. Н.* Политические настроения нижегородского крестьянства // Записки краеведов. Н. Новгород, 1991. С. 6.

[132] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 376.

не менее половины коммунистов... ибо каждый Совдеп в сущности должен быть комитетом бедноты..." (из решения Тульского губернского съезда комитетов бедноты 25—27 ноября 1918 г.)[133]. Близкие по духу к этому решению постановления принимались властями Калужской и Вятской губерний, Брянского района, Льговского уезда Курской губернии, волостей Свияжского уезда Казанской губернии, Рождественской волости Царскосельского уезда Петроградской губернии, Пашской волости Новоладожского уезда той же губернии и т. д.[134]

Тщательная фильтрация списков кандидатов в волостные и сельские Советы, прямой контроль избирательных комиссий и комбедов на местах за выборами, массированная агитационная кампания по разъяснению решений VI Всероссийского съезда Советов, политика партии по аграрному и национальному вопросам дали известные позитивные результаты. Из Малмыжского уезда Вятской губернии сообщали: "Выборы Советов дали блестящие результаты. В Советы прошли в большинстве коммунисты и сочувствующие или бедняки и середняки". Аналогичные сообщения шли из Котельнического и Глазовского уездов той же губернии. Из доклада отдела управления Царевококшайского уездного исполкома (Казанская губерния) от 10 марта 1919 г.: "Перевыборы дали блестящие результаты: 70 % избранных оказались бедняками, вполне сочувствующими партии коммунистов, и 30 % — середняки, стоящие целиком на платформе Советской власти..." В Нижегородской губернии в волостные и сельские Советы было избрано 6298 бедняков, 6301 середняк и 478 рабочих[135].

Приоткроем тайну таких успехов, приведя свидетельство прямого участника перевыборной кампании (или, точнее, фарса с отменой комбедов) селькора Вл. Бармаша: "...в Колобовской волости Макарьевского уезда Костромской губернии были недавно перевыборы в волостной Совет. Комбеды отменялись. Деревня радовалась, да не долго. Приехал инструктор и "разъяснил", что кандидаты, выставленные самими мужиками, не могут быть избранными: нужно избрать из числа состоящих в ячейке коммунистов. А так как всех коммунистов у нас в волости трое, то из них и предлагает избрать. Старая история! Начальство спрашивает: "Согласны?" — сход молчит. "Ну, значит, согласны; такие-то избраны". Комбеды отменены — "Да здравствуют комбеды!" И в Совете сидят и верховодят те же комитетчики..."[136]

Однако источники доносят до нас и многочисленные факты с мест, когда "сценарий с выборами" давал серьезные сбои, просчеты. Так, при организации Совета комбед Голяевского сельского собрания (Сердобский уезд Саратовской губернии, 3 декабря 1918 г.) предложил от себя 10 человек, а от собрания — 5 человек. "...Начался шум, послышались крики: "Долой голоштанников" и т. д. Пришлось комбеду вместо 10 человек выдвинуть 4 человека и даже 3 человека, но и это предложение не прошло. Беднота категорически заявила, что "мы от выборов отказываемся", и предоставила кулакам полное право... Списки из бедноты и сочувствующих в сельский Совет удалось утвердить только после того, как закрыли собрание. Выборы проходили в кругу бедноты и сочувствующих. То есть опять реанимировалась идея создания "Советов батрацких и бедняцких депутатов"[137]. В с. Новые Горки Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии на общем собрании крестьян 19 января 1919 г. было провалено предложение местного комбеда о выборах в члены сельского Совета и волисполкома только коммунистов и сочувствующих, тайным голосованием в сельский Совет были избраны правый эсер Самарин, бывший член "Союза русского народа" Морозов, фельдшер Мамонов, кассир Барсуков, заведующие механическим и ткацким отделами Лукьянов и Борлов. Присутствовавший на собрании председатель волостной ячейки коммунистов Рачков заявил, что этот состав Совета волостная избирательная комиссия не утвердит[138].

---

133 Комбеды РСФСР. С. 237—238.

134 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 401; В борьбе за Октябрь. С. 191; Октябрь на Брянщине. С. 160; *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 103—105; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 159. Л. 311; Комбеды РСФСР. С. 433—434.

135 *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 104—105; Установление Советской власти в Марийском крае. С. 162; *Толстова Н. Н.* Указ. соч. С. 6.

136 Труд и воля: Орган союза анархо-синдикалистов-коммунистов г. Москвы. 1919. 11 февр.

137 Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 377.

138 Рабочий край. 1919. 5 февр.

Аналогичная ситуация сложилась при выборах депутатов в Скородьянский сельский Совет. Из протокола заседания Скородьянского волисполкома Старо-Оскольского уезда Курской губернии 6 декабря 1918 г.: "...выборы признать неправильными, ибо шли под давлением деревенских кулаков-спекулянтов, окружив президиум, кричали, махая руками, угрожая выбросить в окно — "Помри, а выполняй нашу волю", выбрали б. волостного старшину и других подобных ему лиц. В связи с этим принимается решение: местному комитету бедноты взять власть, избрав из своей среды лиц в местный сельский Совет, а комиссару по борьбе с контрреволюцией произвести следствие..."[139] А из протокола съезда председателей и секретарей волисполкомов Ново-Оскольского уезда от 25 ноября 1918 г. узнаем, что при выборах в волисполкомы заведующим земельным отделом Булановского волисполкома стал левый эсер, шесть председателей сельских Советов Троицкой волости были беспартийными, а в с. Бубнове Велико-Михайловской волости председатель и члены, кроме 2 человек, сочувствовали левым эсерам. В Обжерихинской волости Юрьевецкого уезда Иваново-Вознесенской губернии кулаки и середняки сами определяли списки кандидатов в члены сельских Советов. Попытки бедняков протестовать пресекались возгласами зажиточных мужиков: "Молоды вы, не смыслите дела". Но бывало и так. Из Тейковского уезда той же губернии сообщали: перевыборы сельских и волостных Советов прошли и тут же в деревнях начались новые выборы. В Румянцевской волости председатели сельских Советов в массовом порядке подавали заявления об уходе. Тогда постановили на сельских сходах: избрать 12 кандидатов, каждый из которых исполняет обязанности председателя в течение двух недель[140].

Как видим, процесс замены комбедов советскими органами власти шел неоднозначно, зачастую вопреки замыслам Центра и губернско-уездного звена власти. Кроме того, последних не могли удовлетворить сами темпы "советизации" деревенских структур самоуправления. Так, по данным на начало 1919 г., была произведена "очистка" от кулаков путем

[139] Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 97—98.
[140] Там же. С. 95; Рабочий край. 1919. 8, 11 февр.

перевыборов 800 волостных Советов (т. е. лишь 12—13 % их общего числа). Данное обстоятельство продлевало существование комбедовских структур управления в российской деревне. По сведениям НКВД, с декабря 1918 г. по май 1919 г. в Северной области продолжало существовать 2686 комбедов[141]. Было несколько причин затягивания процесса "искоренения" комбедов из жизни общества:

а) форсированные темпы данной кампании, они фактически удлиняли и затрудняли течение последней. Так, телеграмма из Москвы в адрес иваново-вознесенских губернских властей о перевыборах волостных и сельских Советов и ликвидации комбедов была датирована 13 января 1919 г., а уже 11 февраля 1919 г. на официальном уровне было объявлено о завершении выборов в волостные Советы по всей губернии;

б) политическая индифферентность сельского населения. В конце января 1919 г. собрался съезд представителей сельских Советов Кочневской волости Тейковского уезда Иваново-Вознесенской губернии для решения вопроса о перевыборах волостного Совета. "Представители, утомленные затянувшимся съездом, слушая всевозможные перекоры, машут рукой: "как хотят; раз заварили кашу, пусть и расхлебывают ее сами" — и проводят старых членов..."[142] Из протокола собрания комбеда, ячейки партии большевиков-коммунистов и сочувствующих Кривцовской волости Орловской губернии от 25 декабря 1918 г.: "Население часто относится к выборам совсем халатно и апатично, как будто это не их дело, и кто бы и кого бы ни выбирал, им все равно: "пусть тот что ли походит, а что ему", не вникая в суть дела и в достоинство избираемого..."[143];

в) резко отрицательное отношение к комбедам и возглавляемым ими избирательным комиссиям[144];

г) рецидивы общедемократического подхода сельского населения ряда регионов страны к процессу восстановления Советской власти на местах. Из протокола заседания Рунского волостного Совета Нолинского уезда Вятской губернии

[141] Комитеты бедноты Северной области. С. 455.
[142] Рабочий край.1919. 18 янв., 8 февр.
[143] Комбеды Воронежской и Курской областей. С. 365—366.
[144] Там же. С. 219, 357; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 154. Л. 252.

от 3 января 1919 г.: "Там беднота в деревнях молчит, и при своем молчании допускает в свои организации богачей, и не только допускает на свои собрания с правом решающего голоса, а даже избирает их в Совет..."[145];

д) прифронтовой статус ряда территорий Советской России.

Ликвидация волостных и сельских комбедов повлекла за собой и свертывание их губернских и уездных структур. На местах они либо превращались в профессиональные органы бедноты по отстаиванию ее интересов (Тульская губерния), либо переименовывались в "осведомительные бюро", объединявшие деятельность продолжавших существовать комбедов, либо вливались в состав продовольственных отделов местных Советов (Шуйский уезд Иваново-Вознесенской губернии)[146].

Реорганизация коснулась и тесно связанных с комбедами уездных ЧК. В соответствии с постановлением ВЦИК "Об упразднении УЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности" от 24 января 1919 г. полномочия по охране революции теперь возлагались на конституционный орган власти — милицию. Намечался срок ликвидации УЧК — в течение 20 дней, но специально оговаривалось, что в силу экстренных обстоятельств на местах они могут ходатайствовать перед Центром о продлении срока их деятельности. Этим не замедлили воспользоваться власти прифронтовой полосы: там данные структуры ВЧК просуществовали до февраля 1920 г.[147] Так советский государственный аппарат "очищался" от "накипи чрезвычайщины", вконец дискредитировавшей себя в глазах широкой общественности.

И все же крестьянству накануне 1919 г. было не до празднования победы. В целом, политические уступки правящего режима свелись к смене "декораций" в системе государственного управления страной: на место чекистско-комбедовского произвола заступал диктат большевистской партии. В деревне это проявилось особенно ярко, ибо тенденция РКП(б) к "окоммунариванию" крестьянства сочеталась на местах с "деяниями", как правило, неразвитых и далеких от

[145] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 389.

[146] Комбеды РСФСР. С. 236; Комитеты бедноты. Т. 1. С. 153.

[147] *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 92; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 65.

понимания простых моральных истин членов коммунистических ячеек. Об этом позволяет судить "картина" из сельской жизни рубежа 1918/1919 гг., нарисованная селькором Вл. Бармашом: "...в Советах на местах сидят коммунисты-карьеристы, сидят не народные радетели, а шкурники, исполнители-чиновники. Это прежнее начальство, навязанное народу, ненавидимое им. Их, этих коммунистов, якобы избранных самим населением, население боится, чурается, как прежних приставов, урядников. У нас, в Котлово, один коммунист — милиционер, другой — председатель Совета, третий — тут же трется. Все они подкармливаются жирным казенным пирогом, греются у власти и "творят свою волю". Они — чужие мужикам. Милиционер, председатель и Красная Армия — все вооружены, на деревню смотрят как на вражеский стан, завоеванную страну. Ходили по домам, брали для своего прокормления и хлеб, и мясо, и молоко, картошку и даже табак. И все это с угрозой, с окриками, с кулаками. По деревне говорили, что будут пороть мужиков, назывались "кандидаты" к порке, грозили "к стенке", арестовали двух мужиков (конечно, кулаков) и уехали, увозя с собой арестованных. И вся деревня от мала до велика шла гурьбой провожать своих взятых в плен... Просидев 2—3 недели, пришли арестованные, ни суда, ни следствия... "За что сидели?" "Исак мстит". А Исак — председатель Совета — царствует!.. Да что там, много чего говорит деревня про Исака-председателя. Она вся боится и ненавидит его: он может арестовать, даже расстрелять, поди, ищи там. Было ведь это в Словинках... Вы скажете: "Семья не без урода". Но поезжайте за 40 верст в с. Семеновское-Лапотное. Посмотрите, как себя ведут и как работают 22 коммуниста огромной волости, и вы поймете, что деревня-то подтянулась, выровнялась, обогнала местных большевиков и в понимании событий, и в усвоении новых идей, жизненных форм, а они, забравшиеся на командные посты, мудруют над мужиком, как бы нарочно делают все, чтобы оттолкнуть его от Советов; доказать, что большевизм — это палка, бьющая без разбору направо и налево. И так везде. И тоскует мужик, ждет перемен..." (Котловская волость Макарьевского уезда Костромской губернии)[148].

[148] Труд и воля. 1919. 11 февр.

Из письма уполномоченного А. Ивенина, работавшего в Саранском уезде Пензенской губернии, наркому внутренних дел Г. И. Петровскому (начало 1919 г.): "Пользуюсь Вашим разрешением писать Вам лично о положении на местах... Население настроено против Советов. Втихомолку ждут "переворота"... Повинны в этом всецело местные уездные власти, произвол которых в "управлении" не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного средневековья. Крик "расстреляю" раздается гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик "запорю". В некоторых деревнях т. н. "коммунистические ячейки" облагают отдельные дома обедами, а потом берут с хозяев контрибуцию за недостаточно вкусно приготовленный обед. Никакие возражения со стороны граждан не допускаются, и в особенности не любят здесь ссылок на декреты. Раскладка налогов, производство реквизиций и конфискаций совершается вне каких бы то ни было соображений целесообразности... Производят же все это люди, до революции известные местному населению с самых дурных сторон, люди зачастую с уголовным прошлым. О полном отсутствии гарантий личной неприкосновенности и говорить не приходится: сами действия уездных властей вопиют об этом... Недовольство народа местными властями все увеличивается и весной может вылиться в бурные формы". Выход А. Ивенин видел в усилении "самой суровой диктатуры социалистического Центра" над безусловно "несоциалистическими властями" на местах, в "самой быстрой и беспощадной каре за самые малейшие нарушения" указаний Центра[149].

Автор письма чутко уловил нараставший ропот недовольства Советами и коммунистическими ячейками в среде крестьянства Пензенского края. Рекомендованные им чисто административные меры борьбы с "беспределом" советских чиновников и коммунистов вряд ли выправили бы положение дел на местах. Да и было уже поздно: именно на начало 1919 г. приходится новая волна крестьянских выступлений против "военно-коммунистического" режима в стране.

[149] *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне. С. 107.

В январе — марте 1919 г. прохождение перестроечных процессов в сфере государственного строительства (бывших следствием "регулировки" крестьянством Центра России действий правящего режима конца 1918 г.) шло на фоне новой "вспышки" массовых выступлений крестьянства, застрельщиком которых на сей раз было население Поволжья, Приуралья, Донской и Уральской областей. Крестьянство этих регионов, недавно освобожденное из-под власти белочехов и белогвардейцев, восстало против навязанной ему Красной Армией "военно-коммунистической" модели советской государственности. Более того, последняя здесь приняла открытые формы, воплотилась в свои классические очертания; данные территории рассматривались как удобный полигон для апробации взятых на вооружение авторитарных методов и стиля управления страной. Правящий режим как бы пытался именно здесь "компенсировать" политические уступки, вырванные у него крестьянством Центра России в ходе ноябрьско-декабрьских выступлений 1918 г.

Была ли логика в действиях Центра и местных властей? Ведь известно, что в последние месяцы 1918 г. им с трудом удалось преодолеть "девятый вал" крестьянских выступлений в центральных районах России. На самом деле, правящий режим считал, что в наступившем 1919 г. военно-политическая ситуация в целом в стране, и в вышеуказанных регионах в частности, складывается для него весьма благоприятно (аннулирование Брестского мира, ослабление военной напряженности на западных и южных рубежах страны, боевые успехи Красной Армии на Южном и Восточном фронтах, подавление демократической оппозиции и антисоветских выступлений в центральных губерниях и лояльность сельского населения освобожденных территорий России). В этот момент правящий режим испытывал новый приступ революционной эйфории, приведший к отрыву авангарда власти от трудового населения страны. "Град" декретов и постановлений Центра, обрушившийся в январе — феврале 1919 г. на российскую деревню, открыто провозглашал курс на коммунистическое переустройство последней (декреты СНК о хлебной разверстке, об организации государством посева хлебов, об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата; постановление ВЦИК "О социалисти-

ском землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию" и т. д.)[150]. Для регионов левобережья Волги, Прикамья и Приуралья намечалась и черновая раскладка чрезвычайного революционного налога.

Осуществление там данного "набора" мер осложнялось как политическими факторами (смыкание чекистско-комбедовских структур власти с авторитарными подходами "военно-коммунистической" модели правящего режима), так и экономическими (эти районы с мая 1918 г. находились в прифронтовой зоне действий "белых" и "красных", что приводило к разорению сельского населения из-за непрерывных и многочисленных поборов и натуральных повинностей в пользу воюющих сторон). Сыграли свою негативную роль и нетактичность в действиях местных властей и уполномоченных Центра, мышление российского крестьянства (последнее связывало приход Красной Армии с возвращением Советской власти "октябрьской" поры, а получило на деле авторитарный режим в советской "упаковке"). В ряде местностей власти даже не "утруждали" себя и этой политической "декорацией": открыто провозглашали на своей территории диктатуру коммунистической партии[151].

Выделим особенности данного этапа антисоветской борьбы крестьянства: включение в борьбу регионов, которые в период противостояния сельского населения Центра и правящего режима занимали по отношению к последнему лояльную позицию; массовый характер выступлений (по числу участников, обширности территорий); связь с местными частями Красной Армии (как правило, формировавшимися из мобилизованных крестьян); упорство и решимость восставших; участие в борьбе с регулярными частями Красной Армии, переброшенными на внутренний фронт; "беспартийная" окраска политического движения крестьян.

Из всех выступлений крестьян этого периода выделим т. н. "чапанную войну" (март 1919 г.). В ней приняло участие крестьянство Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губернии, Ставропольского и Мелекесского уездов Самарской губернии, Чистопольского уезда Казанской губернии, всего — около 100—150 тыс. человек. Движение крестьян взбудоражило размещенные здесь части Красной Армии — восстания были зафиксированы в 174-м Сызранском и 175-м Самарском полках. Меры властей были жесткими: передача управления в руки военно-революционных комитетов, объявление территории восстания на осадном положении, укрепление местных отделений ЧК, направление на подавление мятежа Самарского, Пензенского, Московского батальонов ЧК, отряда Казанского отдельного батальона ВЧК, двух полков регулярных войск с Восточного фронта, слушателей различных военных курсов. Только симбирская парторганизация для борьбы с "чапанниками" выделила 1500 коммунистов[152]. В боях погибло 200 красноармейцев и 1000 крестьян. Самарский батальон, действовавший в Ставропольском уезде Самарской губернии, захватил в плен 2000 восставших. Судьба их была ужасной. Из протокола № 5 Сызранского ВРК "О пленных кулаках" от 13 марта 1919 г.: "Постановлено: 1) издать приказ по всем частям действующей армии, чтобы лиц, принявших активное участие в восстании, в плен не брать, а расстреливать на месте; 2) поручить особому отделу произвести расследование над пленными и в связи со степенью виновности делить их на три категории: 1) лиц, принявших активное участие в восстании и подлежащих расстрелу; 2) лиц, способствовавших восстанию другим путем и подлежащих отправлению на общественные работы, и 3) лиц не виновных, подлежащих освобождению..." В итоге было расстреляно более 600 человек. Стоит заметить, что среди восставших крестьян были популярными лозунги: "Долой засилье коммунистов и анархистов!", "Да здравствует власть Советов на платформе Октябрьской Революции!", "За народовластие!" и др.[153]

"Чапанная война" — наивысшая точка крестьянского сопротивления "военно-коммунистическому" режиму в период января-марта 1919 г. и наиболее заметное явление в череде

---

150 СУ. 1919. Ст. 43. С. 49—50; Ст. 24. С. 25; Ст. 44. С. 62—63; Ст. 87. С. 113—114.

151 Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 127—128; *Гурьев Н. В.* Чапанная война. Сызрань, 1924. С. 15; *Романенко В. В.* Указ. соч. С. 80; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 163—165.

152 *Романенко В. В.* Указ. соч. С. 84; Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 84—85; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 214.

153 *Романенко В. В.* Указ. соч. С. 84; *Гурьев Н. В.* Указ. соч. С. 6, 8—10; *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 214—215.

событий крестьянской войны лета 1918 г. — марта 1919 г. против воинствующей политики комбедов, ЧК и партии коммунистов. Не поддержанное крестьянством восточных районов (в силу установления там диктатуры Колчака) и Центра (в силу подавления там восстаний в ноябре-декабре 1918 г. и взаимных уступок сторон), оно по времени совпало с новым массированным наступлением белогвардейцев и интервентов на Советскую Россию. Указанные факторы значительно снизили политические и социально-экономические последствия данного конфликта.

В этот период выступления крестьян зафиксированы также в Глазовском уезде Вятской губернии, Астраханской, Гомельской, Уфимской губерниях, на Дону[154]. Неспокойно было и в сельских районах Центра РСФСР. Восставшие районы по своему статусу были преимущественно прифронтовыми, и это подрывало тыл и моральный дух Красной Армии, прямое участие последней в подавлении крестьянских выступлений снижало ее боеспособность. Все указанные факторы на фоне становления общего фронта интервентов и белогвардейцев делали правящий режим уязвимым, росла опасность его военного поражения.

Крестьянские выступления января — марта 1919 г. — это последняя попытка широких масс российского крестьянства в порыве противостояния режиму консолидироваться в единый класс (без различия социально-имущественного статуса) и способствовать тем самым возвращению Советской власти в исходное состояние — к Советам рубежа 1917/1918 гг. Перед лицом серьезных испытаний Центр решился на "расчистку" возникших "завалов" между ним и широкими массами российского крестьянства, изъявил желание пойти на новые уступки последнему, долженствовавшие по сути оформить военно-политическое соглашение сторон — Советской власти и трудового крестьянства — на долговременной основе. VIII съезду партии большевиков предстояло осуществить новый радикальный тактический "разворот" в рамках "военно-коммунистической" политической и экономической доктрины.

---

[154] *Романенко В. В.* Указ. соч. С. 85; *Френкин М.* Указ. соч. С. 96—97; *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 81; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 184. Л. 37—40 об.

§ 3. Введение государством воинской повинности для крестьян. Тактика гражданского неповиновения деревни военно-мобилизационным действиям Советской власти

Процесс строительства Красной Армии, начатый апрельскими декретами Центра, был в конце мая 1918 г. радикально скорректирован в связи со вспышкой антисоветского выступления чехов, воинские эшелоны которых растянулись по железной дороге от Пензы до Владивостока. Внезапно получив внешний фронт гражданской войны, Советская власть уже в первых боях воочию убедилась в слабости добровольческих отрядов Красной Армии, их неспособности серьезно противостоять наступающему противнику, процессу слияния внутренних и внешних фронтов. Бои с чехами и белогвардейцами были своеобразной "лакмусовой бумажкой", вскрывшей "гнусные тона и полутона" боевой и моральной деградации находившихся на содержании местных Советов добровольцев Красной Армии. Левый эсер В. М. Левин на заседании ВЦИК IV созыва 29 мая 1918 г. говорил: "Мы видим сейчас ряд Советов, которые буквально остались без защиты и вынуждены плестись в хвосте у тех местных, подчас разнузданных вооруженных банд, которые захватили в свои руки фактическую власть на местах..."[155] Советской Республике грозил "второй Брест", который она бы не пережила. Чтобы воспрепятствовать этому, властям необходимо было принять экстренные и решительные меры наподобие "красногвардейской атаки", но уже в сфере строительства массовой регулярной рабоче-крестьянской армии. Так появилось постановление ВЦИК от 29 мая 1918 г. "О принудительном наборе в РККА", в котором говорилось: "...необходимо безотлагательно перейти к принудительному набору одного или несколько возрастов. Ввиду сложности дела и трудности его одновременного проведения на всю территорию страны, предоставляется необходимым начать, с одной стороны, с наиболее угрожаемых областей; с другой стороны, с главных центров рабочего движения..."[156]

---

[155] Протоколы заседаний ВЦИК IV-го созыва. С. 339.
[156] СУ. 1918. № 41. Ст. 518. С. 499.

С принятием данного документа начинается период т. н. "частичных" мобилизаций в РСФСР. Подобный радикализм в подходе к решению военного вопроса ставил правящий режим в щекотливое положение по отношению к крестьянству страны, пацифистски настроенному и нашедшему в продекларированном ранее декрете о мире отражение своих чаяний и надежд. Поэтому переход от декрета о мире к декрету о войне ВЦИК предполагал "замостить благими пожеланиями и намерениями" специальной комиссии по подготовке к призывам (председатель — Л. Д. Троцкий). Ею были выработаны условия и порядок призыва: начать мобилизацию с 21-летнего и более старших возрастов, при военкоматах образовать особые приемные комиссии, списки призываемых составлять через местные структуры (промышленные предприятия, сельские и волостные Советы), отменить льготы по призыву в связи с семейным положением (семьи призванных должны были ставиться на учет в органах социального обеспечения)[157]. По рекомендации данной комиссии через правительство прошли решения о придании мобилизованным статуса добровольцев со всеми полагающимися льготами (служба до 6 месяцев, отпуск всех видов довольствия, а также жалованье согласно существовавшим окладам)[158].

Первым "пробным шаром" в массовом задействовании военнообязанного населения в ряды РККА стал декрет СНК от 12 июня 1918 г. "О призыве и приеме на военную службу в некоторых уездах Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов рабочих и крестьян, родившихся в 1893—1897 гг."[159] Принятый декрет распространялся на 51 уезд перечисленных регионов страны, которым непосредственно угрожало нашествие белочехов. Сообщения с мест о ходе мобилизационной кампании подтвердили наихудшие прогнозы Центра: военнообязанное население сельских местностей проигнорировало данное распоряжение. Из намечавшихся 275 тыс. человек удалось призвать в июне — июле 1918 г. лишь 40 тыс. человек, и то большинство из них были рабочими[160].

[157] *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 43.
[158] СУ. 1918. № 43. Ст. 529. С. 527; № 44. Ст. 535. С. 537.
[159] Там же. № 43. Ст. 528. С. 526—527.
[160] *Молодцыгин М. А.* Рабочие и крестьяне на защите Октября. С. 9.

М. С. Кедров, видный организатор Красной Армии на советском Севере и в Центрально-промышленном районе, подтверждал: "...крестьянство в громадном большинстве своем отнеслось к мобилизации отрицательно..." Так, из Лайской волости Архангельского уезда сообщали: "...в нашей волости обучать военному искусству совершенно некого, так как все, за исключением несовершеннолетних и стариков, были приняты во время настоящей войны и большинство из них пребывали по два и по три года на фронте, изнывая в окопах и испытывая всевозможные нужды, поэтому ни один в нашей волости не изъявил желания поступить добровольно в Красную Армию..." Из Кехотской волости: "Постановили: Признать настоящую мобилизацию недействительной. Ввиду надвигающихся работ в деревнях и учитывая международные отношения, отклоняем такую политику, которая должна привести наш край к окончательной гибели. Мы говорим всем товарищам солдатам: не поддавайтесь на такую безумную выходку тех, которые нам говорили на фронте: "мы дадим вам мир и хлеб", но до настоящего времени ни тот, ни другой нам не дан. При данной нам передышке от мира мы не отдохнули и раны наши не зажили. Не зная раньше, за что мы воевали при Николае II, то же самое не видим и в настоящее время..."[161] Из Онежского уезда Архангельской губернии: "Настроение призываемых, а также и масс оппозиционное ввиду объявленной мобилизации; поступают заявления — против кого мобилизация, с кем воевать? Никакие убеждения не действуют. На успех мобилизации рассчитывать нельзя. Мобилизованные отказываются идти. Положение серьезное..." (телеграммы № 301 и 334)[162]. Из Пинежского уезда шли аналогичные вести: "На собраниях граждан г. Пинеги и волостей, призываемых по мобилизации, постановили устроить во всех обществах сходы и на них решать, идти ли призывникам в ряды войска; до решений этих сходов на освидетельствование не являться"[163].

Из изложенных М. С. Кедровым фактов видно, что причинами отрицательного отношения крестьянства данных ре-

[161] *Кедров М. С.* Указ. соч. С. 70—71.
[162] Там же. С. 71—72.
[163] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 430. Л. 13.

гионов к мобилизации были усталость от империалистической войны, разгар полевых работ, слабость коммунистической агитации среди сельского населения. В то же время им отмечалась активная агитация белогвардейцев, кулаков и представителей мелкобуржуазных партий против участия крестьянства в гражданской войне. Из протокола общего собрания граждан Рыкасовской волости Архангельского уезда: "После всестороннего бсуждения единогласно постановили: ...мы не знаем, для какой цели мобилизуют нас, а также против кого желают вооружить. Если же мобилизуют против тех, кто спасает от голодной смерти, т. е. против наших союзников англичан и французов, — идти мы не желаем..."[164]

Из сводки информационно-справочного отдела НКВД от 13 июля 1918 г.: 26 июня на собрании бывших солдат Петропавловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии была принята резолюция следующего содержания: "Считая, что настоящая гражданская война есть борьба узкопартийная, солдаты общепетропавловского волостного собрания находят, что участвовать в борьбе должны только люди, преданные идее партии. Собрание же солдат считает себя беспартийными и имеющими право быть в стороне от узкопартийной, а не общегосударственной борьбы, поэтому списков, составленных волостным комиссариатом на солдат 1893—1897 гг., в Сарапульский уездный военкомат не отсылать и списки от петропавловского волостного военкома взять".

Из сводок событий с мест в адрес СНК. 1 июня 1918 г., Епифановский уезд Тульской губернии: "Организация поставлена плохо. К созданию Красной Армии крестьяне относятся недружелюбно. Развита погромная агитация местных кулаков". 4 июня 1918 г., Александров Владимирской губернии: "Ввиду усиленной агитации меньшевиков и правых эсеров отношение к Красной армии в большинстве случаев враждебное..." 18—19 июня 1918 г., Творецкая волость Воронежской губернии: "Крестьяне к организации Красной армии относятся враждебно ввиду сильной агитации против Советской власти. В некоторых волостях совсем нет желающих записаться в Красную армию..." 21 июня 1918 г., Липецк: "Мобилизация отменена циркуляром местного Совета... В волостях

[164] *Кедров М. С.* Указ. соч. С. 73.

население заражено буржуазной пропагандой против Советской власти. Совдеп справиться не в силах..." 5 июля 1918 г., Порхов Псковской губернии: "Благодаря агитации меньшевиков в целом ряде волостей разогнаны комиссариаты и избиты комиссары..." Аналогичные события имели место в Чебоксарском, Яренском и Грязовецком уездах Вологодской губернии, Охотском уезде Пермской губернии и т. д.[165]

Неприятие крестьянами декрета о мобилизации от 12 июня 1918 г. проявлялось и в их действиях: а) разгоне имевшихся волостных комиссариатов и препятствовании их организации на местах (Псковская, Петроградская, Новгородская, Калужская, Иваново-Вознесенская, Воронежская и др. губернии)[166]; б) принятии решений об отказе в наделении землей семей красноармейцев, дискриминации последних в вопросах наделения семенами инвентарем, скотом и хлебом; вынесении приговоров об отзыве красноармейцев домой (Владимирская, Казанская, Тверская, Нижегородская и др. губернии)[167]; в) организации антисоветских выступлений и восстаний (последние зачастую вызывались карательными действиями властей по получении ими решений сходов об отказе от мобилизаций, а также нетактичным поведением местного аппарата при осуществлении призывной кампании). Они имели место в Весьегонском уезде Тверской губернии, Меленковском, Муромском, Судогодском уездах и части Ковровского уезда Владимирской губернии, в Тамбове, Лужском уезде Петроградской губернии, Холмском уезде Псковской губернии, Шенкурском уезде Архангельской губернии, Ижевско-Воткинском районе и т. д.[168]; г) дезертирстве из рядов Красной Армии и

[165] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 105. Л. 92; Ф. 130. Оп. 2. Д. 416. Л. 79, 86, 92—93, 113; Д. 417. Л. 6; Д. 1112. Л. 53, 90 об.; Советы в Октябре. С. 338—339.

[166] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1112. Л. 48; *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 31; 1918 г. в Иваново-Вознесенской губернии. С. 213.

[167] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1112. Л. 53 об.; Д. 416. Л. 121; Упрочение Советской власти в Татарии. С. 500; Отчеты отделов губисполкома VII-му очередному губернскому съезду Советов. С. 13.

[168] *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 6—7; Наша Родина. 1918. 22, 25 июня; Отчеты отделов губисполкома VII-му очередному губернскому съезду Советов. С. 13; *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 39, 55—56.

даже организации партизанских отрядов для борьбы с ней (Холмогорский уезд Архангельской губернии, Тамбов и Борисоглебск, Ядринский уезд Вятской губернии, Златоустовский участок Восточного фронта)[169].

Игнорирование крестьянством декрета о мобилизации от 12 июня 1918 г. объяснялось и его недовольством социально-экономической политикой правящего режима, в частности продовольственными реквизициями в деревне. Особенностью строительства РККА в рассматриваемый период было то, что в силу слабости карательного механизма НКП и по воле Центра функции данного ведомства по изъятию продовольствия на селе возлагались на отряды Красной Армии. И именно поэтому последние в глазах крестьянства выглядели "опричниками" авторитарного режима. Так, в мае — июне 1918 г. из большинства уездов Петроградской губернии поступали предложения заменить название "Красная Армия" на название "Народная армия", так как в Красной Армии служить не будут: она создана для грабежа и насилий, состоит из преступных элементов[170].

Сообщение М. Д. Бонч-Бруевича из Смоленска от 11 июня 1918 г.: "Происходят постоянные реквизиции у крестьян, что окончательно их восстановило против Красной армии..."[171] Сводка из Орла от 27 июня и 7—8 июля 1918 г.: "...ввиду отсутствия подходящих людей посылается на места Красная армия, которую приходится отзывать назад, так как она лишь вносит дезорганизацию... Имеются 500 человек добровольцев. Отряды выполняют и реквизиционные задачи для удовлетворения губернских потребностей. Отряды были набраны из случайных людей, вследствие чего действия их во многих случаях вызывают резкое осуждение и озлобление среди крестьян..."[172] Из Воронежской губернии: "Вербовка и запись в губернии идет слабо. Население возмущается действиями прифронтовых отрядов". Из Егорьевска Рязанской губернии от 23 июля 1918 г.: "Отношение населения к организации Красной армии отрицательное вследствие продовольственного кризиса"[173].

Наконец, приведем два свидетельства — исключительно выразительные благодаря фактам, содержащимся в них, рассказывающие о "подвигах" красноармейцев в "сражениях" с мирным сельским населением. Уполномоченный Маркус, командированный в Уфимскую губернию в июне 1918 г., отмечал: "К сожалению, местные отряды далеко не на высоте своего положения. Большинство их завербовано из местного населения, состав отрядов пестрый... Причины зачисления в отряд — безработица и стремление получить "доходное место". Их "подвиги" сводились к бесчинствам, обыскам, присвоению реквизированного имущества, пьянству, разврату. И далее: "Когда мы вошли в с. Трошкино Би...кого уезда, крестьяне и крестьянки в паническом страхе разбежались, кто куда мог, более храбрые остались для встречи "гостей". Мы расквартировались по 3 человека на малосемейную избу. Когда мы вошли в указанную нам избу, молодая крестьянка схватила своего ребенка и, как разъяренная львица у двери своей спальни, начала неистово кричать: "Режте меня, бейте меня, я не отдам своего добра, своей кровати. У меня ребенок, все его и т. д." С большим трудом нам удалось ее успокоить, разъяснить цели нашего приезда. Спустя несколько минут мы сделались друзьями, и та же крестьянка нас усиленно потчевала молоком и всякими другими вкусными продуктами, извиняясь по нескольку раз за свой прием: "Я не знала, что настоящие большевики не такие, мы настоящих-то не видели, у нас все "опричники". Это мы красноармейцев так величаем. Уж больно обижают нас", — добавила крестьянка. Такой прием встретили все наши солдаты, и только благодаря тактичности отряда (заслуга его командира Петухова) настроение крестьян переменилось..."[174]

Из доклада агитатора* Владимирскому губисполкому о результатах поездки в Тумскую волость для организации ком-

---

[169] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 416. Л. 113 об.; Д. 1112. Л. 74—74 об.; Ф. 393. Оп. 3. Д. 159. Л. 678.

[170] *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 26.

[171] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1112. Л. 9—9 об.

[172] Там же. Д. 416. Л. 120 об., 129 об.; Д. 1112. Л. 91.

[173] Там же. Д. 416. Л. 129 об.

[174] Там же. Д. 443. Л. 44.

* К сожалению, фамилию разобрать не удалось из-за того, что документ написан плохо очиненным карандашом и находится в плачевном состоянии.

бедов и переизбрания волостного Совета (лето 1918 г.): в волость явился председатель Касимовского Совета с отрядом красноармейцев для вооруженной поддержки бедноты и срыва возможного выступления местных кулаков "...Утром, когда крестьяне окрестных деревень узнали об отряде, с полдороги возвратились обратно в свои деревни, и ожидаемый многолюдный волостной Тумский сход намного сократился... в деревне на красноармейцев смотрят, как на жандармов..." Узнав, что крестьяне д. Шарынино захватили покос трех соседних деревень, отряд красноармейцев при пулеметах вознамерился отправиться в это селение для производства суда над его жителями. Автор документа продолжал: "...ехать было верст 10—12, и нам по пути встречались крестьяне, которые настойчиво просили вернуть отряд, ибо он может перепугать женщин и детей. Но мы двигались дальше... Отряд "приступом" взял одну из хат, где был образован новоиспеченный штаб... Отряд расположился лагерем и выставил пулеметы, в поле был послан гонец с тем, чтобы крестьяне немедленно явились в деревню. Проходит час, два, три, пять, но никто с поля не возвратился. И здесь я должен отметить одну очень печальную вещь, представители центральной власти должны и обязаны знать всю правду. Начальник отряда, улыбаясь, постановил красноармейцам поохотиться, об этом, конечно, знал председатель исполкома; кто возвратился из хат с молоком, а у самого начальника отряда появились свеженькие огурчики, и я заговорил языком возмущения, говорю, что если бы вся Красная армия была таковой, то давно Советской России не было; но здесь со стороны председателя и со стороны начальника отряда я услышал возражения, что я, мол, мягкотелый большевик и с такими... "миндальничать не следует"... Стало вечерять, крестьяне стали возвращаться с полей, и образовалась такая картина: в одной части стоит наш отряд, а в другой части стали собираться в кучу крестьяне... Через несколько минут председатель исполкома беседовал с крестьянами. От этой "беседы" крестьяне дрожали, как лист в осеннюю погоду..."

Председатель исполкома приказал арестовать и отправить в Касимов четырех крестьян. "...Поднялся огромный вопль жен, их детей: "Если берете наших мужей, берите и нас, — голосили женщины, — уберите ваш отряд, мы миром

все покончим"... а председатель исполкома все продолжал разносить крестьян, ругаясь матерной бранью. Когда я слушал его речь, мне невольно припомнилось старое подлое время, когда становые, приставы и исправники ругали нас, а мы все кричали: "Виноваты, ваше благородие". Я отвел в сторону председателя исполкома и по-товарищески указал ему, чтобы он не арестовывал крестьян и чтобы он большую часть отряда вывел из деревни, иначе мне придется обратиться в губисполком г. Владимира". Это внушение возымело действие: "Как выразился председатель, на сей раз он прощает крестьянам их вину. Жены крестьян ловили руки милостивого начальника и целовали их. Отряд вернулся в Туму". Автор заканчивает отчет словами: "Такие походы против деревенской бедноты самым губительным образом отражаются на нашей работе... На следующий день несколько человек, которые накануне записались в отряд (Красной Армии. — *Ю. И.*), отписались"[175].

В решениях военнообязанных крестьян, отвергавших мобилизацию, присутствовала и тревога за жизнь своих семей после ухода на службу. Так, в резолюциях мятежных волостей Шенкурского уезда Архангельской губернии (июль 1918 г.) ставились вопросы и выдвигались требования к Советской власти. В них, в частности, говорилось: "1. На какой срок нас призывают? 2. Куда и против кого нас шлют? 3. Какая цель этого? Достижима ли она вообще? Если мобилизация вызвана неизбежной потребностью защиты истинно трудящихся эксплуатируемых масс, то... согласны идти, в случае достижимости и согласия других волостей уезда, на защиту его (народа. — *Ю. И.*); но идти лишь в полной уверенности, что наши старики-родители, жены, дети будут материально немедленно обеспечены со дня призыва до возвращения на родину. Также в случае нашей смерти. Чтобы нашим семьям на местах была оказана помощь управления со всеми предстоящими полевыми работами, чтобы, будучи призваны в армию, мы были уверены, что для нас будет в достаточном количестве хлеб, все продукты жизненной необходимости... Чтобы у оставшихся семейств мобилизованных не была произведена до возвращения на родину никакая реквизиция, как например, ско-

---

[175] Там же. Ф. 393. Оп. 3. Д. 64. Л. 41—42 об.

та, фуража, хлеба"[176]. Кстати, у архангельского крестьянства был и эталон такого поведения: местное начальство, включая губернское, проявило великолепные примеры трусости и шкурничества во время эвакуации Архангельска (из приказа Л. Д. Троцкого от 5 августа 1918 г.)[177].

Не привлекали крестьянство и порядки, царившие в Красной Армии: бытовые условия, система снабжения, боевой и моральный дух личного состава. По воспоминаниям М. С. Кедрова, крестьяне отождествляли службу в Красной Армии со службой в царской. М. С. Кедров писал: "...отсутствие каких-либо норм, регулирующих взаимоотношения военнослужащих, их права и обязанности, условия службы и внутреннего порядка... Грязь, беспорядок в казармах. Из-за недостатка кроватей и тюфяков красноармейцы спят на голом полу... военных занятий не ведется... Несение караульной службы было небрежно до преступности... Из 27 воинских частей, с которыми ознакомилась северная ревизия, оказалось, что, в общем, приблизительно на 60 % армия... состоит из инертной массы крестьян, привлеченных в ее ряды голодом... и 30 % падало на случайный элемент авантюристского характера, иногда с уголовным прошлым..."[178]

О плачевном состоянии ряда частей Красной Армии в Рязани, Аткарске, Туле, Калуге, Витебске, Владимире и т. д. свидетельствовала в июне 1918 г. военная секция Высшей военной инспекции во главе с комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским[179]. На третьем заседании VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов 9 ноября 1918 г. Л. Д. Троцкий официально признал: "...в июле наша армия страдала: с одной стороны, болезненное разложение старой армии, которая, распадаясь, разлагала новые формирующиеся наши части; с другой стороны, эти части, страдая естественными болезнями молодости, были сколочены еще непрочно и еще без минимальных боевых традиций". Сдача белочехам Казани расценивалась Троцким как чрезвычайно "низкий пункт развития советской Красной армии"[180].

---

[176] *Кедров М. С.* Указ. соч. С. 74—75.
[177] Там же. С. 104.
[178] Там же. С. 17—18.
[179] *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 54.
[180] VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 76.

Одним словом, попытка правящего режима обезопасить себя от белочехов призывом трудящегося населения Поволжья и Приуралья привела к обратному военному эффекту: закрытие "пролетарской калитки" в глубь РСФСР способствовало открытию настежь "крестьянских ворот" Республики для стремительного продвижения противника к Волге. В этих условиях власти пошли на компромиссное, половинчатое решение: перейти к частичным мобилизациям преимущественно рабочего населения и главным образом промышленных регионов страны (Центра и прифронтовой полосы). При переходе страны из состояния империалистической войны в состояние гражданской власти вынуждены были временно принять оборонительную тактику действий в военном вопросе. Так, из 15 призывов периода с 12 июня по 29 августа 1918 г. 11 распространялись только на рабочих. Для мобилизации же крестьян в районах "угрожаемого положения" требовалось особое разрешение[181].

Отказ правящего режима от продолжения пресловутой "красногвардейской атаки" на военную сферу жизни общества был вызван действием двух факторов: а) фактором времени ("низам" требовалось время, чтобы убедиться на практике в целесообразности предлагаемой им военной реформы; "верхам" требовалось время для "реабилитации" в глазах населения идеи строительства массовой регулярной армии на основе принудительных призывов по возрастам); б) фактором психологической близости к крестьянству и идеологической привлекательности для него левоэсеровской модели военного обустройства страны. Органическая связь указанных факторов была очевидной, так что преодолевать силу их воздействия властям предстояло почти одновременно. Рабочие же призывы решали лишь оперативные задачи: заполнить бреши в пустеющих рядах Красной Армии из-за "чисток" и массовых увольнений добровольцев-крестьян, улучшить качественный состав воинских подразделений за счет мобилизации фабрично-заводских рабочих Центра РСФСР; наконец, дать режиму время для осуществления подготовительной работы к новому "скачку" в военных преобразованиях при наступлении благоприятных условий.

---

[181] *Молодцыгин М. А.* Великий Октябрь... С. 8.

Центр и региональные власти понимали, что "сжечь" время, "нейтрализовать" фактор времени удастся быстрее, если предпринять отчаянные и решительные действия по "достройке" военной машины правящего режима, "подгонке" ее основных узлов друг к другу (строительство и "наладка" военно-мобилизационного механизма, развертывание агитационно-инструкторской службы в армии и тылу, поворот государства и всего общества к удовлетворению потребностей Красной Армии, концентрация лучших кадров партийно-советских работников на ответственных постах в РККА, складывание разветвленной сети коммунистических ячеек в боевых соединениях, тщательная фильтрация личного состава красноармейцев и новых пополнений добровольцев и призывников). И работа в данных направлениях "пошла" на местах[182].

Однако в военно-практической деятельности большевистские эмиссары Центра и местных Советов наталкивались на сильное противодействие со стороны своих коллег по правящей коалиции — левых эсеров. Последние были сторонниками образования партизанских формирований с децентрализационной структурой командования. Так, на VI съезде Советов Уфимской губернии им удалось настоять на принятии резолюции, в которой создание регулярной Красной Армии подменялось организацией повстанческих отрядов и дружин[183]. Если левые эсеры и выражали готовность поддерживать объявленные на местах мобилизации крестьян угрожаемых районов, то ставили правящему режиму неприемлемые условия: отменить декреты о комбедах и продовольственной диктатуре (из протокола заседания губисполкома Казанского Совета Р., С. и К. Д. от 27 июня 1918 г.)[184]. Левые эсеры имели сильные позиции в отрядах Красной Армии и среди сель-

[182] Пламя борьбы. 1918. 2 июля; Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. С. 173—174, 196, 205, 210; Упрочение Советской власти в Татар..и. С. 550—551, 600, 623, 626; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 116. Л. 6 об.; Д. 416. Л. 51, 67, 72; *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 54, 162.

[183] *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966. С. 256.

[184] Упрочение Советской власти в Татарии. С. 537.

ского населения прифронтовой полосы, особенно на демаркационной линии, разделявшей германские и советские войска (Западный и Южный фронты), а также в зоне Восточного фронта[185].

Это "противостояние" правящих партий было "снято" постановлением V Всероссийского съезда Советов "Об организации Красной Армии", в котором, в частности, говорилось: "...на каждом честном и здоровом гражданине в возрасте от 18 до 40 лет лежит долг по первому зову Советской Республики стать на ее защиту от внешних и внутренних врагов... 7. Период случайных формирований произвольных отрядов, кустарного строительства должен быть оставлен позади... 11. Рабочая и крестьянская Красная Армия должна быть построена на основе железной революционной дисциплины... Хулиганские элементы, которые грабят и насилуют местное население или устраивают грабежи, шкурники, трусы и дезертиры, которые покидают боевые посты, должны караться беспощадно... 14. Съезд считает необходимым в самый короткий срок провести мобилизацию нескольких возрастов рабочих и трудового крестьянства всей страны. На ЦИК и СНК возлагается обязанность издать декрет, определяющий число возрастных категорий, подлежащих немедленному призыву, а равно и сроки и условия приема..." Основные положения постановления вошли в раздел 1 (глава 2) и раздел 11 (глава 5) Конституции РСФСР 1918 г.[186]

Довершила идейный крах военной программы левых эсеров и наглядно показала широчайшим крестьянским массам всю ее иллюзорность неспособность уфимских боевых дружин хоть что-то противопоставить белочехам и белогвардейцам на уфимском и казанском направлениях Восточного фронта, и это несмотря на значительный перевес в силах; а также мятеж главкома Восточного фронта полковника Муравьева. Своим выступлением против решений V Всероссийского съезда Советов Муравьев дезорганизовал и ослабил от-

[185] VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 78, 81, 83; V Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. М., 1918. С. 22; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 416. Л. 119 об.; Д. 1112. Л. 31 об.; Д. 739. Л. 18; Краснознаменный Приволжский. С. 37.

[186] Съезды Советов в документах (1917—1936 гг.). С. 69—71, 74.

ряды Красной Армии, прикрывавшие от белочехов подступы к бассейну рек Волги и Белой. Противник неожиданно для себя вышел на левый берег Волги и занял ряд стратегически важных пунктов — Самару, Симбирск, Казань. Обширные хлебные районы Поволжья и Приуралья оказались оторванными от Советской России, а население попало под власть самарского правительства (Комуча). Крестьянство указанных регионов получило прекрасную возможность на практике повседневной жизни рядовых сельских обывателей сравнить все достоинства и недостатки свергнутой Советской власти и установленного мелкобуржуазного режима членов бывшего Всероссийского Учредительного собрания. Вот тут-то и наступило "прозрение" широких масс сельского населения означенных регионов, а позднее и крестьянства центральных, тыловых районов страны.

Если первые на своей "шкуре" почувствовали все "прелести" нового режима, то последние, особенно после сдачи белочехам Казани, впервые увидели реальную угрозу возвращения помещиков в деревню и реставрации буржуазных порядков в стране. Л. Д. Троцкий, выступая на третьем заседании VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов 9 ноября 1918 г., заявил, что сдача Казани — "более чем низкий пункт развития... Советской Красной армии. После этого начался перелом, который совершился в короткий срок. Этот перелом произошел не столько внутри военного ведомства, сколько во всей Советской России. Впервые все поняли, что страна стоит перед смертельной опасностью..."[187] В. И. Ленин 29 июля 1918 г. отметил, что "среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти на военные действия, замечается перелом"[188]. Сообщение военкома Е. А. Трифонова (Балашов Саратовской губернии, 4 августа 1918 г.): "Население очищенных нами местностей поголовно уходит за нами и становится под ружье. Крестьяне приходят толпами, требуя оружия..." Сообщение инструктора М. Макарова (Кузнецкий уезд Саратовской губернии, сер. августа 1918 г.): "К мобилизации сначала относились вяло, что у народа не был

[187] VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 76.

[188] *Молодцыгин М. А.* Великий Октябрь... С. 9

убран хлеб, но когда все убрали с полей, настроение было лучше и мобилизованных записывали средним числом от 300 до 500 человек и даже больше".

На совещании волостных военных комиссаров Новоузенского уезда (Самарская губерния) от 28 августа 1918 г. 12 военкомов доложили, что "мобилизацию можно провести легко". Решением уездного исполкома из добровольцев были укомплектованы полк Красной Армии, Малоузенский, Савинский, Новоузенский, Лусунский, Домашевский и другие полки (они получали название по волостям, откуда поступали добровольцы)[189]. Царили настроения в пользу Советов и среди крестьян захваченных белочехами Мамадышского и Мензелинского уездов Казанской губернии[190]. Из заметки газеты "Трудовая коммуна" за август 1918 г.: "Мобилизация в Красную Армию прошла с большим подъемом. Призывники — русские и мордва и Ардатовской, Киржеманской, Луньгинской, Репьевской, Лобасской и других волостей — явились на пункты с Красным знаменем: "Берите нас всех, — заявили они, — мы все здоровы и хотим постоять за Советскую власть"[191]. Аналогичная ситуация складывалась и на северном участке Восточного фронта. Из сообщения А. М. Чевырева от 2 августа 1918 г. командиру 11-й армии о ходе формирования добровольческих отрядов в 12 уездах Вятской губернии: "Мобилизация идет вовсю. Скоро будем посылать вам роты новых бойцов за рабочее и крестьянское правительство... Громадный подъем духа в народе".

Крестьяне с. Дебессы Сарапульского уезда той же губернии на митинге 8 сентября 1918 г. постановили: "Все, как один человек, заявляем, что до последней капли крови будем защищать социалистическое отечество и не допустим, чтобы помещики опять издевались над нами..."[192] Именно в августе — октябре 1918 г. мятежники Ижевска и Воткинска стали терпеть поражения от Красной Армии по причине отхода от них сельского населения окрестных волостей[193].

[189] Там же. С. 9; За власть Советов. С. 244.

[190] За власть Советов: Сб. воспоминаний участников революционных событий в Татарии. Казань, 1960. С. 219, 240.

[191] *Дорожкин М. В.* Указ. соч. С. 283.

[192] *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 21.

[193] Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. С. 42—43.

Из доклада Высшей военной инспекции, посетившей г. Курск и губернию, от 23 июля 1918 г.: "...дух населения в пограничной с Украиной полосе превосходный. Население в бесчисленных резолюциях выражает готовность бороться за Советскую власть и объявить, в случае необходимости, всеобщую мобилизацию... Повстанческие же отряды все время присоединяются к войскам Красной Армии..."[194] Аналогичная ситуация имела место в прифронтовых зонах Западного и Северного фронтов[195]. Из воспоминаний М. С. Кедрова: отношение крестьянства Каргопольского, Пудожского, Онежского и других уездов Архангельской губернии стало меняться в пользу Советской власти. Центр оказывал просоветски настроенным местным властям поддержку, "только в деле снабжения оружием проявил сугубую осторожность. Несмотря на массовые требования, никаких винтовок по деревням не раздавалось"[196]. Таким образом, правящим режимом был "перекрыт" канал формирования партизанских отрядов и других мелких боевых частей с самостоятельным командованием из крестьян-добровольцев, изъявивших желание постоять за Советскую власть; и наоборот, всячески приветствовалось вступление крестьян в ряды регулярной Красной Армии. По данным В. Г. Юдовского, в ряды РККА в июле — сентябре 1918 г. вступило 60,5 % всех добровольцев периода с марта по ноябрь 1918 г. (в т. ч. в июле — 20 %, в августе — 17,7 % и в сентябре — 22,8 %)[197].

Наметившийся в настроении крестьянства перелом в пользу Советской власти подвигнул последнюю вновь (впервые после неудачной призывной кампании 12 июня 1918 г.) перейти от чисто рабочих частных мобилизаций к смешанным, рабоче-крестьянским. 27 июля 1918 г. был объявлен призыв рабочих и крестьян 1897—1893 гг. рождения в Верхнетурском и Кунгурском уездах Екатеринбургского горного округа, Сердобском и Кузнецком уездах Саратовской губернии; 2 августа 1918 г. — рабочих и крестьян 1897—1893 гг. рождения в Балашовском уезде Саратовской губернии; 15 августа 1918 г. — рабочих и крестьян 1897—1896 гг. рождения в Вятской губернии и 1895—1893 гг. рождения в Московской, Петроградской, Владимирской и Нижегородской губерниях; 21 августа 1918 г. — рабочих и крестьян 1899—1900 гг. рождения в Орловском военном округе; 27 августа 1918 г. — рабочих и крестьян 1897—1893 гг. рождения в Цивильском, Чебоксарском, Козьмодемьянском, Свияжском, Ядринском и Царевококшайском уездах Казанской губернии; 27 августа 1918 г. — рабочих и крестьян 1897—1893 гг. рождения по всей Республике и служивших во флоте[198].

Данные призывы позволили правящему режиму "обкатать" военно-мобилизационную машину Советской Республики, помочь последней "почувствовать" вкус и желание "попробовать" свои силы в проведении всеобщих возрастных мобилизаций по всей территории РСФСР. Тем более что для этого сложились необходимые предпосылки: костяк всероссийской военной организации, ядро кадров — командного, комиссарского и инструкторского состава, перемена настроения крестьянства в пользу РККА, наличие у военного ведомства чрезвычайных полномочий для строительства регулярной Красной Армии, первые военные победы РККА в боях с белочехами, Дутовым, Красновым.

Были у правящего режима и мотивы, побуждавшие его спешить с проведением всеобщих возрастных мобилизаций российского крестьянства: РККА была сильно подвержена элементам наемничества, паразитизма, духу партизанщины и проанархистским настроениям; кроме того, многие ее отряды слишком "увлеклись" выполнением функций по охране революционного порядка и подавлению внутренней оппозиции (т. е. функций НКВД), в условиях же гражданской войны и интервенции требовалось повернуть армию лицом к внешнему врагу. "Излечить" РККА от указанных "родовых пятен" добровольчества могли лишь массовые призывы рабочих и крестьян, принявших (или проявлявших склонность принять)

---

194 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. С. 222—223.

195 Комитеты бедноты Северной области. С. 343; *Кедров М. С.* Указ. соч. С. 46, 48—50.

196 *Кедров М. С.* Указ. соч. С. 112.

197 *Молодцыгин М. А.* Рабочие и крестьяне на защите Октября. С. 58.

198 *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 47; СУ. 1918. № 60. Ст. 660. С. 727; № 61. Ст. 670. С. 737; Ст. 697. С. 773—774, 768—769; № 55. Ст. 609. С. 655—656.

идею общенационального патриотизма в смысле защиты социалистического отечества. Массовая регулярная армия представляла в этих условиях приемлемое "прокрустово ложе" для идеологической обработки широких кругов трудящихся, энергия которых, воля и идеалы "перероднли" бы и саму военную машину советской государственности. У военных был свой резон настаивать на скором проведении всеобщих призывов: Республика к ету 1918 г. оказалась в кольце фронтов, последние непрестанно требовали многочисленных пополнений, которые частичные мобилизации дать не могли. Серьезные потери Красная Армия понесла в боях с вышколенными чехословацкими частями и опытными в военном деле белоказаками Дона, Урала, Оренбурга и т. д.

И вот Реввоенсовет РСФСР (РВС РСФСР) приказом № 4 от 11 сентября 1918 г. объявил о первом общереспубликанском призыве трудящихся 1898 г. рождения. Высшими военными властями предполагалось за счет призывов этого года сформировать 5 дивизий с запасными частями, а все ранее созданные боевые соединения свести в 6 дивизий с запасными частями; из 11 дивизий — 6 дивизий сформировать к 1 декабря 1918 г. Мобилизация рабочих и крестьян 1898 г. рождения проходила в два этапа: с 1 октября — призыв бывших офицеров и унтер-офицеров, с 15 октября по 15 ноября 1918 г. — рабочих и крестьян рядового состава. 22 сентября 1918 г. приказом № 6 РВС РСФСР объявлялась вторая всеобщая мобилизация рабочих и крестьян 1897—1893 гг. рождения[199].

Данные призывы открывали новый этап в истории советских вооруженных сил — этап массовых мобилизаций трудящихся страны. Особенность первых всеобщих мобилизаций — их проведение как бы "на ходу" (отсутствие оформленного и четко действовавшего военно-мобилизационного аппарата, несовершенство учета военнообязанных, резкое сокращение территории Советской Республики, поразительный контраст "переливов" настроений широких масс крестьянства — от поддержки до бойкота военных мероприятий правящего режима; рождение явления "советское дезертирство", кстати, официально не признаваемого властями до конца 1918 г.). В свою очередь, мобилизации 11 сентября и 22 сентября 1918 г. имели ряд отличий друг от друга: первая "опекала" молодежь, в большинстве своем не прошедшую "горнило" империалистической войны и настроенную лояльно к РККА (как, впрочем, и российская деревня в целом на рубеже августа-сентября 1918 г.), имела четкие сроки призыва; вторая охватывала уже "обстрелянные" призывные возраста (по принципу — от младших к старшим), к тому же сроки призыва последних не оговаривались Центром, отдавались на откуп местным властям, что, естественно, вело к затяжке мобилизационной кампании на неопределенное время.

Данные обстоятельства при стремительно менявшейся военно-политической и социально-экономической обстановке в Европе и стране привели к весьма неутешительным результатам в деятельности государственной военно-мобилизационной машины. Призывы рабочих и крестьян 1898—1893 гг. рождения, по данным на 21 ноября 1918 г., дали 260 000 человек (в т. ч. призыв 1898 г. — 160 000 человек), а на 15 января 1919 г. — 473 000 человек (для сравнения, добровольчество и частичные мобилизации лета 1918 г. позволили "влить" в ряды Красной Армии 447 000 человек)[200]. О том, что полученные результаты от призывов бойцов 1898—1893 гг. рождения не оправдали даже самые пессимистические прогнозы военно-политического руководства, свидетельствовала сложившаяся мобилизационная ситуация в Приволжском военном округе, наиболее "крестьянском" по контингенту призываемых и составлявшем ближний тыл главного фронта Республики — Восточного. Руководство военного округа (военный комиссар — И. И. Межлаук) планировало к январю 1919 г. мобилизовать около 500 000 человек, но к намеченному сроку удалось призвать лишь 93 690 человек (в т. ч. 73 523 рабочих и крестьян, остальные — специалисты)[201].

---

[199] СУ. 1918. № 97. С. 1238; *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 54; *Кляцкин С. М.* Некоторые статистические данные о мобилизации трудящихся в Красную Армию в 1918—1920 гг. // Вопр. истории. 1964. № 7. С. 209.

[200] Подсчитано на основе: *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 47, 54; *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 209.

[201] Краснознаменный Приволжский. С. 77.

В итоге, поставленная В. И. Лениным в октябре 1918 г. перед Наркомвоеном задача — иметь к весне 1919 г. 3-миллионную армию — явно не выполнялась последним. Усилиями военных округов РСФСР удалось создать к 1 января 1919 г. Красную Армию общей численностью в 800 000 человек[202]. Косвенным подтверждением неудовлетворенности Центра ходом призывной кампании граждан 1898—1893 гг. рождения является нача .я им на рубеже 1918/1919 гг. реорганизация советской военно-мобилизационной машины на всех ее уровнях: от волостного военкома до окружного управления военного округа (направления: структура военных округов, штаты военкомов, их функции и т. д.); а также пресловутая идея съезда комитетов бедноты Северной области (кстати, поддержанная VI Всероссийским съездом Советов 9 ноября 1918 г.) о создании образцовых полков деревенской бедноты из добровольцев по 2 человека от каждого сельского комбеда[203].

Январь — февраль 1919 г. — период форсированных по темпам, непрерывных и многочисленных мобилизаций рабочих и крестьян. Так, на повторные мобилизации граждан 1898—1893 гг. рождения, призывы специалистов и коммунистов наложились наборы добровольцев в полки деревенской бедноты и новая всеобщая мобилизация граждан 1892—1898 гг. рождения[204]. В результате призывами было охвачено 305 000 человек, из них принято в ряды РККА 272 000 человек (в т. ч. по мобилизации граждан 1892—1891 гг. рождения — 120 000—150 000 человек). Общая же численность Красной Армии на 1 марта 1919 г. составила 1,4 млн человек, а с учетом мобилизации граждан 1899 г. рождения (приказ РВС РСФСР от 1 марта 1919 г.) — к 1 апреля 1919 г. 1,5 млн человек. Выйти на запланированный рубеж — 3-миллионную армию — военно-политическому руководству страны не удалось[205].

---

[202] *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 101.

[203] Комбеды РСФСР. С. 211; Съезды Советов в документах (1917—1936 гг.). С. 94.

[204] *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 58; Известия. Ростов, 1919. 3 апр.; Иваново-Вознесенский губернский ежегодник: Календарь-справочник на 1920 г. Иваново-Вознесенск, 1920. С. 50—51; Пролетарский клич. Гороховец, 1919. 16 февр.; Известия. Галич, 1919. 7 февр.

[205] *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 210; *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 100—101, 160.

Каков же был процент уклонившихся от всеобщих призывов сентября 1918 г. — марта 1919 г.? Официальных данных на сей счет не имеется, косвенные подсчеты позволяют с большой долей вероятности говорить о не менее чем 50 % военнообязанных лиц, бойкотировавших призывы 1899—1891 гг. рождения*. Наши прогнозы и прямо и косвенно подтверждаются данными на местах (Кинешемский уезд Иваново-Вознесенской губернии, Тамбовская, Рязанская и другие губернии). Так, по РСФСР не явились без уважительных причин 22 % призываемых граждан 1894—1891 гг. рождения. И это по учетным данным, которые сами официальные власти считали явно заниженными[206].

Какую роль играло российское крестьянство в кампании массового неприятия всеобщих военных призывов сентября 1918 г. — марта 1919 г.? В силу повышенной мобильности населения Советской России в годы гражданской войны, массовых переселений и возвращения на свою "малую родину" бывших рабочих с семьями (где их и заставали призывы), отсутствия детального учета социального происхождения контингента мобилизуемых и уклонившихся трудно дать точный ответ на поставленный вопрос. Имеются лишь фрагментарные сведения, косвенно доказывающие, что в крестьянской стране именно военнообязанным из числа сельских жителей принадлежало первенство в этом деле (причем с большим отрывом от представителей рабочего класса). Так, удельный вес рабочих, призванных к началу 1919 г. в Калужской, Московской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Череповецкой губерниях, составил 30 % общего числа мобилизованных. Другой факт:

---

* По данным уездкомдезертиров страны, ими за первые 8 месяцев 1919 г. было задержано, а также добровольно явилось на призывные пункты 1,4 млн дезертиров; с учетом того что в летние месяцы 1919 г. военно-мобилизационная деятельность военкомов была свернута и главное внимание уделялось возвращению дезертиров в части, можно предположить, что это дезертиры, принадлежавшие как раз призывам рассматриваемого нами периода (*Мовчин Н.* Указ. соч. С. 101).

[206] *Молодцыгин М. А.* Великий Октябрь... С. 10; Государственный архив Ивановской области. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1523. Л. 5; Рабочий край. 1919. 3 сент.

по подсчетам специалистов, в 1919 г. 95 % призывников-рабочих в составе маршевых рот добирались до фронта; хотя было известно, что только из эшелонов по пути следования на фронт дезертировало до 20 % личного состава маршевых рот[207]. К этому следует добавить жизненные трудности дезертира-рабочего в родном городе или фабричном поселке: постоянную опасность быть пойманным и реальную угрозу лишить свои семьи пайка красноармейца и других льгот, что означало поставить близких в невыносимые условия. Так что не будет большой ошибкой утверждать, что не менее 2/3 (а возможно, и больше, особенно в крестьянских регионах) всех случаев дезертирства приходилось на выходцев из деревни, где население относилось к уклонению от призыва терпимо, даже сочувственно, а условия жизни были несравненно лучше, чем в городе.

Каковы были причины, толкавшие военнообязанных крестьян к уклонению от массовых призывов сентября 1918 г. — марта 1919 г.? Прежде всего, недовольство социально-экономической политикой правящего режима в деревне (рубеж октября-ноября 1918 г. — "залп" антикрестьянских декретов и постановлений Центра, олицетворявших начало новой "красногвардейской атаки" на общедемократические устои деревни). В условиях развала экономических связей и продовольственного кризиса данная политика "погружала" деревню в атмосферу всеобщего голода, а в среде военнообязанных крестьян вызывала недовольство и страх за собственную жизнь и жизнь своих близких.

Вторая причина — потеря крестьянством к моменту осуществления всеобщих мобилизаций граждан 1898—1891 гг. рождения чувства опасности, что возвратятся старые порядки в стране и вернутся помещики. (Это чувство ранее быстро охватило деревню в дни напряженных боев Красной Армии с белочехами в бассейне рек Волги и Белой.) Успехи в борьбе с последними, а также с армией Краснова на Дону и под Царицыном, свертывание Западного фронта против немцев в связи с аннулированием Брестского мира породили в сознании крестьянства иллюзии близкого конца гражданской

207 *Молодцыгин М. А.* Рабочие и крестьяне на защите Октября... С. 62; Рабочий край. 1919. 28 дек.; *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 100.

войны, поэтому развертывание Центром всеобщих мобилизаций было встречено широкими слоями сельского населения с недоумением и даже враждебностью. Сильно сказывалась и привязанность крестьянства к формированию иррегулярных боевых групп на добровольной основе на время защиты своих селений от вторжения неприятеля, что ярко проявилось в тенденции резкой убыли притока добровольцев в ряды РККА: в сентябре 1918 г. в Красную Армию вступило 22,8 % всех добровольцев за период с марта по ноябрь 1918 г., в октябре — 19 %, в ноябре — уже 6,4 %[208].

Третья причина — несовершенство военно-мобилизационного аппарата, явно не справлявшегося с проведением всеобщих мобилизаций рабочих и крестьян. Проявлялось это в непрерывных перестройках и "достройках" советских органов, несших ответственность перед Центром за призывы рабочих и крестьян в ряды Красной Армии. Так, трижды менялась структура военных округов в стране за период с мая по ноябрь 1918 г., дважды радикально перестраивалась система комплектования советских вооруженных сил за период с апреля 1918 г. по февраль 1919 г. Одновременно наращивалась сеть губернских, уездных и волостных военкоматов, кстати, последние окончательно оформились лишь к началу 1919 г.[209] Все это сказывалось на текущей работе начальных звеньев военно-мобилизационного аппарата. Из наказа делегатам VI Всероссийского съезда Советов от Яранского уездного Совета Р., С. и К. Д. (Вятская губерния): "Долгое время не был налажен военный аппарат. Причины — отсутствие опытных руководителей на место военкомов, а с другой — разноречивые распоряжения, исходящие с верхов, и благодаря этому какая-либо реальная сила в уезде долгое время отсутствовала, что мешало проведению в жизнь различного рода правительственных мероприятий и распоряжений..."[210]

Данная оценка "снизу" положения дел в военных комиссариатах страны мало чем отличалась от оценки их дея-

208 *Молодцыгин М. А.* Рабочие и крестьяне на защите Октября... С. 58.

209 СУ. 1918. № 37. Ст. 491. С. 462—463; *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 32; Краснознаменный Белорусский военный округ. М., 1983. С. 181; *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 157—158.

210 VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 104.

тельности "сверху" (с той лишь оговоркой, что вина относилась на счет местных работников). Делясь мнением о происходящих в регионах мятежах мобилизованных крестьян, Л. Д. Троцкий заявил, "объясняются они еще малым умением в военном деле известной части работников, недобросовестностью случайных людей среди многих тысяч комиссаров, организаторов и агитаторов"[211].

Так кто же из них был прав? Кто был виноват в существенных сбоях в деятельности военных комиссариатов страны? Центр был склонен видеть причину в засоренности кадров военкоматов, непрофессионализме и даже вредительстве случайных в революции и РККА лиц, сумевших пробраться на ответственные посты в военно-мобилизационных органах Советской власти. Известная доля истины здесь есть. Немало было фактов превышения местными военкомами своих полномочий, например в обложении крестьянства натуральными повинностями и поборами[212]; некомпетентности в проведении мобилизационных мероприятий военнообязанных лиц и конского состава, коррупции, бездеятельности, морального разложения и даже проявлений "советской пришибеевщины"[213]. Сообщение из Камышинского уезда Саратовской губернии от сентября 1918 г.: "Объявленная мобилизация явилась хорошей почвой для открытого восстания. Советы были разогнаны..." Из Порховского уезда Псковской губернии 10 сентября 1918 г. сообщали: в Воробьевской волости "при учете мужского населения граждане взбунтовались и арестовали военный комиссариат в полном составе; в Горской волости разогнали волостной военкомат... после этого Порховский уезд объявлен на военном положении"[214]. Аналогичные явления отмечались в Псковском, Торопецком и Холмском уездах Псковской губернии в октябре — ноябре 1918 г.; в Костроме

[211] Набат: Издание агитационно-просветительского отдела ЯВО. 1918. 29 дек.; *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 31.

[212] Известия. Владимир, 1919. 12 февр.

[213] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 417. Л. 5 об.; Ф. 393. Оп. 3. Д. 64. Л. 170—171.

[214] Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 2. С. 414; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 4[illegible]. Л. 161.

и губернии военное положение в связи с мобилизациями крестьян было объявлено с 21 октября 1918 г.[215]

Губернская газета "Рабочий край" 31 января 1919 г. печатала следующее: повсюду жалобы крестьян: "Мобилизация лошадей, пригнали в г. Кинешму, а кормить нечем. Лошади грызут заборы, прутья. Бока ввалились, пришлось этих доходяг обратно отдавать крестьянам... г. Шуя: мобилизация 371 лошади, но они были оставлены без всякого ухода — навоз не убирался, лошади не чистятся. Лошади из этого состава, размещенные за недостатком помещений у частных лиц, ходят непривязанными по дворам, гложут палки, остатки бревенчатой доски. Некоторые уже встать не могут..." Такая же картина с военно-конскими мобилизациями наблюдалась в Вичуге, Середе, Тейкове. Видя все это, крестьяне отказывались сами мобилизовываться и вести на сборные пункты своих лошадей. Аналогичная ситуация наблюдалась в Воронежской, Курской, Владимирской, Вятской и других губерниях[216].

И все же основная вина за неудовлетворительный ход всеобщих мобилизаций сентября 1918 г. — марта 1919 г. лежит на Центре. Сделать такой вывод позволяет сама организация их проведения. Наличный аппарат на местах не был готов к широкомасштабным военно-мобилизационным мероприятиям Центра, проводившимся "на ходу", тем более форсированными темпами, да и еще с импровизациями "сверху". Добавим: массовые мобилизации шли при хронической нехватке материальных и денежных средств, отсутствии надлежащей наглядной и словесной агитации среди населения, а также подробной и понятной низовым работникам военкоматов инструктивной документации. В деятельности Наркомвоена проглядывало дилетантское стремление на первых порах охватить все проблемы (так или иначе затрагивавшие интересы военного ведомства) сразу, используя бумажно-директивный стиль руководства и диктаторский тон. К примеру, пункт 3 приказа РВС РСФСР от 11 сентября 1918 г. гласил: "...ответ-

[215] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 177. Л. 449; *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 7.

[216] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 64. Л. 138 об.—139; Д. 105. Л. 167 об.; Комбеды Воронежской и Курской губерний. С. 299; Рабочий край. 1918. 31 окт.; 1919. 11, 31 янв., 16 февр.

ственность за несвоевременную явку призываемых возложить не только на окружные, губернские, уездные и волостные комиссариаты по военным делам, но и на: 1) глав семей, к которым принадлежат призываемые; 2) председателей Советов и комбедов, фабрично-заводских и домовых комитетов по месту работы и жительства призываемых. Со своей стороны Революционный Совет предупреждает, что малейшая попытка внести смуту или учинить восстания как среди мобилизуемых, так равно и среди населения будет в корне пресекаться..."[217]

Правящая же партия большевиков до самого последнего момента была увлечена партийной борьбой с внутренней и внешней оппозицией и советской работой. Об отсутствии у правящего режима опыта и знания, как осуществить задачу строительства массовых регулярных вооруженных сил в стране, народ которой, утомленный ужасами империалистической войны, "загонялся" в "мясорубку" гражданской войны, говорил сам В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Он признавал: "...мы должны были сплошь и рядом идти ощупью... Мы шли от опыта к опыту..."[218]

Наиболее слабым пунктом в тактике военно-мобилизационной кампании указанного периода можно считать неудовлетворительную идеологическую работу РКП(б) и СНК в массах. Население, особенно сельское, не понимало (а отсюда и не воспринимало) целей и значимости своего участия в военных приготовлениях Советов по отражению внутренней и внешней контрреволюции. Этим пользовались мелкобуржуазные партии для развертывания среди крестьянства усиленной антисоветской агитации. Из сводок с мест в СНК: 16 января 1919 г., Новоторжский уезд Тверской губернии: "В уезде... наблюдается неохота идти в войска ввиду непонимания задач Красной Армии..."; 20 января 1919 г., Рязань: "...мобилизация не везде успешна... Одоевская, Змиевская, Ягодниковская, Стрешневская и Когуровская волости (Данковский уезд) отказались от явки по мобилизации. Поставка от остальных 17 волостей идет слабо. В вышеназванные волости посланы члены исполкома и компартии в сопровождении отрядов". Аналогичная ситуация была в Тамбовской и Калужской губерниях[219]. Политработник Северо-Западного фронта И. Хропов вспоминал о деятельности белогвардейских агитаторов среди прифронтового крестьянства в декабре 1918 г.: "...почти каждой серьезной военной операции, имевшей целью захват новой территории, предшествовала усиленная работа среди прифронтового населения... кулацкие мятежи, созданные путем спекуляции на голоде, всегда были очень кровавыми, дезорганизовывали всю нашу работу, нарушали наши военные стратегические планы, приводили к очищению нами больших территорий и деморализовывали красноармейскую массу..."[220] Видный организатор Красной Армии на Советском Севере М. С. Кедров также подтверждал: "Нередко выступления крестьян являли собой результат незнания положения, задач, которые стояли перед Республикой, чем пользовался классовый враг"[221].

В Центрально-промышленном районе РСФСР представителям мелкобуржуазных партий удалось путем активной агитации среди крестьянства под лозунгом "Долой мобилизацию! Долой войну" поднять население на антисоветские выступления. Так, на почве мобилизаций выступили крестьяне Верхне-Нейской, Нижне-Нейской, Погощенской, Алсуфьевской, Зарицкой, Чернышевской и Мирковицкой волостей Макарьевского уезда Костромской губернии. Они выдвинули лозунги: "Не ходить на защиту революции, не давать скот и подводы для мобилизованных!" Восстание было ликвидировано 26 ноября 1918 г. путем разъяснений, посылки коммунистов и отрядов красноармейцев. Сообщение из Нерехтского уезда той же губернии 24 декабря 1918 г. Причина антисоветской вспышки крестьян — "несознательное отношение сельского населения к проводимым мобилизациям. Крестьянство спрашивало: "Ведь войну Советы кончили, так зачем же мобилизация?.. Путем агитации крестьянство было успокоено..."[222] Из заявления восставших крестьян Черновской волости Варнавинского уезда от 12 сентября 1918 г.: "...мы просим, чтобы граждане Черновской волости всех возрастов считались

[217] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 177. Л. 552.

[218] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

[219] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 448. Л. 30, 32, 45.

[220] *Хропов И.* Указ. соч. С. 62.

[221] *Рачков В. П.* Указ. соч. С. 31.

[222] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 160. Л. 311 об., 319.

бы нейтральными и из них в будущем никаких мобилизаций не производить..."[223] Сообщение из Крапивенской волости Тейковского уезда Иваново-Вознесенской губернии от 14 декабря 1918 г. 17 ноября 1918 г. состоялся митинг. "Речь тов. Спиридонова неоднократно прерывалась шумными криками из толпы публики с требованием прекращения речи... Во время речи слышно было: "Долой мобилизацию, так как мы этого не хотим, да и большевики говорили, что войны не надо, не будет, а теперь требуют от нас сыновей, лошадей и хлеба, отбирая у нас последнее..."[224] Аналогичными настроениями было охвачено крестьянство Солигаличского и Кологривского уездов Костромской губернии, Судогодского и Вязниковского уездов Владимирской губернии, Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии, Мологского, Любимского, Пошехонского уездов Ярославской губернии, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской и других губерний[225].

Нарком Г. И. Петровский в телеграмме губисполкомам от имени НКВД констатировал, что "наряду с работой контрреволюции одной из причин восстаний была недостаточность в действиях представителей местной Советской власти... непонимание характера своей деятельности"[226]. Идеологические работники или пошли на поводу настроений масс, или были дезориентированы из-за отсутствия должной опеки Центра и инструктивных положений для местных агитаторов. Приезжие же агитаторы "в большинстве мало подготовлены и не умеют подойти к крестьянской массе, почему приносят мало пользы" (из наказа делегатам VI Всероссийского съезда Советов, избранным от Яранского уезда Вятской губернии)[227]. Зато перед глазами трудящихся было много примеров контрпропаганды. Из заметки селькора коммуниста В. Шешкова из с. Острецово Середского уезда Иваново-Вознесенской губернии: "...в волостной ячейке 24 человека. Пока ничего не было слышно про мобилизацию коммунистов, дела шли в партии хорошо. Все

[223] *Конокотин А.* Указ. соч. С. 40.

[224] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 154. Л. 252.

[225] *Рачков В. П.* Указ. соч. С. 32, 35—36, 61—62, 65; Комитеты бедноты Московской области. С. 35—37.

[226] *Рачков В. П.* Указ. соч. С. 37.

[227] VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. С. 104.

кричали, что нужно поддерживать свободу и по первому призыву идти в ряды Красной армии. Но вот была объявлена мобилизация коммунистов. И наши "коммунисты" (13 человек) позорно разбежались из партии..." Отказы коммунистов идти в армию были нередкостью в "красной" губернии[228].

На тактике военно-мобилизационной кампании сказались перегибы государства в оценках роли волостных комиссариатов в процессе строительства РККА. Апрельский (1918 г.) декрет придал военкомам всеобъемлющие полномочия, превратив их в универсальный аппарат военного ведомства на местах по учету, подготовке, призыву и пересылке военнообязанных лиц, борьбе с дезертирами и социальному обеспечению семей призванных. Массовые призывы и форсированные темпы их осуществления при наличной структуре и штатах военкоматов сразу выявили неподготовленность последних к военно-мобилизационной деятельности такого масштаба. Задуманная и осуществленная Центром на рубеже 1918/1919 гг. реорганизация военных комиссариатов путем сокращения их структуры (сохранение лишь мобилизационного и пересыльного отделов и отдела всеобщего военного обучения) и соответственно полномочий (теперь они целиком сосредоточивались на организационно-технической работе по призыву военнообязанных лиц) целенаправленно открывала дорогу последним для форсированных темпов проведения массовых и специальных мобилизаций. Дела по уклонению от военных призывов теперь рассматривались комиссиями по борьбе с дезертирством. Разделение функций военкоматов и комитетов по борьбе с дезертирством вело не только к форсированию темпов проведения мобилизаций, но и к господству пресловутого "вала" в этом деле. Учитывая то обстоятельство, что призывы учетников 1898—1893 гг. рождения давали низкие показатели явки на мобилизационные пункты и массовое дезертирство из маршевых рот и запасных батальонов, ставили под угрозу выполнение задачи обеспечения действующей армии достаточными резервами, военные комиссариаты попытались (не без нажима "сверху") выйти из затруднений гонкой "вала", вовлечением как можно большего числа военнообязанных крестьян. Путем более широкого охвата призывае-

[228] Рабочий край. 1919. 1, 23 февр.

мых выполнить текущую задачу дня — такова была логика действий военно-мобилизационного механизма Советской Республики. Ориентация работников военкоматов на "вал" вызывалась и приближением сроков весенних полевых работ: в дни полевой страды просто невозможно было оторвать крестьян от земли, своих хозяйств.

В январе — феврале 1919 г. мобилизации (повторные 1898—1893 гг., новые — 1892—1891 гг. рождения, специальные призывы и т. д.) следовали одна за другой. Так, по признанию председателя Вятского ВРК А. Белобородова, в губернии к весне 1919 г. одновременно проводилось 14 мобилизаций[229]. Однако положение с призывом крестьян в Красную Армию не только не улучшалось, но даже ухудшалось. В стране стремительно росла "армия" дезертиров. Военнообязанные крестьяне не видели каких-либо серьезных препятствий для уклонения от защиты революции: военкоматы не располагали полномочиями, чтобы заставить крестьян исполнить свой гражданский долг перед Республикой, а комиссии по борьбе с дезертирством еще находились в стадии организационного оформления. Здесь явно выявилась несогласованность в действиях указанных комиссий, чем и воспользовалось учетное сельское население РСФСР.

Отметим и беспомощность органов Советской власти перед таким необычным и грозным "детищем" массовых мобилизаций периода сентября 1918 г. — марта 1919 г., как дезертирство советских граждан — крестьян. Последнее сразу стало заметным явлением в политической жизни страны. Разбалансированность усилий и средств в борьбе с массовым дезертирством на местах привела к тому, что данный процесс пошел самотеком. Местные органы власти бездействовали и по причине отсутствия у Центра разработанной стратегии и тактики борьбы с этим явлением гражданской войны. Лишь 25 декабря 1918 г. вышло постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, в нем давалась политическая оценка дезертирства, намечались формы и методы борьбы с ним[230]. Так, объявлялся двухнедельный срок явки дезертиров на призывные пункты, по истечении которого к ним применялись репрессии: от штрафов до расстрела, укрывателям дезертиров грозили принудительные работы сроком до 5 лет. Учреждалась центральная временная комиссия, опиравшаяся в своей деятельности на комиссии по борьбе с дезертирством на местах. Предполагалось развертывание агитации в широких массах. Однако указанные меры к марту 1919 г. дали мизерные результаты: крестьянство болело душой за землю, свои хозяйства, семьи, и это обстоятельство перевешивало все разумные доводы агитаторов, призывавших сельское население подняться на защиту Советской власти, все страхи навлечь на себя кары репрессивного аппарата. По данным Н. Мовчина, в феврале — марте 1919 г. дезертиркомиссии РСФСР не зафиксировали добровольно явившихся дезертиров, силой было задержано лишь 80 000 человек[231].

Центр, учреждая в течение февраля — мая 1919 г. комиссии по борьбе с дезертирством на местах, одновременно чинил им (правда, невольно) серьезные препятствия своими постановлениями, по сути легализовавшими указанное явление и способствовавшими его широкому распространению в стране. Речь идет о следующем: а) первоначальные планы военных округов по указанию Центра создавать на местах дивизии и специальные части по родам войск. Это вызывало большую путаницу в работе военкоматов, так как призывников-пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов и т. д. приходилось отправлять на определенные пункты назначения внутри губернии (даже вне своей губернии). Крестьянство действовало просто: получало из своего уезда открепление и благополучно возвращалось домой[232]; б) декрет СНК (январь 1919 г.) об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям (толстовцы, духоборы и др.)[233]; в) запись крестьян в трудовые артели по заготовке и вывозу дров. По декрету СНК от 27 декабря 1918 г. бронь от призыва получали все лица, приступившие к вывозу дров не позднее 16 января 1919 г. Бронь также распространялась и на лошадей артель-

229 Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. С. 55; *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 157—158.

230 СУ. 1918. № 99. Ст. 1015. С. 1274—1275.

231 *Мовчин Н.* Указ. соч. С. 130.

232 Рабочий край. 1919. 4 янв.

233 Там же. 14 янв., 21 февр.

щиков[234]. Таково было отношение Центра к дезертирству на начальном этапе проведения массовых мобилизаций.

Теперь мы вплотную подошли к анализу самого явления дезертирства. О том, что уклонение от участия в гражданской войне есть специфическое проявление недовольства сельского населения внутренней политикой правящего режима, мы уже говорили выше, как, впрочем, и о масштабах дезертирского движения. Здесь нас интересует вопрос: в каких формах предстало перед общественностью данное явление на начальном этапе массовых мобилизаций? Попытаемся также выявить специфику причин дезертирства уже призванного в ряды Красной Армии крестьянства.

По данным Н. Мовчина, из каждых 100 дезертиров, прошедших через комиссии по борьбе с дезертирством во II половине 1919 г., 75 человек просто уклонились от военной службы (причины этого нам уже известны), 18—20 человек — сбегали из запасных частей и маршевых рот по пути следования на фронт и 5—7 человек — непосредственно с фронта. Как мы видим, 3/4 общего количества дезертиров просто проигнорировали приказы центральных и местных военных властей о призыве, скрывались дома, чувствуя поддержку со стороны своих семей и односельчан. Вторым по значимости каналом пополнения армии дезертиров было бегство из запасных частей и маршевых рот. Что побуждало красноармейцев идти на этот шаг? Помимо вышеназванных причин, удерживавших крестьян от явки на призывные пункты, были и чисто специфические, связанные с бытом и условиями службы в Красной Армии. В отчете Высшей военной инспекции о результатах проверки войск Петроградского военного округа от 15 декабря 1918 г. говорилось: "Комплектование командного состава носит случайный характер, красноармейский состав разношерстный: старые солдаты быстро осваиваются, новые трудно поддаются обработке. Питание недостаточное и малокачественное... Обмундирование тоже неважное. Остро стоит вопрос с шинелями, одеялами, обмотками и сапогами. Нет необходимого оборудования и мебели в казарме (кроватей), часть солдат спала на полу... Санитарное состояние весьма

[234] СУ. 1918. № 99. Ст. 1015. С. 1277; Известия. Ростов, 1919. 22 февр.; Коммунист. Варнавин, 1919. 20 марта.

скверное... Строевое обучение плохо поставлено, занятия бессистемные, проводятся урывками... Вывод: боеспособность, состояние и служебные качества войск Петроградского округа в общем пока не могут быть признаны удовлетворительными". В итоге на 15 марта 1919 г. недокомплект в частях военного округа составил: командного состава — в среднем 25 %, людского — 57 % и конского — 89 %[235].

Процитируем телеграфные донесения комиссий Высшей военной инспекции председателю СНК от 15 января 1919 г. Самара, 11 января 1919 г. "...мобилизация запаздывает, формирование тормозится неотпуском обмундирования, обуви, вооружения и обоза. Одето людей 10 %, вооружено только 2 %... Начинает ощущаться недостаток продовольствия... При осмотре Самарского запасного полка обнаружено полное отсутствие командного состава, вооружения, неотпуск обмундирования, постельных принадлежностей. Плохое расквартирование: помещения тесные, холодные и без освещения..." Могилев, 6 января 1919 г.: "Санитарное состояние в Могилевском гарнизоне в общем неудовлетворительное (сыпной тиф, скверное питание)..."[236] Председатель инспекционной комиссии № 56 докладывал председателю Высшей военной инспекции 3 апреля 1919 г.: "Обследованы: Белевский, Мценский, Орловский, Обоянский, Щигровский, Курский и Тульский запасные батальоны... Внутренняя жизнь в большинстве обследованных батальонов не менее печальная: почти везде воинские части расквартированы в тесных, душных и грязных помещениях; красноармейцы почти не имеют белья и мыла; баня явление чрезвычайно редкое..." Аналогичная ситуация была зафиксирована инспекцией в Иваново-Вознесенском караульном батальоне, Казанском, Рязанском, Тамбовском, Калужском гарнизонах и т. д.[237]

Таким образом, приведенные источники четко выделяют три причины, делавшие пребывание в армии невыносимым для значительной части красноармейцев-крестьян: неблагоустроенные казармы, дефицит продовольствия и обмундирования, эпидемии. Не следует сбрасывать со счетов антивоен-

[235] *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 57—58.
[236] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 182. Л. 6 об., 8 об.—10.
[237] Там же. Л. 1; Д. 184. Л. 3—4; Д. 448. Л. 45—46, 48, 65.

ную агитацию (внутри и вне казармы) и желание вернуться к мирному труду, помочь своим близким в полевых работах[238].

И, наконец, третий канал пополнения рядов "зеленой армии" — дезертиры с фронта. Здесь в полной мере проявились все вышеназванные причины, только еще более обостренно и болезненно в условиях фронтовых будней[239]. Были и специфические причины: разлагающее воздействие новых пополнений, особенно из принудительно мобилизованных крестьян, антисоветская агитация противника, враждебное отношение к Красной Армии местного населения и организация в ее тылу последним восстаний[240]. Данный источник пополнения крестьян-дезертиров отличался от двух предшествующих и специфической формой проявления "советского дезертирства" — "коллективным дезертирством" (когда целые подразделения, вплоть до полков, снимались с фронта для ухода в тыл или перехода на сторону противника). Для начального периода массового дезертирства эта форма протеста фронтовиков была заурядным явлением на Северном, Северо-Западном, Западном, Южном и Восточном фронтах[241].

Подтверждение распространенности явления "фронтового дезертирства" находим в книге видного деятеля гражданской войны С. Гусева, который писал: "...во время войны наблюдался широко переход мелкобуржуазных элементов на сторону противника, причем целыми воинскими частями. Мотив в их действиях один и тот же — желание гражданского мира. Это наблюдалось особенно в 1918 г..."[242]

Глубокий поворот в жизни российской деревни, вызванный новым витком коммунистического "эксперимента" над крестьянством в начале 1919 г. (введение хлебной разверстки и принятие закона о социалистическом землеустройстве) и отмеченный последним ростом антисоветских выступлений

[238] Там же. Д. 184. Л. 4, 34—34 об.

[239] Там же. Оп. 2. Д. 417. Л. 5 об.; *Пухов Г. С.* Указ. соч. С. 65.

[240] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 417. Л. 32; *Рябухин Е. И.* Указ. соч. С. 85—86.

[241] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 739. Л. 18; Октябрь на Брянщине. С. 208—209; Советы в эпоху "военного коммунизма". Ч. 1. С. 235—236.

[242] *Гусев С.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975. С. 58—59.

(в частности, "чапанная война" в Поволжье и Приуралье в марте 1919 г.), и прямо (через крестьянские пополнения), и косвенно (через местное население и письма с "малой родины") сказался на настроении Красной Армии. В ней наметилась тяга к поддержке в пассивной форме (отказ прибывавших на фронт пополнений идти в окопы, выполнять приказы командования без удовлетворения насущных потребностей красноармейцев, выражение сочувствия солдат карательных отрядов восставшему крестьянству, волнения на социально-экономической почве в запасных частях и т. д.) и активной (возобновление "продовольственной войны" с заградительными отрядами НКП и местных Советов на железных дорогах страны, солдатские восстания и т. д.) "поднимавшейся на дыбы" российской деревни. Приведем факты в подтверждение сказанного. В начале февраля 1919 г. выступление жителей д. Новая Елань Троицкой волости Мензелинского уезда Казанской губернии на продовольственной почве переросло в восстание против правящего режима, благодаря проявленной лояльности со стороны присланного отряда красноармейцев. Вследствие этого восставшие после расправы над председателем уездной ЧК и начальником милиции захватили г. Заинск и организовали там "главный штаб", подконтрольный эсеровскому "Союзу черного орла и земледельца"[243]. В сводке штаба внутренних войск (март 1919 г.) напрямую связывали волнения в 174-м Сызранском и 175-м Самарском запасных полках с мятежом "чапанников" в одноименных уездах Самарской губернии, ибо многие крестьяне-красноармейцы были выходцами из восставших волостей[244].

Из телефонограммы НКП наркомвоену, Э. М. Склянскому, В. И. Ленину от 20 декабря 1918 г.: "Получены сведения из Орла 13 декабря. На ст. Змиевка учинено насилие над продовольственно-реквизиционным отрядом, отряд обезоружен проходящим эшелоном № 59 Москва — Курск. Разгромлены 2 вагона продуктов. 16 декабрч проходящим воинским 129-бис разбит отряд на ст. Отрада, есть жертвы. Случаи разбойного нападения проходящих эшелонов на продотряды, вследствие агитации мешочников, вновь начинают повторять-

[243] *Литвин А. Л.* Указ. соч. С. 163—165.

[244] *Романенко В. В.* Указ. соч. С. 83.

ся. Прошу неотложно назначить следствие в приведенных выше случаях, издать категорическое указание воинским частям о полном невмешательстве под строжайшей ответственностью перед революционным судом..."[245]

И наконец, из донесения гомельского уездвоенкома Мартина (конец марта 1919 г.) председателю СНК: в марте 1919 г. "в Гомеле восстал местный гарнизон. Ревком и коммунисты были арестованы и отправлены в тюрьму. Председатель ЧК Ланге расстрелян, помощник уездвоенкома Фрид избит до полусмерти и голым, босиком отправлен в тюрьму. Все арестованные в тюрьме были выпущены на свободу. Повстанческий комитет находится на ст. Гомель. Повстанцев до 5 000 человек. На платформе станции знамя с надписью: "Большевики обещали нам хлеб, свободу, мир, а дали карточки и гражданскую войну, жидов-коммунистов! Гоните большевиков, сбрасывайте коммунистов, бейте жидов, спасайте Россию, да здравствует Учредительное собрание!". В городе паника, железнодорожная рота поддерживает повстанцев Гомеля, караульный батальон держит нейтралитет..."[246]

Таким образом, в начале 1919 г. начался процесс слияния дезертирства с общекрестьянским протестом и с повстанческим движением в Красной Армии. Это был опасный альянс сил для правящего режима. Тенденция отторжения широких масс крестьянства от идеи строительства регулярной армии и прямого задействования в гражданской войне объективно вела к упадку боевого и морального духа в воинских частях, сохранявших свою преданность Советам, до уровня военно-полицейской силы; а также к "вспышкам" негативных явлений, имевших место в добровольческий период существования Красной Армии, более того, присущих деяниям карательных экспедиций времен самодержавия против крестьян национальных окраин в годы I русской революции.

Наиболее ярко это "отступление" в строительстве советских вооруженных сил проявилось в действиях частей Красной Армии в Приуралье, на территориях, населенных башкирским и киргизским населением. Здесь войска по наущению националистически настроенного командования начали методично проводить по отношению к "инородцам" политику "большого" террора. Военный комиссар Башкирии Валидов докладывал в Центр: "25 февраля 1919 г. в д. Байназаровской было расстреляно частями Троицкого полка 18 человек; д. Кашкарово и М. Рахимово І-й Тангауровской волости ограблены целиком, в последней убито 2 человека; хутора Кашкай и Барангул сожжены целиком, в последнем убито 11 человек. В Ишмурзино І-й Бурзянской волости наложили контрибуцию 25 000 рублей, не хватило 5 011 рублей, за это было расстреляно 2 человека и целиком ограблена деревня, там же ограблены ковры мечети; в д. Мамбетово Бурзян-Тасалыкской волости было наложено контрибуции 5 000 рублей, было собрано 3 945 рублей, за недостаток денег додали 2 быка, подушки и часы, даже один старик предлагал своего внука. В 5 деревнях было расстреляно 12 человек... Все эти деревни расположены около Телясовой и до Интернационального полка были разграблены отступающими казаками..."

В докладной записке Валидова от 1—2 марта 1919 г. говорилось: "Распоряжения тов. Гая о прекращении бесчинств совершенно не имели результатов, по-видимому, их никто не показывал бесчинствующим частям, и солдаты об этом ничего не знали; безобразия продолжались с прежней силой и даже усилились... Расстрелы мирных жителей продолжались (в дер. Кукшевской — 26 человек, дер. Иткучушевской — 8 человек, Абсмичаевской — 4 человека, Галиковской — 12 человек, дер. Минаковской — 1 человек, дер. Альнухеевской — 3 человека, дер. Алзаговской — 15 человек, дер. Юлдыбаевской — 3 человека). Началась охота за башкирской интеллигенцией... Население окончательно лишено муки и зерна. Много было случаев изнасилования женщин..." В итоге І-й кавалерийский полк и эскадрон ІІ-го кавалерийского полка башкир перешли обратно к белым. Валидов сообщал о ненависти командира и комиссара І-й бригады І-й Пензенской дивизии Зеленкова и Сидорова к башкирам. Отход частей І-й армии из Южной Башкирии под напором колчаковских войск привел к новой вспышке расстрелов мирного населения. Все это кончилось тем, что "вымирающие... голодающие, нагие башкиры лишились всего скота, пчел, имущества, последних копеек денег, сотнями и тысячами погибали". На сторону белых перешло

---

[245] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 708. Л. 315.
[246] Там же. Оп. 3. Д. 285. Л. 8, 10.

около 1500 солдат башкирского корпуса, остальные 3700 рассеялись по домам[247].

Так в боях с крестьянской "Вандеей" в тыловых и прифронтовых районах Советской Республики, расправах с "инородцами" Поволжья и Приуралья Красная Армия перерождалась в трудно поддающиеся дисциплине, склонные к дезертирству (даже переходу на сторону противника), теряющие боевой и моральный облик воинские формирования. И это при относительно малочисленном составе РККА. Было от чего задуматься Центру, тем более перед новым витком гражданской войны на внутреннем и внешних ее фронтах, когда на передний план выдвигались сильные и обученные белогвардейские армии Юденича, Колчака и Деникина, а в тылу крепла "пятая колонна" из восставших крестьян, первые ряды которой образовывали формирования дезертиров-"зеленоармейцев".

К весне 1919 г. Советы окончательно осознали необходимость существенных корректировок проводившейся ими военно-мобилизационной деятельности (да и вообще военной политики), с тем чтобы склонить широкие массы крестьянства, главным образом середняков, к участию в процессе количественного и качественного укрепления Красной Армии. В противном случае правящему режиму грозило военно-политическое поражение и падение под объединенными ударами внешних и внутренних врагов.

* * *

Анализ материала, касающегося взаимоотношений Советов и крестьянства в период лета 1918 г. — марта 1919 г., показывает, что российская деревня продолжала быть субъектом истории, отстаивала свою приверженность демократической альтернативе установившемуся политическому режиму в стране, активно боролась за нее.

Особенности этой борьбы состояли в следующем: противостояние шло на фоне развернувшейся широкомасштабной гражданской войны и интервенции, которые границами внешних фронтов как бы раскалывали единое демократическое движение в стране и тем самым значительно ослабляли внутренний фронт борьбы — значительно преуменьшали размах крестьянской войны с правящим режимом, усиливали несогласованность действий ее участников. Осложняли положение уступки со стороны Центра и местных властей, "гасившие" остроту решения общеклассовых задач за счет удовлетворения второстепенных, текущих потребностей деревни.

[247] Там же. Д. 184. Л. 35—43.

Нельзя согласиться с утверждениями тогдашних лидеров партии и правительства о наметившемся на рубеже 1918/1919 гг. переломе в политических настроениях крестьянства, что позднее интерпретировалось как готовность последнего теперь играть лишь роль "движущей силы Октябрьской революции и гражданской войны", устремленной на поддержку "военно-коммунистической" модели Советской власти. На деле это был период непрерывной крестьянской войны с большевистскими Советами и комбедами, где роль авангарда восстания поочередно брали на себя то сельские жители Центра России (август — октябрь, ноябрь — декабрь 1918 г.), то население Поволжья и Приуралья (май — июль 1918 г., январь — март 1919 г.).

Прямым следствием сохранения крестьянством статуса субъекта истории являлось состояние дел в военном строительстве Республики: наметилась явная тенденция "сползания" Красной Армии, так и не заручившейся прочной поддержкой крестьянства, на положение военно-полицейских частей по типу отрядов упраздненной Красной гвардии и наращиваемых войск ВЧК. В политической сфере проглядывало явное несоответствие социальной базы правящего режима условиям начавшейся в таких масштабах гражданской войны, стремление Центра опереться на "плечо" трудовой деревни — середнячество. Именно от позиции последнего зависело политическое и военное выживание режима в период нового массированного наступления объединенных сил белогвардейцев и стран Антанты против Советской Республики.

Чтобы заручиться поддержкой трудовой деревни, Центр явно спешил осуществить военно-политическое соглашение сторон "сверху", ибо ясно сознавал возможность и нежелательные последствия корректировки своего политического курса силами самого крестьянства "снизу".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемые нами периоды гражданской войны российское крестьянство активно играло роль субъекта истории, непосредственным образом оказывавшего влияние на содержание и логику развития военно-политических процессов в стране. Однако были различия: в период октября 1917 г. — мая 1918 г. крестьянство выступало на исторической арене как единый класс, нацеленный на упрочение демократии в стране (эволюции подверглись лишь взгляды на формы ее реализации: Учредительное собрание — комбинированная форма власти Учредительного собрания и Советов — Советская власть октябрьской эпохи). Это было время, когда центр тяжести борьбы демократического движения находился в плоскости парламентского противостояния диктаторским замашкам правящей партии большевиков. Опорой ему служили общедемократические Советы К. Д. и партия левых эсеров. Да и программа действий последних сводилась к упрочению "октябрьской" модели советской государственности и углублению провозглашенных ею демократических реформ.

В период лета 1918 г. — марта 1919 г. были иные координаты противостояния сторон: класс крестьянства территориально раскалывался границами внешних фронтов гражданской войны, был лишен своих политических руководителей, что в целом вело к ослаблению демократического движения в стране. Изменилось и содержание борьбы с правящим режимом. Крестьянство теперь отдавало предпочтение непарламентским формам борьбы, преимущественно восстаниям, которые непрерывной чередой охватывали районы то Центра России, то Поволжья и Приуралья. Программа действий оппозиции тоже была иная: против утвердившейся "военно-коммунистической" модели советской государственности, за возвращение правления Советов октябрьского времени.

В этом конфликте сторон не было победителей и побежденных, страдали в равной мере и Советская власть, и

крестьянство. Первая изматывала силы в данном противостоянии, теряла поддержку в массах, что приводило к принятию поспешных, не взвешенных решений, затяжке в осуществлении стратегических инициатив и в конце концов к обострению политической и социально-экономической ситуации в стране. Крестьяне же не имели возможности в полной мере воспользоваться демократическими завоеваниями "Октября", в связи с чем страдали их хозяйства, падал жизненный уровень деревни.

Широкомасштабная гражданская война и интервенция внесли свои коррективы в данный конфликт: перед лицом зримой угрозы реставрации старых порядков противоборствующие стороны начали проявлять тягу к объединению против общего врага, понимая, что без помощи друг друга невозможно противостоять силам белогвардейцев и стран Антанты. Тем более что Центр первым сделал шаги навстречу крестьянству в данном направлении (ноябрь — декабрь 1918 г. — уступки деревне социально-экономического плана, январь — март 1919 г. — меры по демократизации режима власти). Так закладывались предпосылки заключения сторонами военно-политического соглашения на время ведения боевых действий с белогвардейцами и интервентами.

Тем самым спор альтернатив политического обустройства страны как бы откладывался (но отнюдь не разрешался накануне массированного наступления армий Колчака, Деникина, Юденича и т. д.) до окончания гражданской войны и интервенции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

ИЛЬИН Юрий Александрович

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО ОКТЯБРЬ 1917 г. — МАРТ 1919 г.

Редактор *Т. И. Ларина*
Корректор *Т. Б. Земскова*
Технический редактор *И. С. Сибирёва*
Компьютерная верстка *Г. Б. Клёцкина*

Лицензия ЛР № 020295 от 22.11.96. Подписано в печать 15.06.98.
Формат 60 × 84$^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Гарнитура TimesET. Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 300 экз. Заказ 1388/р.

Ивановский государственный университет
153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Типография Главного управления по комплектованию
и подготовке кадров Минтопэнерго Российской Федерации
153025 Иваново, ул. Ермака, 41